

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 29-11-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 29-11-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Бадинтер Робер - доктор юридических наук, профессор Университета Париж-I (Пантеон-Сорбонна), член Сената Франции, экс-председатель Конституционного Совета Франции, экс-министр юстиции Франции. 1, rue Thenard, 75005, Paris. France.

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша

Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland)) Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович - доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Рерихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,

Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmms@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснская, 9, оф.

721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, - , novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmms@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-

правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGU), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Badinter Robert - Doctor of Law, Professor at the University of Paris-I (Pantheon-Sorbonne), member of the Senate of France, ex-Chairman of the Constitutional Council of France, ex-Minister of Justice of France. 1, rue Thenard, 75005, Paris. France.

Boyarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universität Bremen, Universitätallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and

Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA") 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland)) Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia, aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhonovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

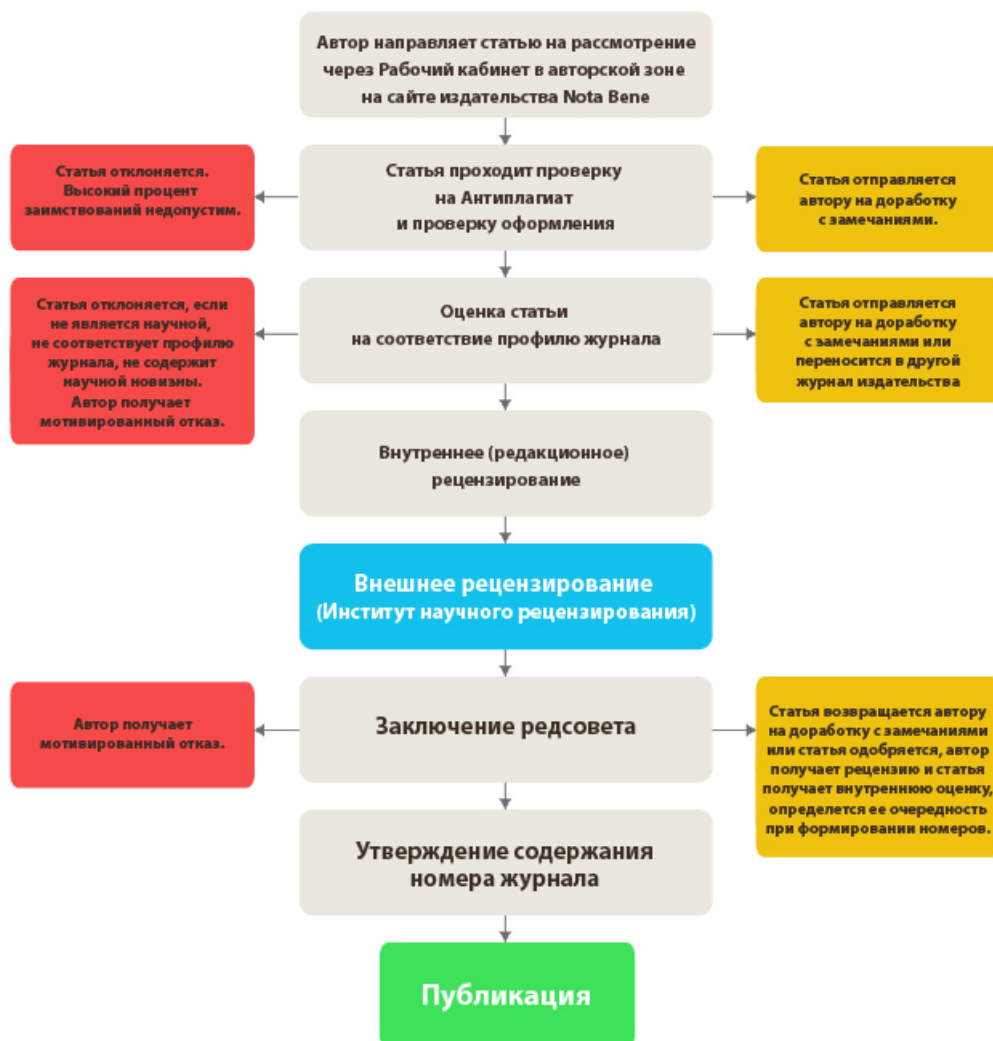
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Шмидт Т.Н. Особенности чрезвычайно-правового регулирования в России в условиях пандемии.	1
Вронская М.В., Ехлакова Ю.В. Проблемные аспекты практики снижения неустойки в российском гражданском праве	14
Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования	26
Шепелёва О.Р., Преблагина К.И. Правовые и фактические основания формирования доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства	42
Сухарев М.В. Информационные технологии и коллективный субъект права	53
Сотников К.И. О возможностях внедрения транскрипции в практику допроса на стадии предварительного расследования преступлений	66
Чорновол Е.П. Конкурентно-правовой институт преференции: понятие, состав и система	76
Маслова С.В. Таксономии проектов «устойчивого развития» и «зеленых» проектов как правовые инструменты достижения целей устойчивого развития и экологизации законодательства	98
Петровская М.И. Институт временного убежища: проблемы государственного управления, статистики и административно-правового регулирования	108
Полстовалов О.В., Галяутдинов Р.Р. Организованные формы онлайн-мошенничества: виды мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий и особенности их совершения	120
Англоязычные метаданные	128

Contents

Shmidt T. Features of legal regulation in the context of a pandemic.	1
Vronskaya M.V., Ekhlakova Y.V. Problematic aspects of the practice of reducing penalties in Russian civil law	14
Bodrov N.F., Lebedeva A.K. The concept of deepfake in Russian law, classification of deepfake and issues of their legal regulation	26
Shepeleva O.R., Preblagina K.I. Legal and factual grounds for the formation of evidence at the pre-trial stage of criminal proceedings	42
Sukharev M.V. Information Technologies and the Collective Subject of Law	53
Sotnikov K.I. On the possibilities of introducing transcription into the practice of interrogation at the stage of preliminary investigation of crimes	66
Chornovol E.P. Legal institute of preferences: concept, composition and system	76
Maslova S.V. Taxonomies of "sustainable development" and "green" projects as legal instruments for achieving sustainable development goals and "green legislation"	98
Petrovskaya M.I. Temporary Asylum: Problems of Public Administration, Statistics and Administrative Legal Regulation	108
Polstovalov O.V., Galiautdinov R.R. Organized forms of online fraud: types of fraud in the field of computer information and the use of high technologies	120
Metadata in english	128

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шмидт Т.Н. — Особенности чрезвычайного-правового регулирования в России в условиях пандемии // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.44075 EDN: DBRIKQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44075

Особенности чрезвычайного-правового регулирования в России в условиях пандемии

Шмидт Татьяна Николаевна

кандидат юридических наук

доцент кафедры "Международные экономические отношения", Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Пр. Ленина, 46, каб. 249

✉ shmitatyana@yandex.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.44075

EDN:

DBRIKQ

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2023

Дата публикации:

10-11-2023

Аннотация: В данной статье анализируются ключевые векторы воздействия чрезвычайных обстоятельств на возможности юридического регулирования. Особое внимание уделяется итогам пандемии COVID-19, сильно повлиявших на юридические рамки. Выявление и изучение подобных воздействий исключительных обстоятельств на правовое поле обуславливает тенденции развитию отечественного законодательства в указанной области. Целью настоящей статьи является проведение критического анализа и научного обобщения особенностей чрезвычайного-правового регулирования в РФ в условиях пандемии. Материалы и методы: Для проведения исследования использовались Конституция и комплекс законодательных актов, принятых во время пандемии коронавируса. В рамках методологии исследования применялись общенаучные методы (синтез, индукционно-дедукционные подходы, обобщение) и

специализированные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.). Выводы и заключения: воздействие пандемии коронавируса, как образца естественных исключительных условий, выступает в увеличении области действия юридического регулирования, что вызывает расширение нормативно-правовых рамок; развитие юридического регулирования вне рамок указанной области; повышении активности применения квазиправовых механизмов ; модификации границ между обязательным и факультативным правовым регулированием; размытии границ между отдельными юридическими областями через формирование новых «циклических юридических сегментов»; модификации юридических рамок в целом. В статье представлена классификация аспектов воздействия короновирусной инфекции периода пандемии COVID-19 на развитие области применения юридического воздействия.

Ключевые слова:

развитие права, чрезвычайно-правовое регулирование, пределы правового регулирования, чрезвычайные обстоятельства, пандемия COVID-19,коронавирус, юридическое регулирование, методология исследования, синтез , индукционно-дедукционные подходы

Введение

Пандемия COVID-19, которая охватила все страны земного шара, пришла так же в Россию. Правительством РФ были приняты определенные законодательные и иные нормативно-правовые акты для того, чтобы ввести стандарты правового регулирования тех или иных мероприятий, которые проводились в России с целью минимизации последствий распространения пандемии COVID-19 и грамотной организации функционирования экономики, предприятий, органов здравоохранения, социального обеспечения и т.д. на территории Российской Федерации.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в рамках чрезвычайно-правового регулирования в России в условиях пандемии COVID-19.

Предметом исследования являются особенности чрезвычайно-правового регулирования в условиях пандемии Covid-19.

Целью настоящей статьи является проведение критического анализа и научного обобщения особенностей чрезвычайно-правового регулирования в РФ в условиях пандемии. Для раскрытия цели настоящей статьи, необходимо решение следующих задач:

1. исследовать понятие «специальный правовой режим» в отечественном законодательстве;
2. проанализировать практические аспекты применения специального правового режима в условиях пандемии COVID-19;
3. определить влияние исключительных обстоятельств пандемии на юридические рамки специального правового режима.

Методы и методология исследования. Для проведения исследования использовались Конституция и комплекс законодательных актов, принятых во время пандемии коронавируса. В рамках методологии исследования применялись общенаучные методы

(синтез, индукционно-дедукционные подходы, обобщение и др.) и специализированные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.).

Новизна исследования. В ходе исследования были выявлены ключевые направления воздействия чрезвычайных обстоятельств на правовые рамки во время пандемии коронавируса, анализ воздействия которых служит базой для последующего развития юридического регулирования в подобных ситуациях.

Основная часть

1. Понятие «специальный правовой режим» в отечественном законодательстве

В настоящее время часто возникают ситуации, которые предполагают применение специальных юридических инструментов для реагирования на непредвиденные, форс-мажорные обстоятельства. Эти обстоятельства создают потребность в создании наборов юридических механизмов, которые иногда называют «чрезвычайным правом». Такие средства регулирования могут давать результат при управлении социальными отношениями в условиях, когда стандартные правовые нормы не применимы. [\[12, с. 47\]](#)

Для позиционирования таких наборов юридических инструментов часто применяется термин «специальный юридический режим». Существует множество разновидностей таких режимов, и систематизация их видов является предметом активных обсуждений.

Не вдаваясь в детали обсуждений, мы выделяем основной аспект, который играющий основную роль для нашего анализа. Исключительные обстоятельства могут возникать под влиянием различных неожиданных факторов, таких как общественные изменения, природные катастрофы, биологические угрозы и другие. Они могут потребовать применения специальных правовых мер, таких как введение чрезвычайных положений, установление военного режима, проведение антитеррористических мер и так далее. В рамках нашего исследования актуально не столько изучение каждого из этих конкретных правовых режимов, сколько анализ наличия чрезвычайных обстоятельств, которые обуславливают целесообразность введения таких режимов и их влияние на юридическое поле в целом. [\[5, с. 90\]](#)

Автор данного исследования исходит из убеждения, что чрезвычайные обстоятельства представляют собой ситуации, которые выходят за рамки обыденных условий и носят форс-мажорный характер, отличный от того, что мы обычно встречаем. Невзирая на то, что каждый из приведенных выше юридических режимов обычно является сформировавшимся механизмом с четким комплексом юридических инструментов, в ситуациях возникновения чрезвычайных обстоятельств эта по умолчанию статичная система получает импульс для прогресса, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства. Также следует отметить, что упомянутые режимы могут вовсе не применяться, что обуславливает создание совершенно уникального механизма, который формируется под влиянием исключительных обстоятельств в данный момент.

Непредвиденные обстоятельства могут возникать вследствие двух видов исключительных ситуаций. Первый вид связан с преднамеренными социально опасными действиями граждан, в то время как второй образуется независимо от человеческих намерений и сознания как следствие катастроф, стихийных бедствий и других аналогичных событий, включая пандемии. Первый вид чрезвычайных обстоятельств необходимо позиционировать с точки зрения общественных факторов, оказывающих влияние на формирование правовых норм и законодательных рамок, в то время как второй вид связан с естественными причинами. [\[4, с. 13\]](#)

Хорошим примером обстоятельств второго вида можно считать глобальную пандемию коронавируса, которая изменила устоявшийся порядок жизни населения и существенным образом повлияла на юридические рамки и ограничения. Несмотря на то, что пандемия коронавируса является частным проявлением исключительных обстоятельств, она может позиционироваться как традиционный вид естественных событий. Исследование ее воздействия на область и содержание юридических рамок дает возможность сформулировать заключения и улучшить результат действия юридического механизма в аналогичных обстоятельствах в перспективе.

Перед формированием ключевых векторов воздействия коронавируса, как исключительного события, вызвавшего возникновение исключительных условий на юридические рамки, актуально подробнее рассмотреть концепцию «юридические рамки».

Юридические рамки необходимо позиционировать как общий термин, состоящий из двух основных элементов - это рамки юридической области и рамки предмета законодательного регулирования. Рамками юридической области являются ограничения, в пределах которых реализуются установленные законом меры в сфере социальных взаимодействий. Рамками предмета законодательного регулирования выступают рамки, в которых проводится законодательно установленное влияние на социальные отношения, с учетом объективных и субъективных условий. Важно подчеркнуть, что оба элемента юридических рамок разделяемы на естественные, разграничивающие область юридического действия от области человеческого существования, подверженных силам природы, и общественные, разграничивающие область юридического действия от других областей управления обществом, не предполагающих применения нормативно-правовых актов. [\[1, с. 29\]](#)

Внутри сферы юридического регулирования отмечаются внутренние ограничения, различаемые в зависимости от используемого показателя для структурирования. Этот показатель может включать в себя предмет регулирования, применяемые средства и инструменты, законодательные акты и другие показатели.

2. Специальный правовой режим в условиях пандемии COVID-19

Коронавирус оказал серьезное воздействие как на рамки в области юридического регулирования, так и на рамки предмета законодательного вмешательства. В условиях такой ситуации, как, пандемия, которая обладает исключительным характером, динамичные рамки юридического воздействия ускоряются еще больше. Проявлением данной динамики является изменение внешних общественных рамок в области юридического вмешательства, что естественным образом приводит к увеличению границ предмета такого воздействия. [\[10, с. 23\]](#)

Границы юридического воздействия определяются социальным взаимодействием, которое обладает юридической основой. Для определения этой основы используются показатели, в том числе, применимые для формирования рамок общественных норм и областей жизни человека, подчиненных силам природы. Такими показателями являются наличие элемента воли в социальных взаимодействиях и наличие альтернативных вариантов действий. Такие социальные взаимодействия должны обладать признаками, которые характерны исключительно для юридических отношений - способность к общественному контролю и нацеленность на удовлетворение традиционных, общественно значимых целей.

Коронавирус привел к значительным изменениям традиционных, общественно значимых целей. Большинство из них, которые ранее не характеризовались общественной значимостью и возможностями образования конфликтов, обрели соответствующие признаки. Это, в свою очередь, привело к развитию области юридического воздействия и включению новых аспектов в объект нормативно-правового регулирования. [\[7, с. 239\]](#)

В нормальных обстоятельствах перемещение индивида, согласно статье 27 Конституции, рассматривается как его персональная свобода, и в этой связи время, местоположение и финальная точка его перемещения рассматриваются как вопросы, выходящие за пределы юридического вмешательства. Однако в условиях пандемии такие персональные и частные области человеческой жизни, как перемещение и другие, которые обычно присутствуют исключительно в сфере саморегулирования, становятся потенциально конфликтными и общественно значимыми, попадая под влияние юридического вмешательства со стороны государства.

Схожая ситуация возникла и в контексте обеспечения социальной дистанции. В обычные времена этот аспект регулировался внутри общества и не подлежал законодательному регулированию. Однако в условиях COVID-2019 сформировалась потребность в формировании новых правовых норм. В связи с этим, было принято постановление, регулирующее соблюдение социальной дистанции в Российской Федерации.

Необходимо учесть, что развитие области и предмета юридического вмешательства продиктовано воздействием пандемии COVID-2019 на модификацию традиционных, общественно значимых сфер, образующих фундамент правовых отношений. При этом, эти отношения обычно предоставляют потенциал для контроля и мониторинга. Важно отметить, что эти два аспекта не всегда согласуются друг с другом. Например, увеличение общественно значимых противоречивых целей не всегда означает, что органы власти в состоянии эффективно контролировать их в рамках юридического воздействия.

В данных обстоятельствах юридическое воздействие на общество фактически дополняет уже сложившуюся нормативно-правовую базу и саморегулирующиеся элементы. Введение новых юридических норм в этой области, скорее, укрепляет действие существующих механизмов, чем создает нечто новое. Например, в этот период мы видим увеличение рекомендательного и указывающего воздействия, которое, как «мягкое право», действует в большей степени через моральное и этическое влияния на общество и индивидов. Это видно, например, в организации профилактических мероприятий пандемии COVID-19 и советам для юридических лиц в ситуации повышенного риска ее роста. Это также является специфической чертой воздействия коронавируса на рамки юридического воздействия. [\[9, с. 652\]](#)

Рекомендательное и указывающее воздействие, представляющее собой квазюридический механизм, в данном контексте опирается на моральные и этические нормы, в большей степени, чем на строгую юридическую ответственность. Это обусловлено тем, что в ситуациях, где юридическое регулирование проникает в сферы, традиционно опиравшиеся на неправовую саморегуляцию и мораль и где нет возможности полного контроля, социальная легитимность и принятие народом государственных мер становятся более важными, чем законы.

Кроме одновременного развития рамок в области и предмете юридического воздействия, мы можем увидеть увеличение сферы применения правовых норм, выходящих за рамки традиционного законодательного вмешательства.

Отличительным примером действия такой тенденции можно назвать статью 19 Закона от 1 апреля 2020 года № 98-ФЗ, внедрившую изменения в ряд нормативно-правовых актов, связанных с предотвращением и устранением исключительных обстоятельств. Эта статья была нацелена на обеспечение потребностей арендаторов, давая им возможность просить снизить плату за арендуемые объекты в течение 2020 года. Однако она оставила в стороне запросы другой стороны данного бизнеса - арендодателей. Это создает впечатление, что органы власти поспешили вмешаться в область, где механизмы саморегулирования могли бы более эффективно учесть потребности и запросы обеих сторон. Эта ситуация имеет существенную связь со спецификой процесса законодательства. В данном случае, специфика позиционируется как нехватка разработки актуальной законодательной стратегии, поскольку она провоцирует риски превышения границ традиционной юридической регламентации. В итоге, в исключительных обстоятельствах в законодательстве неизбежна тенденция следования обстоятельствам, и при этом уровень риска превышения области применения правовых норм может повышаться, что, в свою очередь, повышает риск излишней юридической регламентации. [\[2, с. 55\]](#)

Как упоминалось ранее, воздействие коронавируса охватывает разнообразные виды и направления ограничений, налагаемых правовой системой. В данном контексте можно проследить ряд существенных перспективных закономерностей. Прежде всего, это характеризуется пересмотром равновесия между императивным и распорядительным воздействием. Пандемия, безусловно, вызвала изменения в относительной гармонии между этими двумя формами нормативного воздействия в контексте конкретных юридических механизмов. Некоторые ученые-юристы считают, что «в условиях исключительных обстоятельств должны преобладать запреты и ограничения».

Тем не менее, это утверждение кажется чересчур категоричным, и практика законодательного воздействия во время пандемии коронавируса доказывает его недостаточную обоснованность.

С одной стороны, мы можем наблюдать тенденцию к пересмотру детализированных и обязательных норм в пользу более гибких и либеральных решений. Хорошим примером является упрощение процессов, касающихся государственных и муниципальных закупок. Данная динамика в основном была продиктована ограниченным временем и высокой необходимостью в быстром удовлетворении запросов различных сторон.

Однако, увеличение противоречивости запросов, о котором мы уже говорили, неизбежно приводит к повышению обязательных норм, включая расширение сферы действия, за которую предусмотрена правовая ответственность и внедрение дополнительных мер, направленных на ее увеличение. Подобные меры включают в себя ужесточение правовых последствий за игнорирование установленных норм.

3. Влияние исключительных обстоятельств пандемии на юридические рамки специального правового режима.

Приведенные модификации являются очевидными и неизбежными, обусловленными развитием и эволюцией социальных взаимоотношений в исключительных ситуациях, что является обоснованным мотивом для пересмотра границ между обязательными и добровольными нормами права. Не следует, однако, игнорировать влияние субъективных факторов, так как они в значительной степени формируются направлениями и приоритетами, которые органы власти ставят перед собой в чрезвычайных ситуациях. Очевидно, что стратегии и приоритеты органов власти в подобных ситуациях начинают

значительно изменяться под воздействием социальной динамики. [\[6, с. 19\]](#)

Сфера применения юридических норм также претерпела изменения в свете пандемии коронавируса, что выразилось в образовании так называемого «циклического юридического сегмента», который нацелен на ликвидацию COVID-19 и снижением его влияния на общество.

Приведенная правовая категория - это нетрадиционные законодательные конструкции, которые встраиваются в существующий юридический механизм, влияют на его контекст и стратегические векторы, а также обладают большой значимостью, как для органов власти, так и для населения, не будучи при этом автономными. Примерами таких сегментов являются антикоррупционное законодательство и правовое поле, регулирующее формирование и стратегии отечественной цифровой экономики.

Образование данных сегментов, включая направленный против пандемии, обуславливает «смешивание» привычных сфер правового регулирования и поднимает вопрос о необходимости дальнейшего анализа этого механизма. Следует подчеркнуть, что данный процесс необходимо позиционировать независимо от уже текущего отрицательного тренда «смешивания» юридических областей, который заключается в попытке интегрировать нормы, воздействующие на социальные взаимоотношения, в однородные законодательные категории, даже если они не подпадают под сферу правового влияния на конкретную область, что в конечном итоге может подорвать внутреннюю юридическую целостность и комплексность - признака, без которого их функционирование становится бессмысленным. [\[11, с. 144\]](#)

Воздействие COVID-19 также сказалось на изменении грани между законодательными и подзаконными актами. При рассмотрении вопроса об уравнивании их ролей целесообразно обозначить следующие моменты: обоснованное определение рамок между первым и вторым уровнями нормативно-правовых актов; реальность вывода второго уровня нормативно-правовых актов за рамки предмета юридического влияния. Оба приведенных момента приобрели актуальность в контексте COVID-19.

Данная ситуация объясняется, в первую очередь, потребностью быстрого реагировать на решение ряда значимых для населения проблем, которые, по своей сути, требуют модернизации правового поля. Например, по состоянию на июль 2020 года, в условиях активного воздействия коронавируса, количество нормативно-правовых актов второго уровня было более, чем в 10 раз выше количества принятых актов первого уровня. Ю.А. Тихомиров указывает, что данные меры, как правило, требуют применения специальных «порученческих» норм, поскольку указанные нормы помогают справиться с исключительными форс-мажорными событиями, в частности, экологическими катастрофами, экономическими дисбалансами, пандемией и так далее.

Кроме того, важно отметить, что чрезвычайные обстоятельства, такие как пандемия, вносят изменения в традиционные факторы, которые должны использоваться для разработки законодательных актов. Один из таких факторов, на который обычно опираются законодательные органы, - это постоянство в управляемых сферах, определяемое как надежность и некоторая консистентность. При этом, в исключительных ситуациях, являющихся, по своей природе временными, этот фактор может перестать быть справедливым, и нарушить юридическое равновесие. [\[3, с. 233\]](#)

Следовательно, исключительные обстоятельства оказывают значительное воздействие на юридические рамки. Такие обстоятельства вызываются как общественными действиями,

так и силами природы. Хорошим примером воздействия сил природы выступает коронавирус, который позиционируется как традиционный случай исключительной ситуации природного происхождения.

Воздействие коронавируса на юридические рамки выражается в нескольких аспектах: развитие области применения юридического воздействия, сопровождаемое увеличением сферы влияния; выход предмета юридического воздействия за рамки традиционных областей; увеличение числа квази-правовых норм, которые скорее являются рекомендациями и советами; трансформации разграничения между обязательными и дополнительными нормами юридического воздействия; сглаживание границ между разными областями права путем образования новых «циклических юридических сегментов»; модификация баланса между законами и подзаконными актами. [\[8, с. 23\]](#)

Выводы

С учетом объективных и субъективных факторов, влияющих на определение границ юридического регулирования, исследование воздействия коронавируса в качестве исключительного естественного явления может помочь законодателям принять во внимание этот опыт и улучшить правовое регулирование в возможных аналогичных ситуациях. В контексте роста вероятности возникновения подобных обстоятельств «чрезвычайное законотворчество» и «управление в исключительных ситуациях» могут потребовать разработки специальных стандартов и последовательной действий для быстрого перехода к чрезвычайным правовым нормам в соответствии со стратегическими сценариями.

Так же необходимо отметить, что автором настоящей статьи была представлена классификация аспектов воздействия коронавирусной инфекции периода пандемии Covid-19 на развитие области применения юридического воздействия, в т.ч.: выход предмета юридического воздействия за рамки традиционных областей; увеличение числа квази-правовых норм, которые скорее являются рекомендациями и советами; трансформации разграничения между обязательными и дополнительными нормами юридического воздействия; сглаживание границ между разными областями права путем образования новых «циклических юридических сегментов»; модификация баланса между законами и подзаконными актами.

Библиография

1. Аду, Я. Н. Защита прав человека в условиях чрезвычайной ситуации на примере пандемии Ковид-19 / Я. Н. Аду, А. Йео // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 12(151). – С. 26-32.
2. Ананьева, Е. О. Правовое регулирование деятельности в сфере транспортных обязательств при введении ограничений в условиях пандемии коронавируса / Е. О. Ананьева, М. Н. Махиборода // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 53-57.
3. Архипов, А. М. Чрезвычайное законотворчество в условиях пандемии: условия баланса интересов личности, общества и государства / А. М. Архипов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2(54). – С. 232-234.
4. Величко, Н. Н. Защита населения Российской Федерации в условиях чрезвычайных ситуаций и пандемии SARS-CoV-2 / Н. Н. Величко // Тверской медицинский журнал. – 2021. – № 5. – С. 10-15.
5. Курманалиев, Н. Ж. Специальное правовое регулирование в условиях пандемии

- новой коронавирусной инфекции / Н. Ж. Курманалиев // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11(215). – С. 88-91.
6. Мельникова, А. С. Анализ правового регулирования национальной безопасности и жизнедеятельности в условиях пандемии / А. С. Мельникова // Научный электронный журнал Меридиан. – 2021. – № 3(56). – С. 18-20.
7. Михайленко, Н. В. Некоторые особенности реализации административно-правовой политики и ограничения прав граждан в условиях пандемии / Н. В. Михайленко, Е. О. Бондарь // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 4. – С. 237-241.
8. Правовое регулирование национальной безопасности в условиях пандемии в России / Л. Ю. Грудцына, Т. И. Кришталева, О. Е. Качкова, П. С. Селезнев // Образование и право. – 2020. – № 8. – С. 20-24.
9. Сибиряев, А. С. Электронно-цифровое общество в условиях чрезвычайных ситуаций (пандемия) / А. С. Сибиряев, А. А. Туровский // Самоуправление. – 2021. – № 4(126). – С. 650-653.
10. Смирнова, М. Г. Трансформация правового регулирования общественных отношений в условиях пандемии / М. Г. Смирнова // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 21-25.
11. Сыропятова, С. Б. Правовое регулирование национальной безопасности и жизнедеятельности в условиях пандемии / С. Б. Сыропятова, Л. М. Алланина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1, № 2(95). – С. 139-147.
12. Чехарина, В. И. Чрезвычайное положение в Польше: конституционное регулирование и "гибридный" характер во время пандемии COVID-19 / В. И. Чехарина // Сравнительное конституционное обозрение. – 2021. – № 4(143). – С. 41-67.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья «Особенности чрезвычайного правового регулирования в условиях пандемии» оформлена традиционно и, в целом, соответствует предъявляемым требованиям к структуре и содержанию научных статей. Однако, есть отдельные замечания к оформлению статьи. Рецензируемая научная статья не структурирована. Отсутствует четкая постановка цели исследования и его задач. Статья не содержит в самом тексте специально выделенного методологического раздела. Авторами статьи не представлена методология исследования, включая использованные методы и подходы к исследованию. Для уровня статьи, предлагаемой для опубликования в журнале, рецензируемом ВАК РФ, это является важной рекомендацией.

Между тем, следует одновременно подчеркнуть, что в самом тексте статьи при его прочтении и анализе, представляется возможным определение предмета исследования, его новизны и иных важных компонентов научного исследования. Актуальность исследования сформулирована и вполне убедительно обоснована. Очевидным становится использование авторами в научной статье как общих методов исследования (преимущественно анализа), так теоретико-правового и иных методов юридической науки.

Полагаем также, что автору/авторам удалось сформулировать научные результаты проведенного исследования. В частности, одним из таковых можно считать представленную классификацию аспектов воздействия коронавирусной инфекции периода пандемии Covid-19 на развитие области применения юридического воздействия, в т.ч.: выход предмета юридического воздействия за рамки традиционных областей; увеличение числа квази-правовых норм, которые скорее являются рекомендациями и советами; трансформации разграничения между обязательными и дополнительными нормами юридического воздействия; сглаживание границ между разными областями права путем образования новых «циклических юридических сегментов»; модификация баланса между законами и подзаконными актами.

Анализ использованных автором/авторами источников и литературы свидетельствует о вполне продуманном подборе научных работ российских ученых по исследуемой проблематике, преимущественно 2020-2021 годов выхода. Библиографический список представлен 12 источниками, среди которых научные работы исследователей – известных российских ученых.

Однако, считаем, что, к сожалению, научная дискуссия в статье не развернута, элементы научной дискуссии и апелляция к оппонентам отсутствуют.

Статья содержательно вполне способна вызвать научный и читательский интерес и, полагаем, что, скорее всего, будет достаточно полезна для целевой читательской аудитории.

Отдельно следует указать на то обстоятельство, что, представленная на рецензирование научная статья «Особенности чрезвычайно-правового регулирования в условиях пандемии» не вычитана авторами тщательно. В нескольких начальных предложениях содержатся недочеты, связанные с неправильным предложным согласованием и «утерей» связующих слов.

Тем не менее, сказанное не влияет на уровень научности статьи в целом и ее можно рекомендовать к опубликованию с учетом исправления высказанных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

Особенности чрезвычайно-правового регулирования в условиях пандемии

Название в целом соответствует содержанию материалов статьи. В названии статьи автор не уточнил: «в России».

В названии статьи просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет научный интерес. Автор разъяснил выбор темы исследования и обосновал её актуальность.

В статье не сформулирована цель исследования, не указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором. На взгляд рецензента, основные элементы «программы» исследования автором не вполне продуманы, что отразилось на его результатах.

Автор не представил результатов анализа историографии проблемы и не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор географических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор грамотно использовал источники, выдержал научный стиль изложения, грамотно использовал методы научного познания, стремился соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор указал на причину выбора темы исследования, обосновал её актуальность, обозначил содержание термина «специальный юридический режим» и пояснил читателю, что «чрезвычайные обстоятельства представляют собой ситуации, которые выходят за рамки обыденных условий и носят форс-мажорный характер» т.д.

В основной части статьи автор сообщил, что «непредвиденные обстоятельства могут возникать вследствие двух видов исключительных ситуаций» т.д., и что «примером обстоятельств второго вида можно считать глобальную пандемию коронавируса, которая изменила устоявшийся порядок жизни населения и существенным образом повлияла на юридические рамки и ограничения» т.д. Автор описал содержание концепции «юридические рамки», и пояснил, что «внутри сферы юридического регулирования отмечаются внутренние ограничения, различаемые в зависимости от используемого показателя для структурирования» т.д.

Далее автор констатировал, что «коронавирус оказал серьезное воздействие как на рамки в области юридического регулирования, так и на рамки предмета законодательного вмешательства» т.д., что «коронавирус привел к значительным изменениям традиционных, общественно значимых целей», а также «к развитию области юридического воздействия и включению новых аспектов в объект нормативно-правового регулирования» т.д. Автор обосновал свою мысль соответствующими примерами.

Автор заключил, что «в данных обстоятельствах юридическое воздействие на общество фактически дополняет уже сложившуюся нормативно-правовую базу и саморегулирующиеся элементы» т.д., что «рекомендательное и указывающее воздействие, представляющее собой квазюридический механизм, в данном контексте опирается на моральные и этические нормы, в большей степени, чем на строгую юридическую ответственность» т.д.

Далее автор сообщил читателю, что «кроме одновременного развития рамок в области и предмете юридического воздействия, мы можем увидеть увеличение сферы применения правовых норм, выходящих за рамки традиционного законодательного вмешательства», вновь обстоятельно обосновал свою мысль.

Автор указал на «виды и направления ограничений, налагаемых правовой системой», а также прокомментировал «существенные перспективные закономерности», связанные, прежде всего, с «пересмотром равновесия между императивным и распорядительным воздействием».

Далее автор сообщил, что «сфера применения юридических норм также претерпела изменения в свете пандемии коронавируса, что выразилось в образовании так называемого «циклического юридического сегмента», который нацелен на ликвидацию COVID-19 и снижением его влияния на общество» т.д., что «воздействие COVID-19 также сказалось на изменении грани между законодательными и подзаконными актами» т.д., наконец, что «чрезвычайные обстоятельства, такие как пандемия, вносят изменения в традиционные факторы, которые должны использоваться для разработки законодательных актов» т.д.

В статье встречаются незначительные опiski, как-то: «При этом, эти», «категория - это», «Так же необходимо», «В данном случае, специфика» т.д.,

Выводы позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им

исследования. Выводы отражают результаты исследования, проведенного автором, отчасти.

Переход к выводам в статье не очевиден читателю.

В завершение основной части статьи автор заявил, что «исключительные обстоятельства оказывают значительное воздействие на юридические рамки» т.д., перечислил аспекты, в которых выразилось воздействие коронавируса на юридические рамки, напомнил, что в статье «была представлена классификация аспектов воздействия коронавирусной инфекции периода пандемии Covid-19 на развитие области применения юридического воздействия» т.д.

На взгляд рецензента, автору следовало сформулировать «особенности чрезвычайно-правового регулирования в условиях пандемии» (в России), как об этом им было заявлено в названии статьи.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти.

Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует доработки, прежде всего, в части формулирования ключевых элементов программы исследования и соответствующих им выводов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Особенности чрезвычайно-правового регулирования в России в условиях пандемии» предметом исследования являются «особенности чрезвычайно-правового регулирования в условиях пандемии Covid-19».

Методология исследования. При написании статьи использовались такие методы как: логический, исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный и правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее.

Актуальность исследования. Пандемия Covid-19 нарушила привычный ритм жизни, потребовала внесения соответствующих изменений в правовое регулирование общественных отношений, показала, что общественный интерес (в частности, обеспечение безопасности в сфере здравоохранения) может быть выше частных интересов отдельных лиц. Государственная политика, включая правовую, была направлена на поддержание баланса государственных, общественных и частных интересов. Как правильно отмечает автор этой статьи, «коронавирус оказал серьезное воздействие как на рамки в области юридического регулирования, так и на рамки предмета законодательного вмешательства. В условиях такой ситуации, как, пандемия, которая обладает исключительным характером, динамичные рамки юридического воздействия ускоряются еще больше». Названные автором статьи обстоятельства указывают на актуальность доктринальных разработок по данной тематике с целью «...улучшить правовое регулирование в возможных аналогичных ситуациях».

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы заслуживающие внимания положения, например: «...была представлена классификация аспектов воздействия

коронавирусной инфекции периода пандемии Covid-19 на развитие области применения юридического воздействия, в т.ч.: выход предмета юридического воздействия за рамки традиционных областей; увеличение числа квази-правовых норм, которые скорее являются рекомендациями и советами; трансформации разграничения между обязательными и дополнительными нормами юридического воздействия; сглаживание границ между разными областями права путем образования новых «циклических юридических сегментов»; модификация баланса между законами и подзаконными актами». Автором по результатам написания статьи сделан ряд теоретических выводов и предложений, что указывает не только на важность этого исследования для юридической науки, но и определяет его практическую значимость.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, использована специальная терминология. В целом материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Статья структурирована. Тема раскрыта. Содержание статьи соответствует ее названию. Замечаний нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены в соответствии с требованиями библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье отсутствует научная дискуссия, автор приводит мнения других ученых лишь для подтверждения собственной позиции. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Особенности чрезвычайно-правового регулирования в России в условиях пандемии» рекомендуется к опубликованию, так как отвечает требованиям, предъявляемым к научным статьям. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, имеет практическую значимость и отличается научной новизной. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области общей теории права, административного права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Вронская М.В., Ехлакова Ю.В. — Проблемные аспекты практики снижения неустойки в российском гражданском праве // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.68914 EDN: DPTTRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68914

Проблемные аспекты практики снижения неустойки в российском гражданском праве

Вронская Мария Владимировна

кандидат юридических наук

доцент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

690014, Россия, г. Владивосток, Приморский Край, ул. Баляева, 42, кв. 119

✉ m.vronskaya@mail.ru

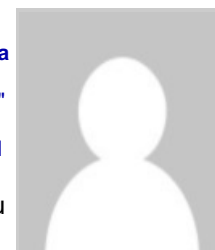

Ехлакова Юлия Васильевна

юрист, ООО "Юридическая клиника"

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

✉ Golya7795@mail.ru

[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.68914

EDN:

DPTTRQ

Дата направления статьи в редакцию:

04-11-2023

Дата публикации:

11-11-2023

Аннотация: Сложившаяся практика применения статей 330-333 ГК РФ не всегда способствует эффективному использованию неустойки для обеспечения исполнения обязательств. Это может быть связано с отсутствием в законе правовой дефиниции «упущенная выгода», четких критериев явной несоразмерности неустойки последствиям

неисполнения обязательства, с наличием в ст. 330 ГК РФ оценочной категории «явная несоразмерность», которую суды толкуют по-разному, а иногда в обход разъяснений на этот счет высших судебных инстанций. Правовую неопределенность создают нормы частей 1 и 2 статьи 333 ГК РФ, не позволяющие сделать однозначный вывод о правомерности применения их положений для снижения законной неустойки лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Предметом научного исследования является выявление проблемных вопросов правоприменительной практики по снижению неустойки в соответствии со ст. 333 ГК РФ. В работе использован формально-юридический и сравнительно-правовой анализ судебной практики с целью формулирования авторских выводов относительно предмета исследования. В работе использован формально-юридический и сравнительно-правовой анализ судебной практики с целью формулирования авторских выводов относительно предмета исследования. Посредством применения указанной методологии было установлено, что суды основываются на нормах статей 330-333, 394 ГК РФ, разъяснениях Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2016 № 7, от 22.12.2011 № 81, актах Конституционного и Высшего Арбитражного Суда РФ, а также на положениях федеральных законов и иных нормативных правовых актов, однако практика применения ч. 1 ст. 333 ГК РФ в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью дихотомична, нет единообразия. По результатам проведенного исследования были выявлены проблемы, предложены пути решения, выраженные в закреплении в ст. 333 ГК РФ четких оснований (критерий) снижения неустойки во избежание чрезмерно широкого судебного усмотрения, и фактически произвольного судебного толкования явной несоразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства.

Ключевые слова:

неустойка, снижение размера, соразмерность, судебная практика, гражданская ответственность, судебное усмотрение, предпринимательская деятельность, кредитор, обеспечение обязательств, правовые проблемы

В статье 309 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) провозглашается, что обязательства должны быть исполнены надлежащим образом. Преследуя цель по сокращению либо ослаблению негативного влияния неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства, законодатель закрепил в статье 329 ГК РФ перечень способов, применение которых позволяет обеспечить исполнение обязательства, в том числе в соответствии со статьями 330-333 ГК РФ ^[1]. Широкое распространение неустойки как обеспечительной меры не только в России, но и в других странах объясняется заинтересованностью сторон договора в своевременном исполнении обязательств, возможностью с помощью неустойки побудить должника к своевременному погашению долга. Особую значимость неустойка приобретает в условиях рынка, когда во многом, благодаря ее обеспечительной функции, соблюдается баланс интересов сторон. Взыскиваемая независимо от причинения убытков, неустойка становится особенно популярной, поскольку освобождает кредитора от необходимости применять к должнику какие-либо предупредительные меры, а в случае нарушения обязательства обосновывать наличие и размер убытков.

В то же время, сложившаяся практика применения статей 330-333 ГК РФ способствует эффективному использованию неустойки для обеспечения исполнения обязательств. Представители научного сообщества связывают это с отсутствием в законе правовой

дефиниции «упущенная выгода», четких критериев явной несоразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства, с наличием в ст. 330 ГК РФ оценочной категории «явная несоразмерность», которую суды толкуют очень по-разному, а иногда в обход разъяснений на этот счет высших судебных инстанций. Противоречива в силу недоработок источников национального и негосударственного права практика разрешения споров по взысканию неустойки за неисполнение обязательства по международному договору. Правовую неопределенность создают нормы частей 1 и 2 ст. 333 ГК РФ, не позволяющие сделать однозначный вывод о правомерности применения их положений для снижения законной неустойки лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

Институту неустойки в гражданском праве России всегда уделялось достаточно много внимания. Одними из первых тему неустойки подняли в своих работах О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо^[2], К.А. Граве^[3], В.К. Райхер^[4], М.Я. Пергамент^[5] и др. Неустойка как неотъемлемая составляющая института обеспечения исполнения обязательств в разное время поднималась в трудах: Д.И. Мейера^[6], М.И. Брагинского, В.В. Витрянского^[7], Е.А. Суханова^[8], Б.М. Гонгало^[9] и др.

Как обеспечительная мера и мера ответственности за неисполнение обязательств по договору неустойка исследовалась в диссертационных работах: М.С. Артеменко^[10], В.А. Вятчина^[11], Э.М. Маликовой^[12], А.И. Коновалова^[13], Ю.В. Долматовой^[14] и др. Весомый научный вклад в изучение неустойки как обеспечительной меры внесен Д.А. Гришиным. Монографию «Неустойка: теория, практика, законодательство», в основе которой лежит диссертация этого же автора «Неустойка: вопросы теории и практики»^[15] отличает высокий научный уровень проработки теоретических и ряда практических проблем, связанных с неустойкой, а также комплексный анализ института неустойки и ее соотношение с другими гражданско-правовыми институтами. Особенности неустойки в контексте реформы гражданского законодательства, а также проблемы выработки договорного условия о неустойке детально проработаны в диссертационном исследовании Г.И. Меликова «Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства»^[16].

Несмотря на широкий круг научных исследований по выбранной теме, на сегодняшний день сохраняется потребность в дополнительной проработке теоретических и практических вопросов, связанных с применением неустойки в качестве способа обеспечения исполнения обязательств. Не проработаны должным образом критерии явной несоразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства; нормы ст. 333 ГК РФ не содержат максимального предела неустойки, подлежащего снижению, сложности возникают в практике снижения законной неустойки по заявлению лица, занимающегося предпринимательской деятельностью.

Рассматривая отечественное гражданско-правовое учение можно заметить, что многолетний спор вокруг понятия неустойки был разрешен законодателем, закрепившим в п. 1 ст. 330 ГК РФ определение, согласно которому неустойка, определенная законом или договором, есть не что иное как денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения последним обязательства^[1]. Однако, во отличие от понятия неустойки, вопрос ее правовой природы до настоящего времени остается открытым, что обусловлено двойственной природой неустойки, позиционированием ее в доктрине и в законе и как меры гражданско-правовой ответственности, и как обеспечительной меры. Мы считаем, что

определяя правовую природу неустойки, следует исходить из следующих ее особенностей: условие о неустойке стороны договора оговаривают не после того, как обязательство будет нарушено, как это бывает с мерами гражданско-правовой ответственности, а задолго до нарушения, что характеризует неустойку, прежде всего, как обеспечительную меру, в основе которой, тем не менее, лежит санкционный механизм, применяемый к должнику. Также полагаем, что определять правовую природу неустойки необходимо, отталкиваясь от ее цели (обеспечение надлежащего исполнения основного обязательства), а не от степени обеспеченности или гарантированности требования о ее взыскании, которая остается прерогативой государства, поскольку стороны договора вправе выбрать в качестве источника исполнения конкретного обязательства другую обеспечительную меру (залог или поручительство). С нашей точки зрения, уяснению правовой природы неустойки наилучшим образом способствует позиция высших судебных инстанций, согласно которой неустойка позиционируется, и как способ обеспечения исполнения обязательства, и как мера имущественной ответственности за его нарушение.

Независимо от того, какой вид неустойки используется субъектами гражданских правоотношений, ее значение для обеспечения исполнения обязательств трудно переоценить. Как показывает практика, неустойка служит гарантией обеспечения надлежащего исполнения основного обязательства. Благодаря неустойке, стороны договора стимулируются к надлежащему исполнению основного обязательства, а также предупреждаются о том, что при их нарушении они будут обязаны передать денежную сумму в качестве компенсации – кредитору.

Полагаем также, что не способствует эффективному правоприменению, а также ослабляет обеспечительное значение неустойки сложившаяся практика снижения судами всех без исключения видов неустойки, вне зависимости от ее вида (законная или договорная), размера, назначения и вида правоотношений. И хотя отдельные федеральные законы в ряде случаев устанавливают явно завышенный ее размер, с нашей точки зрения, правовая сущность неустойки как обеспечительной меры при таком подходе страдает. Неустойка обязана быть соразмерной с нарушенным интересом участников договорных отношений. Но если неустойка снижается без учета вышеуказанных обстоятельств, она утрачивает свою специфику и становится неспособна выполнить свою базовую функцию – обеспечить надлежащее исполнение обязательства.

Считаем, что избежать чрезмерно широкого судебного усмотрения и произвольного толкования судами понятия «явной несоразмерности» неустойки последствиям неисполнения обязательства поможет закрепление в ГК РФ четких критериев (оснований) снижения неустойки, максимального размера неустойки, подлежащего уменьшению в порядке ст. 333 ГК РФ, а также прямое указание закона на возможность снижения *законной* неустойки по заявлению предпринимателя (п. 1 ст. 333 ГК РФ).

Анализ судебных решений показал, что примерно в 80% случаев апелляционные инстанции и Верховный Суд РФ соглашались с подходом нижестоящих судов в применении статей 333 ГК РФ, однако, в отдельных случаях высшая судебная инстанция вынуждена указывать на судебные ошибки, неверное толкование норм ГК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ, на отсутствие в мотивировочной части решения оснований для снижения неустойки либо для отказа в снижении таковой.

В доказательство вышеизложенного, рассмотрим некоторые ситуации из правоприменительной практики.

1. Рассмотрев кассационную жалобу ООО «Теплоснабжающая компания Мосэнерго» (далее – Общество) на немотивированный отказ судов в снижении неустойки, начисленной по факту неисполнения обязательства МУП «Котельники» по оплате поставленных Обществом ресурсов в период с июля 2019 г. по сентябрь 2019 г. в рамках заключенного договора, Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в Определении от 07.02.2022 по делу № А40-343318/2019 указала, что в мотивировочной части судебного акта по данному делу не содержится обоснование принятого судом решения об отказе в удовлетворении требования Общества о снижении неустойки. Таким образом судом требование истца по существу не рассмотрено, ссылаясь на не достаточную со стороны апеллянта аргументацию неправомерного его отклонения судом первой инстанции. Аналогичное обоснование приведено и в судебном акте кассационной инстанции. По результатам рассмотрения спорного дела, ВС РФ определил признать вышеуказанные судебные акты не соответствующими положениям статей 170, 271, 306 АПК РФ. Как указал ВС РФ, суд первой инстанции, вынося решение об отказе Обществу в иске о снижении неустойки, не привел какого-либо обоснования ее несоразмерности. Помимо этого, в судебных актах нижестоящих судов не указаны основания для отклонения заявления Общества о снижении неустойки, все же, упомянутые судом апелляционной инстанции основания для отказа в ее снижении не соответствуют гражданскому законодательству РФ, в частности статье 333 ГК РФ, разъяснениями российской правоприменительной практики, а также материалами спорного дела.

Считаем, что выводы ВС РФ по данному делу приобретают особую значимость в связи с достаточно широким распространением на практике (9%) ситуаций, при которых те или иные доводы ответчика в пользу применения ст. 333 ГК РФ (снижения неустойки) либо в отказе от уменьшения ее размера должным образом не оцениваются, и в мотивировочной части решения вопреки норме п. 4 ст. 198 ГПК РФ не указываются.

2. Сумма неустойки, намного превосходящая стоимость товаров, работ, услуг по договору, служит основанием для снижения неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ. В то же время, анализ судебных решений показал, что в этой части требования закона суды соблюдают не всегда. Так, рассматривая одно дело, в котором размер неустойки превысил 72% от стоимости неоплаченного товара, суд счел неустойку явно несоразмерной последствиям неисполнения обязательства и указал на обоснованность решения суда первой инстанции о снижении ее размера в порядке п. 1 ст. 333 ГК РФ], а в другом случае суд отказал в иске о снижении размера неустойки, несмотря на то, что он в 162 раза превысил стоимость выполненных по договору работ.

3. В отдельных случаях суды апелляционной инстанции отклоняют заявленные в апелляционных жалобах ходатайства должника об уменьшении размера неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ, мотивируя это тем, что в суде первой инстанции такое заявление должник не сделал, а оно может иметь место только при рассмотрении дела по первой инстанции.

Так, в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2017 г. по делу № А41-54226/17 суд указал: «заявленное в тексте апелляционной жалобы ходатайство о применении ст. 333 ГК РФ к размеру взыскиваемой неустойки не подлежит удовлетворению, так как в суде первой инстанции такого заявления истцом сделано не было, в связи с чем ответчик несет риск вызванных отсутствием заявленного ходатайства неблагоприятных последствий в виде взыскания с него неустойки в заявленном истцом размере. В связи с этим снижение неустойки по инициативе суда не допускается».

Отметим, что в мае 2018 года Верховным Судом Российской Федерации было вынесено Определение по делу № А43-26319/2016 (далее – Определение), где суд указал, что требование о снижении размера неустойки может быть заявлено должником только на этапе рассмотрения дела судом первой инстанции, а рассмотрение такого заявления апелляционной инстанцией возможно лишь тогда, когда он перешел к рассмотрению дела в соответствии с правилами судопроизводства в суде первой инстанции. Отметим, что данное Определение содержит ссылку на Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 №7.

В то же время, в силу сложившейся практики по ст. 333 ГК РФ, данное Определение спорно, тем более что Постановлением Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» даны разъяснения по применению статьи. 333 ГК РФ, в соответствии с которыми если обязательства не исполнены коммерческой организацией или индивидуальным предпринимателем, который получает доход от своей деятельности, то такому должнику суд может уменьшить неустойку при наличии у него обоснованного заявления, подлежащего подаче в любой форме. Помимо этого, снижение неустойки апелляционными судами весьма частое явление. Данное утверждение согласуется с практикой Десятого арбитражного апелляционного суда, который вынес соответствующее постановление 23 ноября 2017 г., руководствуясь высоким размером неустойки (0,5% от суммы долга за каждый день просрочки), вдвое превышающим сумму основного долга. Аналогичное решение этот же суд вынес, спустя месяц по другому делу, приняв во внимание, что ответчиком по делу выступает унитарное предприятие, функции которого связаны с удовлетворением публичных интересов, обеспечением государственных нужд, а также основываясь на чрезмерно высоком, по мнению суда, размере неустойки (0,5%).

Как видим, апелляционные инстанции по-разному понимают порядок рассмотрения дел, связанных со снижением неустойки и подачи заявления должником, в одних случаях принимая к их рассмотрению, а в других – нет. Полагаем, такая разнонаправленность судебной практике не способствует эффективному правоприменению. Также считаем, что в данном вопросе судам надлежит, в первую очередь, отталкиваться от Определения Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 333 ГК РФ», где подчеркивается право суда оценивать возможность снижения неустойки в каждом конкретном случае, принимая во внимания обстоятельства дела и взаимоотношения сторон. И если сторона и не воспользовалась каким-то процессуальным правом, то отвечать за последствия такого бездействия ей придется самостоятельно.

Полагаем, рассматривая требование (заявление) о взыскании неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ, суд должен ставить во главу угла не время подачи заявления (рассмотрение дела в первой инстанции или на этапе апелляции), а риски неправомерного использования чужих денежных средств.

Неоднозначно складывается судебная практика по применению п. 1 ст. 333 ГК РФ в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Анализ решений показал, что судами по-разному оцениваются возможности применения данного законоположения, если речь идет о снижении размера законной неустойки лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью. И если в одних случаях суды снижают законную неустойку данным субъектам гражданских правоотношений по

правилам, предусмотренным для снижения договорной неустойки, то в других – нет.

В то же время, нами были обнаружены судебные решения, в которых суд высказал сомнение в правомерности рассматриваемого подхода. Так, рассматривая одно из дел, суд отметил, что гражданское законодательство не содержит нормы, прямо позволяющей снижать законную неустойку, а сама законная неустойка (ее размер) есть не что иное как гарантия, которую государство дает кредитору в случае, если должник нарушит его интересы неисполнением обязательства. Аналогичное решение вынесено по другому делу, рассмотрев которое, суд отказал в требовании о снижении законной неустойки, мотивировав свое решение тем, что это вступает в противоречие с целями Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» и нарушает права и законные интересы истца. Кроме того, суд отметил, что уменьшение законной неустойки чревато уменьшением предоставленных кредитору специальных законных гарантий и счел возможным допускать такое снижение в исключительных случаях, если ответчик сумеет доказать, что взысканная неустойка создаст предпосылки для получения кредитором необоснованной выгоды.

Полагаем, причину такого неоднозначного подхода судов к снижению размера законной неустойки в порядке п. 1 ст. 333 ГК РФ следует, в первую очередь, искать в нормах федерального законодательства, закрепляющих ее размер, в этой связи, авторы приходят к следующим выводам, и последующим предложениям законодательного характера.

Разрешение судами Российской Федерации споров о взыскании неустойки сопровождается некоторыми проблемами, среди которых, были выделены следующие:

1 отсутствие единого подхода судей к толкованию норм статей 330, 333 ГК РФ, регулирующих неустойку как обеспечительную меру, а также разъяснений Верховного суда РФ о порядке применения норм об уменьшении ее размера (ст. 333 ГК РФ).

1 отсутствие в мотивировочной части решения суда четкой аргументации в обоснование явной несоразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства, что влечет немотивированные отказы и нарушает требования п. 4 ст. 198 ГПК РФ.

2 неоднозначно толкуются правоприменителем правила подачи заявления о снижении неустойки, вследствие чего ходатайства о применении ст. 333 ГК РФ могут отклоняться апелляционными инстанциями.

3 спорную с точки зрения закона позицию занимают суды при разрешении вопроса о возможности уменьшения законной неустойки лицами, осуществляющим предпринимательскую деятельность (п. 1 ст. 333 ГК РФ).

4 отсутствует единообразие судей в части снижения размера неустойки в условиях распространения коронавирусной инфекции и введения соответствующих ограничительных мер; в ситуациях, когда размер неустойки существенно превышает цену товаров, работ, услуг, являющихся предметом договора и т.д.

В связи с тем, что любая разнонаправленность судебной практики, не способствует эффективному правоприменению, считаем, что в вопросах снижения неустойки судам надлежит руководствоваться Определением Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 263-О, где подчеркивается право суда оценивать возможность снижения неустойки в каждом конкретном случае, принимая во внимания обстоятельства дела, и взаимоотношения сторон.

Полагаем, выработке единой позиции судей по вопросам взыскания неустойки будет способствовать закрепление в ГК РФ четких критериев «явной несоразмерности» неустойки последствиям неисполнения обязательств, дополнительные разъяснения ВС РФ по вопросу применения норм о снижении неустойки в порядке ст.333 ГК РФ, а также рекомендации по совершенствованию норм ГК РФ в части применения неустойки как обеспечительной меры.

По результатам проведенного исследования нами были выявлены вышеуказанные проблемы в регламентации неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств и предложены их пути решения.

Итак, с целью разрешения выявленных проблем, предлагаем возможным следующее:

1) закрепить в ст. 333 ГК РФ четкие основания (критерии) снижения неустойки во избежание чрезмерно широкого судебного усмотрения и фактически произвольного толкования судами явной несоразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства. Считаем, ситуация, когда на этапе заключения договора должник соглашается с неустойкой любого размера, а потом понимает, что суд с огромной долей вероятности, все равно значительно уменьшит ее размер, стимулирующее должника к надлежащему исполнению обязательства значение неустойки утрачивается. В этом смысле оправданным также представляется закрепление в ГК РФ максимального предела неустойки, который подлежит взысканию в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства. Полагаем, в качестве максимального предела подлежащей снижению неустойки может быть обозначена стоимость основного обязательства, превышать которую при определении размера неустойки, подлежащей снижению, будет нельзя. Этот подход, в частности, предусмотрен в законодательстве о защите прав потребителей и иных правовых актах Российской Федерации;

2) сформулировать дополнительные комментарии в пункте 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» о критериях, подлежащих применению с целью определения необоснованной (незаконной) выгоды. Учитывая тот факт, что перед должником всегда стоит задача доказать необоснованную выгоду кредитора для того, чтобы снизить неустойку, считаем, что высшая судебная инстанция должна дать по этому вопросу все необходимые разъяснения, а законодатель – закрепить в ст. 333 ГК РФ официальное толкование понятия «необоснованная выгода»;

3) внести изменения в абзац второй п. 1 ст. 333 ГК РФ, изложив его в следующем виде: «Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить договорную неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении».

Библиография

1. Захаров Д. Е. К вопросу о соотношении способов обеспечения обязательств и мер гражданско-правовой ответственности // ВЭПС. 2018. № 3. С. 83-84.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало.-3-е изд., перераб. и доп.-М.: Статут, 2022. – 357 с.
3. Граве К.А. Договорная неустойка в советском праве. – М.: Госюриздат, 1950. 136 с.
4. Райхер В.К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР / В.К. Райхер.-Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.
5. Пергамент М.Я. Договорная неустойка и интерес. 2-е изд., доп. М.: Изд. кн.

- магазина И.К. Голубева под фирмой Правоведение, 1905. 368 с.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право. 5-е изд. – М.: Книга по требованию, 2012. – 454 с.
7. Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2011. – 476 с.
8. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-изд., перераб. и доп. Т. I: Общая часть. – М.: Статут-М, 2023. – 576 с.
9. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. – М.: Статут, 2022. 222 с.
10. Артеменко М.С. Роль неустойки в обеспечении исполнения планово-договорных обязательств в новых условиях хозяйствования. – Москва, 1986. – 177 с.
11. Вятчин В.А Роль неустойки в условиях свободы договора: дис. канд. юрид. наук / В.А. Вятчин.-Саратов, 1999. – 214 с.
12. Маликова Э.М. Правовое регулирование неустойки на современном этапе: дис. канд. юрид. наук. –Казань, 2001. – 165 с.
13. Коновалов А.И. Неустойка в коммерческом обороте: дис. канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 178 с.
14. Долматова Ю.В. Неустойка в гражданском праве Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. – М.: Наука, 2006. – 212 с.
15. Гришин Д.А. Неустойка: вопросы теории и практики: дис. канд. юрид. наук. – М.: Наука, 2004. – 193 с.
16. Меликов Г.И. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Георгий Игнатьевич Меликов.-Москва, 2019. – 189 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемные аспекты практики снижения неустойки в российском гражданском праве. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, статистический, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована достаточно подробно: "Широкое распространение неустойки как обеспечительной меры не только в России, но и в других странах объясняется заинтересованностью сторон договора в своевременном исполнении обязательств, возможностью с помощью неустойки побудить должника к своевременному погашению долга. Особую значимость неустойка приобретает в условиях рынка, когда во многом, благодаря ее обеспечительной функции, соблюдается баланс интересов сторон. Взыскиваемая независимо от причинения убытков, неустойка становится особенно популярной, поскольку освобождает кредитора от необходимости применять к должнику какие-либо предупредительные меры, а в случае нарушения обязательства обосновывать наличие и размер убытков. В то же время, сложившаяся практика применения статей 330-333 ГК РФ способствует эффективному использованию неустойки для обеспечения исполнения обязательств. Представители научного

сообщества связывают это с отсутствием в законе правовой дефиниции «упущенная выгода», четких критериев явной несоразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства, с наличием в ст. 330 ГК РФ оценочной категории «явная несоразмерность», которую суды толкуют очень по-разному, а иногда в обход разъяснений на этот счет высших судебных инстанций. Противоречива в силу недоработок источников национального и негосударственного права практика разрешения споров по взысканию неустойки за неисполнение обязательства по международному договору. Правовую неопределенность создают нормы частей 1 и 2 ст. 333 ГК РФ, не позволяющие сделать однозначный вывод о правомерности применения их положений для снижения законной неустойки лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность". Ученый раскрывает степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Несмотря на широкий круг научных исследований по выбранной теме, на сегодняшний день сохраняется потребность в дополнительной проработке теоретических и практических вопросов, связанных с применением неустойки в качестве способа обеспечения исполнения обязательств. Не проработаны должным образом критерии явной несоразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства; нормы ст. 333 ГК РФ не содержат максимального предела неустойки, подлежащего снижению, сложности возникают в практике снижения законной неустойки по заявлению лица, занимающегося предпринимательской деятельностью".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "Мы считаем, что определяя правовую природу неустойки, следует исходить из следующих ее особенностей: условие о неустойке стороны договора оговаривают не после того, как обязательство будет нарушено, как это бывает с мерами гражданско-правовой ответственности, а задолго до нарушения, что характеризует неустойку, прежде всего, как обеспечительную меру, в основе которой, тем не менее, лежит санкционный механизм, применяемый к должнику. Также полагаем, что определять правовую природу неустойки необходимо, отталкиваясь от ее цели (обеспечение надлежащего исполнения основного обязательства), а не от степени обеспеченности или гарантированности требования о ее взыскании, которая остается прерогативой государства, поскольку стороны договора вправе выбрать в качестве источника исполнения конкретного обязательства другую обеспечительную меру (залог или поручительство)"; "Полагаем также, что не способствует эффективному правоприменению, а также ослабляет обеспечительное значение неустойки сложившаяся практика снижения судами всех без исключения видов неустойки, вне зависимости от ее вида (законная или договорная), размера, назначения и вида правоотношений. И хотя отдельные федеральные законы в ряде случаев устанавливают явно завышенный ее размер, с нашей точки зрения, правовая сущность неустойки как обеспечительной меры при таком подходе страдает. Неустойка обязана быть соразмерной с нарушенным интересом участников договорных отношений. Но если неустойка снижается без учета вышеуказанных обстоятельств, она утрачивает свою специфику и становится неспособна выполнить свою базовую функцию – обеспечить надлежащее исполнение обязательства"; "... избежать чрезмерно широкого судебного усмотрения и произвольного толкования судами понятия «явной несоразмерности» неустойки последствиям неисполнения обязательства поможет закрепление в ГК РФ четких критериев (оснований) снижения неустойки, максимального размера неустойки, подлежащего уменьшению в порядке ст. 333 ГК РФ, а также прямое указание закона на возможность снижения законной неустойки по заявлению предпринимателя (п. 1 ст. 333 ГК РФ)" и др. Работа выполнена на высоком академическом уровне и основывается на солидной эмпирической базе. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной цивилистической науки и,

безусловно, заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый на основании анализа теоретических и эмпирических источников выявляет проблемы практики снижения неустойки в российском гражданском праве и предлагает конкретные пути их решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 16 источниками (диссертационными работами, монографиями, научной статьей, учебниками), не считая эмпирического и нормативного материала. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами из судебной практики.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются (автор предлагает: "1) закрепить в ст. 333 ГК РФ четкие основания (критерии) снижения неустойки во избежание чрезмерно широкого судебного усмотрения и фактически произвольного толкования судами явной несоразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства. Считаем, ситуация, когда на этапе заключения договора должник соглашается с неустойкой любого размера, а потом понимает, что суд с огромной долей вероятности, все равно значительно уменьшит ее размер, стимулирующее должника к надлежащему исполнению обязательства значение неустойки утрачивается. В этом смысле оправданным также представляется закрепление в ГК РФ максимального предела неустойки, который подлежит взысканию в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства. Полагаем, в качестве максимального предела подлежащей снижению неустойки может быть обозначена стоимость основного обязательства, превышать которую при определении размера неустойки, подлежащей снижению, будет нельзя. Этот подход, в частности, предусмотрен в законодательстве о защите прав потребителей и иных правовых актах Российской Федерации;

2) сформулировать дополнительные комментарии в пункте 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» о критериях, подлежащих применению с целью определения необоснованной (незаконной) выгоды. Учитывая тот факт, что перед должником всегда стоит задача доказать необоснованную выгоду кредитора для того, чтобы снизить неустойку, считаем, что высшая судебная инстанция должна дать по этому вопросу все необходимые разъяснения, а законодатель – закрепить в ст. 333 ГК РФ официальное толкование понятия «необоснованная выгода»; 3) внести изменения в абзац второй п. 1 ст. 333 ГК РФ, изложив его в следующем виде: «Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить договорную неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении»), обладают свойствами достоверности и обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

Статья нуждается в тщательном вычитывании. В ней встречаются опечатки.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права и

предпринимательского права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. — Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.69014 EDN: DYIHIR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69014

Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования

Бодров Николай Филиппович

ORCID: 0000-0002-9005-3821

кандидат юридических наук

доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

123242, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, каб. 729

✉ bodrovnf@gmail.com

Лебедева Антонина Константиновна

кандидат юридических наук

доцент, кафедра судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Россия, Москва, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

✉ tonya109@yandex.ru

[Статья из рубрики "Трансформация правовых систем"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.69014

EDN:

DYIHIR

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2023

Дата публикации:

21-11-2023

Аннотация: В статье авторами рассматриваются вопросы правового регулирования дипфейков в Российской Федерации. Правовое регулирование дипфейков не успевает

за темпами развития технологий искусственного интеллекта. Авторы подчёркивают, что определение дипфейка в действующем законодательстве отсутствует, а существующие в научных работах формулировки крайне противоречивы по своей сути. С учётом темпов развития технологий искусственного интеллекта необходимо законодательно закрепить определение дипфейка. Авторы отмечают, что классификация дипфейков имеет принципиально важное значение для правового регулирования данных технологий. По результатам анализа современных нейросетей предлагается видовая классификация дипфейков. В контексте стремительного развития технологий искусственного интеллекта необходимо должным образом осмыслить нормативное регулирование дипфейков с учетом правовых пробелов, которые сопровождают современный уровень искусственного интеллекта, и потенциальных угроз, которые становятся всё более реальными. Методологическую основу исследования составляют всеобщий диалектический метод, общенаучные (описание, сравнение, обобщение, моделирование и др.) и частнонаучные методы. Основными выводами проведенного исследования является формулирование авторского определения понятия "дипфейк". Дипфейк представляет собой цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий, для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом. Кроме того, авторы предлагают классификацию дипфейков в зависимости от вида генерируемого контента. Дипфейки могут быть созданы в виде текста, графики, звука или их сочетания. Авторы приводят примеры технологий ИИ, использующихся для создания каждого из видов контента. С учетом предлагаемого авторами определения понятия «дипфейк» и с учетом отсутствия правовых механизмов регулирования общественных отношений в сфере использования и распространения дипфейков, обуславливающих развитие цифровой трансформации, важно сформировать механизмы адаптации правовой системы к вызовам, связанным с развитием дипфейк-технологий.

Ключевые слова:

дипфейки, генеративный контент, правовое регулирование, классификация дипфейков, нейросети, синтезированная речь, уголовное право, трансформация права, цифровые технологии, водяные знаки

Статья подготовлена в рамках госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

Ежедневно в медиапространстве появляются новости об очередных достижениях искусственного интеллекта. Например, на презентации компании Google «Google I/O», состоявшейся 10 мая 2023 года аббревиатура "AI" (сокращение от «artificial intelligence» (искусственный интеллект) была произнесли 146 раз.

С учётом темпов развития технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), доступности продуктов, использующих нейросетевые технологии, возникает необходимость разработки правовых механизмов регулирования результатов применения ИИ, и связанных с ними общественных отношений.

Проблематика искусственного интеллекта и связанных с ними общественных отношений

представляет собой достаточно широкий предмет исследования, который мы рассмотрим с позиции уголовно-правовых наук.

Центральное, по нашим оценкам, место в системе результатов деятельности ИИ место занимают так называемые deepfake (дипфейк), обладающие универсальным криминогенным потенциалом.

Нормативно-правовое регулирование дипфейк-технологий и материалов явно не поспевает за темпами технологического развития, но в научной литературе проблематика угроз, связанных с дипфейками, обсуждается с 2019 года [См., например, 3, 7, 10, 12].

Анализ дипфейк-технологий и материалов в силу относительной новизны специфической наукоёмкости в настоящее время в некоторой степени зашел в тупик. Вместо авторских определений дипфейков, учитывающих специфику правового регулирования, в научной литературе часто содержится достаточно примитивная информация из общедоступных источников.

Данный термин используется для обозначения как самой технологии ИИ, так и для номинации самого фейкового контента, что вводит заблуждение как научное сообщество, так и пользователей. Однако те определения дипфейка, которые приводятся в современных научных работах, не раскрывают все грани данного понятия.

Формулируя подходящее определение понятия «дипфейк», мы проанализировали ранее опубликованные в научной литературе определения так как, на наш взгляд, они не в полной мере отражают сущность данного понятия.

Например, в научных работах распространены определения, авторы которых приводят понятие дипфейка без учета возможности создания контента в форме звука:

«Дипфей́ки» — это синтетически произведенный медиаконтент, в котором оригинальный человек (тот, кто изначально находится на изображении) замещается другим человеком» [6, с. 117]. Следует также отметить, далеко не всегда человек «замещается другим человеком», существует возможность замены не только изображения лица или головы, но и трансформация артикуляции и мимики. Кроме того, дипфейк может быть вообще не связан с генерацией изображения человека, мы также можем говорить о генерации, например, конкретного места.

Излишне узким нам представляется подход к анализу дипфейков, когда внимание акцентируется на преднамеренном искажении объектов. Например, в определении:

«Дипфейки - это преднамеренно искаженные аудио, видео или иные файлы с использованием технологии глубокого обучения (определение производное от словосочетания «deep learning» - глубокое обучение, «fake» - подделка), которые изображают что-то вымышленное или ложное, что позволяет злоумышленникам использовать новый и сложный инструмент социальной инженерии» [4, с. 74] автор указывает на преднамеренный характер искажения аудио, видео или иных файлов. Тем не менее, дипфейк – это не какая-то программа для постобработки файлов с целью их изменения, как, например, voiceshanger (класс программных продуктов для изменения голоса), которые либо посредством постобработки, либо в реальном времени изменяют голос диктора по заранее заложенному в программу алгоритму. Дипфейк создается посредством генерации цифрового продукта на основе обучения нейросети на каком-либо датасете. Это может быть и огромные массивы данных интернета, а также и,

например, фонограммы с записью звучащей речи конкретного лица.

Под «датасетом» в соответствии со ст. 5 "Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года", утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" следует понимать:

«д) набор данных - совокупность данных, прошедших предварительную подготовку (обработку) в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации и необходимых для разработки программного обеспечения на основе искусственного интеллекта».

С учетом проанализированной специфики следует подойти к определению дипфейка, в первую очередь, как цифрового продукта. Дипфейк в его современном представлении является результатом (продуктом), генерируемым при помощи нейросетевых технологий.

Можно представить и аналоговую форму представления дипфейка, например, опубликованный в периодической печати материал, содержащий изображение или текст, полностью или частично сгенерированные при помощи нейросетевых технологий. Но первоисточником такой информации безусловно будет являться именно цифровой продукт – результат синтеза с использованием нейросетевых технологий.

Дипфейк в цифровой форме может быть представлен разными видами контента или их комбинациями. Поэтому для формулирования определения понятия «Дипфейк» важно, на наш взгляд, определить, в каком виде может быть представлен анализируемый цифровой продукт.

Нам представляется важным проанализировать типы дипфейков по видам генерируемого контента или их сочетаниям.

1. Графика.

Современные технологии позволяют осуществлять синтез графики в виде отдельных изображений или видеофонограмм.

1.1. Изображения.

За последние полгода в интернет-пространстве появилось несколько десятков нейросетей, большинство из которых использует интерфейс текстовых запросов (промпт – от англ. prompt) для синтеза изображений. Text-to-image (генерация изображений по текстовому запросу) модели позволяют генерировать самые различные изображения, включая синтез на основе референтных изображений.

Популярная нейросеть «*Midjourney*», генерирует изображения с возможностью создания графики фотоснимка (с указанием модели камеры и использованной оптики), максимально приближенного к реальному изображению, если задание (промпт) пользователя содержало запрос на это (например, «гиперреалистичный»). Даже по коротким запросам данная нейросеть демонстрирует результаты, способные ввести в заблуждение обывателя. Пользователь может задать качество изображения, с какого устройства это было «снято», расположение объектива, фокусное расстояние и другие параметры реальной фотосъемки. Кроме того, существует команда для генерации изображения по фото. Например, пользователь может загрузить фотографию желаемого лица и сгенерировать практически любую ситуацию с ним.

Безусловно, администрация нейросети разработала некоторые принципы, которые

ограничивают «свободу творчества». Например,

«Не создавайте изображения и не используйте текстовые подсказки, которые по своей сути носят неуважительный, агрессивный или оскорбительный характер. Насилие или домогательства любого рода недопустимы; Никакого контента для взрослых или крови. Пожалуйста, избегайте визуально шокирующего или тревожного контента. Мы автоматически заблокируем ввод некоторых текстов» [\[21\]](#).

Сервис доступа к нейросети «Midjourney» (на платформе Discord) позволяет пользователям выполнять функции администрирования (своего рода социальный контроль пользователями) результатов генерации путем подачи жалоб.

Однако, чтобы создать цифровой продукт, вводящий в заблуждение, не всегда необходимо создавать графическое изображение сцен насилия, жестокости, порнографии и проч. Например, для манипуляции электоратом на выборах может быть достаточно генерации совместного фото представителя лидирующей партии и, предположим, какого-либо военного преступника, сидящих за столом переговоров.

Кроме упомянутой нейросети существуют, например, следующие:

Crayon (ранее Dall-E mini). Нейросеть от разработчиков компании Microsoft, которые подчеркивают, что нейросеть создает крайне реалистичные изображения, что это даже заставляет их переживать, что генерация подобных изображений может привести к непредсказуемым последствиям при создании дипфейков.

Kandinsky 2.2 —нейросеть от разработчиков Сбера при партнёрской поддержке учёных из Института искусственного интеллекта AIRI на объединённом наборе данных Sber AI и SberDevices. Кроме генерации изображения по тексту, данная нейросеть может дорисовывать загруженные фотографии, а также модифицировать их, например, перерисовать существующее изображение в другом стиле или же совместить два изображения.

Шедеврум. Нейросеть от разработчиков Яндекса также имеет собственное мобильное приложение, по существующей информации нейросеть была обучена на 240 млн примеров, которые представляли собой изображения с текстовыми описаниями. Для совершенствования качества обучение нейросети продолжается.

В мае 2023 в Adobe Photoshopпоявился новый инструмент *Generative Fill* (генеративная заливка), на базе ИИ данный инструмент позволяет добавлять, расширять или удалять содержимое изображений без внесения необратимых изменений с помощью простых текстовых запросов. В функционал генеративной заливки включена, например, функция удаления объектов с фотографии, когда пространство вместо объекта (человека, автомобиля следа) автоматически заменяется фоном (без привычных следов обработки инструментами графического редактора).

Характерной особенностью технологических ограничений генеративной заливки на современном этапе является разрешение 1024x1024 (1Мп), но опыт анализа изображений, приобщаемых к материалам дел показывает, что такие возможности заливки более чем достаточны для среднестатистической графики, которую используют в судебном доказывании.

1.2. Видеофонограммы.

Говоря о дипфейках, современные пользователи интернета в первую очередь обычно

представляют именно видеофонограммы. Примеры программ с легкостью можно обнаружить в интернете. Одна из самых известных – *DeepFaceLab*. С помощью данной программы можно заменить лицо в видеофонограмме, изменить возраст диктора на видео, поменять не просто лицо, а форму головы, причёску, голос на фонограмме полностью, а при наличии средних навыков видеомонтажа (например, в *Adobe After Effects* или *Davinci Resolve*) можно трансформировать артикуляцию и мимику лиц на видеофонограмме в дополнение к системе клонирования звучащей речи.

«*DeepFaceLive*» - позволяет заменить лицо как на видеофонограмме, так и в процессе онлайн-общения или в процессе стриминга на веб-камере.

«*Face2Face*» - накладывает мимику управляющего «актёра» на любое другое лицо.

«*Zao Deepfake*» – китайское приложение, которое работает на основе обучаемых нейросетей, позволяет заменять не просто одно лицо фото на другое, но всю мимику и движения лица на видеофонограмме.

Данный перечень можно продолжать и далее, но для общего представления о функционале подобных программ достаточно описания упомянутых нами примеров.

2. Звук.

Если в сентябре 2019 года говорилось, что «имитация» голоса человека крайне трудоемкий и непростой процесс:

«Обучать искусственный интеллект имитировать голос определенного человека дорого и неэффективно, полагает замначальника департамента информационной безопасности Центробанка Артем Сычев: «Применимость таких методов мошенничества крайне низкая. Для этого нужно, чтобы злоумышленник точно знал, что жертва правильно среагирует на этот голос» [\[9\]](#).

То сейчас некоторые сервисы предлагают клонировать вашу речь, обучаясь на небольших фонограммах и предлагая крайне высокое качество аудиосигнала без каких-либо существенных требований к пользователю и доступному ему оборудованию.

Синтез звучащей речи - это технология, позволяющая преобразовывать текст в звучащую речь (TTS-технологии синтеза речи (Text-to-Speech) [см., например, 1, 2, 5].

Говоря о синтезе звучащей речи из текста, нам необходимо отделить его от понятия «клонирование речи» (с англ. voice cloning). Анализируя технологии синтеза звучащей речи важно отметить, что речь идет именно об озвучивании контента голосом «смоделированного» диктора с заданными параметрами. Благодаря технологии глубинного обучения нейросеть может обучаться на фонограммах с голосом и речью миллионов дикторов. Однако, когда перед нейросетью стоит задача генерации звучащей речи конкретного лица, обучение нейросети происходит на фонограммах с образцами голоса и речи индивидуально-определенного диктора. Данный вид синтеза звучащей речи принято называть «клонирование звучащей речи», таким образом, искусственно, с использованием технологий ИИ генерируется звучащая речь реального человека.

С правовой точки зрения важно учесть тот факт, что технология генерация звучащей речи находится на стыке с такой важной индустрией, как биометрическая идентификация по голосу. Биометрическая идентификация/авторизация по голосу уже сейчас используется в качестве самостоятельного инструмента или компонента информационных систем в банковской сфере [\[11\]](#). Так, например в АО «Тинькофф Банк» еще в октябре

2014 года была внедрена подобная технология [\[24\]](#).

Фактически идентификация/аутентификация и клонирование звучащей речи являются конкурирующими технологиями. Правовое регулирование правоотношений в такой сфере должно преследовать не только задачу поспеть за уровнем технологического развития, но и учесть риски отсутствия адекватного и детального регулирования в аспекте обеспечения информационной безопасности.

Рассмотрим некоторые системы синтеза звучащей речи и их возможности.

VALL-E позволяет синтезировать персонализированную речь высокого качества. На основе разработанных алгоритмов и уже осуществленного обучения нейросети *VALL-E* может клонировать голос и речь конкретного диктора, используя, по словам разработчиков, 3-секундные записи, при этом сохраняя эмоции диктора и акустическую обстановку, если это было в запросе пользователя. Данная нейросеть позволяет также создавать текстовый контент, используя генеративные модели ИИ, например, такие как GPT-3 [\[16\]](#).

В мае 2023 года вышла публикация с описанием и примерами генерации звучащей речи «*SoundStorm*» [\[27\]](#). Указанная модель демонстрирует высокие результаты клонирования речи. Авторы публикации, как следует из опубликованных ими материалов, осознают возможности использования их модели для, например, обхода систем биометрической идентификации. Авторы указывают, что с учетом возможного использования модели в противоправных целях, в будущем они планируют изучить подходы к обнаружению синтезированной речи, например, звуковые водяные знаки, чтобы любое потенциальное использование этой технологии строго соответствовало ответственным принципам ИИ, которым придерживаются создатели модели.

ElevenLabs. Как указывают разработчики, они представляют самое реалистичное программное обеспечение для преобразования текста в звучащую речь [\[17\]](#).

Сервис *fakeyou* [\[19\]](#) представляет пользователям возможность клонировать голос любого человека, прежде чем оформить подписку, необходимо ответить на несколько вопросов, для каких целей планируется использовать голос, чей голос будет клонироваться. Для обучения нейросети можно как записать фонограммы через сам сервис, так и прикрепить свои записи высокого качества.

Существуют также сервисы, которые изначально не ставят основной целью синтез и клонирование речи, однако предлагают это пользователям.

Например, *Descript*, данный сервис создан изначально для удобства создателей подкастов и видеороликов, а также их обработки.

Вот некоторые его функции:

- редактор, который одновременно позволяет обрабатывать и видоизменять аудио, текст и видео,
- программа осуществляет распознавание речи и выдает «расшифровку» с текстом ее дословного содержания,
- при редактировании полученного текста изменения происходят также и в аудиоматериале,

– при удалении слов программа автоматически удаляет соответствующие по хронометражу фрагменты видео.

Однако разработчики предлагают также и технологии высококачественного синтеза и клонирования звучащей речи. Lyrebird – это исследовательский отдел ИИ в Descript, создающий новое поколение инструментов для редактирования и синтеза медиаконтента. При помощи возможностей искусственного интеллекта Descript генерирует фразы, точно имитируя особенности голоса человека. Программа может озвучить введенный текст как голосами из имеющейся коллекции, так и собственным голосом пользователя. Программа не работает на русском языке, не распознает и не синтезирует русскую речь.

В заявлении об этике данной компании говорится, что после обучения речевых моделей на ваших образцах голоса (звукозапись начинается только после записи файла устного согласия пользователя), пользователь, как владелец «цифрового голоса», после генерации контролирует то, когда и в каких целях используются результаты синтеза.

Таким образом здесь и в других упомянутых нами примерах отчетливо прослеживается запрос индустрии на создание отраслевых стандартов для борьбы с дезинформацией.

3. Текст

Наибольшие темпы совершенствования на современном этапе развития систем искусственного интеллекта демонстрируют системы, основанные на использовании больших языковых моделей (БЯМ) [\[18\]](#).

Благодаря существенным успехам архитектуры так называемых трансформерных [\[14\]](#) глубоких нейронных сетей широкое распространение получили БЯМ по типу генеративных предобученных трансформеров (GPT).

Наиболее популяризированной среди подобных нейросетей является ChatGPT [\[15\]](#).

Текущая версия - GPT-4, - это языковая модель, разработанная компанией OpenAI, основанная на архитектуре трансформера, а точнее, варианте модели трансформера, известном как трансформер-декодер.

По своей сути ChatGPT - это модель машинного обучения, предназначенная для генерации «человекоподобного» текста, то есть попытке синтеза письменной речи, соответствующей критериям логичности, осмысленности, грамматической правильности и др. Нейросеть обучалась путем машинного обучения, известном как «обучение без наблюдения». При таком подходе модели предоставляется большой корпус текстовых данных, и она учится предсказывать следующее слово в предложении. В частности, модели GPT (Generative Pretrained Transformer) обучаются с помощью варианта бесконтрольного обучения, называемого самоконтрольным или самоконтролируемым обучением.

GPT-4, как и его предшественники, но в большем масштабе, использует огромное количество данных и вычислительных ресурсов для обучения, оперируя в своей работе по разным оценкам порядка 175 миллиардами параметров (с учетом того, что точные данные как и для большинства проприетарных нейросетей в открытом доступе отсутствуют).

С учетом рассматриваемой нами проблематики большие языковые модели представляют практический интерес в плане возможности генерации текстов письменной или

предназначенной для озвучивания речи от имени конкретного лица.

Уже сейчас пользователи имеют возможность задать нейросети такие параметры, чтобы она сгенерировала текст нужной тематики на образцах имеющейся в открытом доступе письменной речи. В качестве образцов могут выступать сообщения из мессенджеров, переписка по электронной почте, публичные записи социальных сетей и т.д. Существует возможность сформулировать задание (prompt) и составить текст на заданную тему в стиле автора (конкретизировать параметры стиля: словарь (лексический запас) автора, особенности употребления синтаксических конструкций, манеру речи и т.д.). Исследование подобного рода запросов уже осуществляется в самостоятельном направлении прикладных исследований – промпт инжиниринге (калька от англ. prompt engineering), одной из основных задач которого является подбор и структурирование модификаций текста запросов (промптов) для решения конкретных задач, например, генерации текста от имени заданного автора.

Сегодня существует техническая возможность генерации текстов на любую тематику. Характерно, что уже сейчас имеются некоторые механизмы этической саморегуляции нейросетевых программных продуктов. Корпорация Open AI, которая является создателями нейросети, указывают, что безопасность пользователя стоит на первом месте, однако в сети существуют инструкции как «обмануть нейросеть» и составить промпты, позволяющие обойти заданные моральные и этические принципы, а также сгенерировать текст без принципа безопасности пользователя.

Среди аналогов ChatGPT в общем доступе находится, например, Bard AI – экспериментальный проект от компании Google, который также как и ChatGPT в виде чат-бота ведёт беседу с пользователем и может генерировать по запросам самые разные тексты.

Важным аспектом рассматриваемой проблематики является общедоступность технологий синтеза текста. Так, например, ресурсы нейросети ChatGPT сейчас доступны фактически каждому пользователю поисковой системы Bing [\[20\]](#), распространяемой корпорацией Microsoft в качестве предустановленной программы-браузера.

С учетом общедоступности можно провести некоторые аналогии с правом интеллектуальной собственности, которое столкнулось с необходимостью правового регулирования общественных отношений в условиях практически неограниченного доступа к информации. Проблематика дипфейк-технологий помимо прочего характеризуется еще и крайне высокой степенью общественной опасности, что, по нашим оценкам, в ближайшем будущем станет одним из первоочередных факторов информационной безопасности.

4. Сочетание Звук+Графика

Сочетание нескольких форм представления, например в виде сочетания сгенерированных звука и графики уже сейчас встречается в форме так называемого «цифрового аватара». Правовому осмыслению данной категории уже посвящен ряд научных работ в юридической литературе [см., например, 8].

Уже несколько сервисов предлагают пользователям создать свой цифровой аватар. Например, сервис «Синтезия» (Synthesia) [\[23\]](#) предлагает пользователям создать свой собственный «AI avatar», то есть аватар, созданный при помощи технологий искусственного интеллекта. Как указывают разработчики, их сервис может создать фотореалистичное изображение реального человека, а также клонировать его голос.

Цифровой аватар создается на основе 15-минутных видео пользователя, а клонирование голоса осуществляется на основе обучения системы на прочтении заранее подготовленного сервисом эталонного текста.

С помощью данного сервиса журналист Джоана Стерн создала свой собственный цифровой аватар, который [\[26\]](#) был использован ею для преодоления механизма системы биометрической верификации по голосу банка, а также введения в заблуждение родственников журналистки.

А при использовании чат-бота ChatGPT возможно обучить нейросеть на образцах письменной или устной речи конкретного лица и синтезировать не только ее голос и внешность, но и содержательную сторону речи. Таким образом, данная форма дипфейка может перейти в следующую: сочетание текста, графики, звука.

Практике уже известны случаи комплексирования различных видов контента, сгенерированного при помощи нейросетей. Так, например, в июне 2023 года в протестантской церкви в Германии была проведена церковная служба, почти полностью сгенерированная при помощи технологий ИИ [\[13\]](#). 40-минутное богослужение, включая проповедь, молитвы и музыку, было создано при помощи ChatGPT, а служба «управлялась» четырьмя разными цифровыми аватарами на экране, двумя молодыми женщинами и двумя молодыми мужчинами.

Ранее упомянутая нами система *DeepFaceLab* позволяет при наличии некоторых навыков в видеомонтаже (например, программы *Adobe After Effects* или *Davinci Resolve*) изменять движение губ лица на видеофонограмме. При использовании систем клонирования звучащей речи на примере, представленном разработчиками, данная нейросеть позволила создателю дипфейка артикулировать нужные фразы, используя внешность известных политических деятелей.

5. Сочетание текста, графики, звука.

Сочетание текста, графики, звука в одном материале с коммерческой точки зрения является даже более популярным видом контента, так как ее развитие тесно связано с запросами разного рода корпоративной индустрии (например создание автоматизированных сервисов новостного вещания, справочных сервисов и проч.).

Несмотря на высокотехнологичность подобного рода контента, на современном этапе его генерация все больше доступна обывателю. Так, например, Китайская компания Tencent Cloud объявила о запуске цифровой платформы для создания людей - *deepfakes-as-a-Service* (DFaaS) [\[25\]](#). По заявлению разработчиков за сравнительно небольшую плату сервис позволяет создавать цифровые копии высокой четкости всех желающих, используя всего три минуты живого видео и 100 произнесенных фраз. Для завершения процесса генерации цифрового аватара потребуется около 24 часов после ввода образцов. То есть технологические возможности позволяют осуществлять подобную генерацию, не требуя от пользователя привлечения собственных вычислительных ресурсов, к тому же позволяя получить результат в короткий срок.

Так, например, создатели сервиса «Spiritme» [\[22\]](#) предлагают пользователям оперативное создание видео с цифровыми аватарами. Для создания цифрового аватара пользователю необходимо записать пятиминутное видео собственной внешности, а в качестве образца может быть использована устная речь на любую тему. Затем сервис генерирует цифровой аватар пользователя, который может произнести любой текст,

который вы подготовите, с достаточной степенью реалистичности а также отображением внешности пользователя, особенностей его голоса и эмоций.

С учётом вышеизложенного криминогенный потенциал такого рода контента крайне сложно переоценить, особенно с учетом степени осведомленности среднестатистического пользователя и в условиях дефицита правовой регламентации технологий и результатов синтеза в отечественной правовой системе.

Анализируя практику по делам, связанным с противоправным распространением дипфейк-контента, и потенциальные угрозы, исходящие от дипфейков, можно сформулировать две главные цели их использования: **введение в заблуждение или преодоление пользователем систем контроля и управления доступом.**

Результаты проведённого анализа сущности дипфейк-контента позволяют нам сформулировать следующее авторское определение дипфейков. **Дипфейк** – цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий, для целивведения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом.

В контексте определения понятия «дипфейк» и с учетом отсутствия правовых механизмов регулирования общественных отношений, а также на этапе формирования ряда сквозных цифровых технологий, обуславливающих развитие цифровой трансформации важно сформировать механизмы адаптации правовой системы к вызовам, связанным с развитием дипфейк-технологий. Первоочередными в вопросах правовой регламентации подобного рода технологий и результатов их применения, нам представляются следующие меры:

- нормативное закрепление термина дипфейк и его определение в отечественном законодательстве с учетом технологических возможностей и рисков, вызванных развитием и повсеместным распространением подобных технологий.
- внесение дополнений в нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, связанных с применением дипфейк-контента в качестве предмета противоправного (в том числе преступного) посягательства, элемента способа совершения правонарушения (в том числе преступления), обстоятельства,отягчающего ответственность, так как как дипфейк представляет собой более изощренный высокотехнологичный продукт, обладающий принципиально высоким уровнем общественной опасности и трудно распознаваемый на современном уровне развития криминалистической техники.
- внесение дополнений в нормы гражданского законодательства, например, в части защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также охраны изображения гражданина, поскольку статьи 152 и 152.1 ГК РФ в должной мере не отражают ставшие уже современными реалии противоправного распространения дипфейк-контента.
- очевидным шагом в регламентации искусственного интеллекта и связанных с ними общественных отношений видится разработка норм профильного законодательства о системах искусственного интеллекта, робототехники, виртуальной реальности, больших данных.

В публично-правовой сфере в первую очередь следует урегулировать вопросы, связанные с ответственностью разработчиков нейросетевых технологий, так как от траектории их развития в первую очередь зависит предмет правового регулирования.

Действенным инструментом контроля за распространением дипфейков могут стать включение в тело файлов, генерируемых нейросетями ватермарок (от англ. watermark) и дополнительной служебной информации в метаданных.

Резюмируя, стоит отметить, что дипфейк-технологии в контексте современной цифровой трансформации являются малоизученными, но одними из наиболее интенсивно развивающихся сфер, с высоким криминогенным потенциалом. Риски, связанные с развитием данной сферы, нам предстоит в полной мере оценить в самое ближайшее время, а от качества нормативно-правовой регламентации сферы применения искусственного интеллекта напрямую зависит объем и характер противоправной деятельности в данной быстроразвивающейся сфере.

Библиография

1. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Перспективы судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 9-13.
2. Бодров Н. Ф. Судебно-экспертное исследование синтезированной звучащей речи / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : Сборник докладов VIII Московского юридического форума (XIX Международная научно-практическая конференция): в 5 ч., Москва, 08–10 апреля 2021 года. Том Ч. 4. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. С. 263-266.
3. Даниленко Ю. А. Проблемы расследования отдельных видов киберпреступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта / Ю.А. Даниленко // проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации. 2019. С. 37-39.
4. Игнатенков Г. К. Технология дипфейк как угроза информационной безопасности / Г. К. Игнатенков // Наука. Исследования. Практика : Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 25 июня 2022 года. Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2022. С. 74-77.
5. Лебедева А. К. Технологии голосового синтеза и судебная фоноскопическая экспертиза / А. К. Лебедева // Вестник криминалистики. 2020. № 3(75). С. 55-60.
6. Лужинская Е. Л. Особенности исследования изображений внешнего облика человека, измененного при помощи программных средств / Е. Л. Лужинская, В. А. Чванкин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2022. № 2(52). С. 116-121.
7. Овчинников А.В. Распространение Дипфейков В Интернет-Пространстве: Проблемные аспекты правового регулирования / А.В. Овчинников. 2022. Распространение дипфейков в интернет-пространстве. С. 245-255.
8. Рыбаков О.Ю. Человек, право, цифровые технологии: современные направления исследований (обзор Всероссийской научно-практической онлайн-конференции) / Рыбаков О.Ю. // Мониторинг правоприменения. – 2020. – Человек, право, цифровые технологии. № 2 (35). С. 83-87.
9. Сетевое издание «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4081979> (дата обращения 30.10.2023).
10. Смирнов А. А. «Глубокие фейки». Сущность и оценка потенциального влияния на национальную безопасность / А.А. Смирнов // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677).

С. 63-84.

11. Удаленная идентификация | Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/fintech/digital_biometric_id/ (дата обращения: 01.10.2023).
12. Яворский М. А. Deepfake: legal problems and their solution / М.А. Яворский, Т.В. Мавринская // Актуальные проблемы развития правовой системы в цифровую эпоху. 2019. С. 134-138.
13. Apnews [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/germany-church-protestants-chatgpt-ai-sermon-651f21c24cfb47e3122e987a7263d348> (дата обращения 10.10.2023).
14. Attention is All you Need / A. Vaswani [и др.] // Advances in Neural Information Processing Systems / ред. I. Guyon [и др.]. Curran Associates, Inc., 2017. Т. 30.
15. OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 25 сентября) [большая языковая модель]. <https://chat.openai.com>.
16. Chengyi Wang, Sanyuan Chen, Yu Wu, Ziqiang Zhang Long, Zhou Shujie Liu, Zhuo Chen Yanqing Liu, Huaming Wang, Jinyu Li Lei He Sheng, Zhao Furu Wei (Microsoft). Neural Codec Language Models are Zero-Shot Text to Speech Synthesizers. [Электронный ресурс]. URL: <https://lifeiteng.github.io/valle/index.html> (дата обращения 30.10.2023).
17. ElevenLabs [Электронный ресурс]. URL: <https://beta.elevenlabs.io/speech-synthesis> (дата обращения 28.10.2023).
18. Extracting Training Data from Large Language Models / N. Carlini [и др.] // USENIX Security Symposium. 2020.
19. Fakeyou. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fakeyou.com/clone> (дата обращения 30.10.2023).
20. Mehdi Y. Reinventing search with a new AI-powered Microsoft Bing and Edge, your copilot for the web [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.microsoft.com/blog/2023/02/07/reinventing-search-with-a-new-ai-powered-microsoft-bing-and-edge-your-copilot-for-the-web/> (дата обращения: 01.10.2023).
21. Midjourney.su [Электронный ресурс]. URL: <https://midjourney.su/article/usloviya-servisa/?ysclid=libsesc661284902146> (дата обращения: 30.10.2023).
22. SpiritMe [Электронный ресурс]. URL: <https://spiritme.tech> (дата обращения 30.10.2023).
23. Synthesia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.synthesia.io/> (дата обращения 30.09.2023).
24. TCS Bank Is First Among Russian Banks to Introduce Voice Authentication System for Its Call Centre — Tinkoff news [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/21102014-tcs-introduce-voice-authentication-system/> (дата обращения: 14.10.2023).
25. Tencent Cloud [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tencentcloud.com/> (дата обращения: 01.10.2023).
26. The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/i-cloned-myself-with-ai-she-fooled-my-bank-and-my-family-356bd1a3> (дата обращения 30.10.2023).
27. Zalán Borsos, Matt Sharifi, Damien Vincent, Eugene Kharitonov, Neil Zeghidour, Marco Tagliasacchi. SoundStorm: Efficient Parallel Audio Generation. [Электронный ресурс]. URL: <https://google-research.github.io/seanet/soundstorm/examples/> (дата обращения 30.10.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования. Заявленные границы исследования обозначены автором ("Проблематика искусственного интеллекта и связанных с ними общественных отношений представляет собой достаточно широкий предмет исследования, который мы рассмотрим с позиции уголовно-правовых наук"), но фактически содержание статьи выходит за узкие "уголовно-правовые" рамки и соответствует ее "общеотраслевому" наименованию. Однако название работы несколько громоздкое и больше подходит для учебной, а не научной работы. Поэтому рекомендуется изменить его на "Феномен дипфейков: актуальные вопросы правового регулирования" или т.п.).

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обоснована им следующим образом: "Ежедневно в медиапространстве появляются новости об очередных достижениях искусственного интеллекта. Например, на презентации компании Google «Google I/O», состоявшейся 10 мая 2023 года аббревиатура «AI» (сокращение от «artificial intelligence» (искусственный интеллект) была произнесли 146 раз. С учётом темпов развития технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), доступности продуктов, использующих нейросетевые технологии, возникает необходимость разработки правовых механизмов регулирования результатов применения ИИ, и связанных с ними общественных отношений"; "Центральное, по нашим оценкам, место в системе результатов деятельности ИИ место занимают так называемые *deepfake* (дипфейк), обладающие универсальным криминогенным потенциалом". Ученым раскрыта степень изученности рассматриваемых в статье проблем: "Нормативно-правовое регулирование дипфейк-технологий и материалов явно не поспевает за темпами технологического развития, но в научной литературе проблематика угроз, связанных с дипфейками, обсуждается с 2019 года [См., например, 3, 7, 10, 12]. Анализ дипфейк-технологий и материалов в силу относительной новизны специфической наукоёмкости в настоящее время в некоторой степени зашел в тупик. Вместо авторских определений дипфейков, учитывающих специфику правового регулирования, в научной литературе часто содержится достаточно примитивная информация из общедоступных источников".

Научная новизна работы проявляется в формировании автором современного целостного представления о феномене дипфейка и его типах. Непосредственный интерес представляет ряд заключений ученого: "... криминогенный потенциал такого рода контента крайне сложно переоценить, особенно с учетом степени осведомленности среднестатистического пользователя и в условиях дефицита правовой регламентации технологий и результатов синтеза в отечественной правовой системе. Анализируя практику по делам, связанным с противоправным распространением дипфейк-контента, и потенциальные угрозы, исходящие от дипфейков, можно сформулировать две главные цели их использования: введение в заблуждение или преодоление пользователем систем контроля и управления доступом. Результаты проведенного анализа сущности

дипфейк-контента позволяют нам сформулировать следующее авторское определение дипфейков. Дипфейк – цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий, для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом". Автор вносит ряд ценных с теоретической и практической точек зрения предложений: "... нормативное закрепление термина дипфейк и его определение в отечественном законодательстве с учетом технологических возможностей и рисков, вызванных развитием и повсеместным распространением подобных технологий; внесение дополнений в нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, связанных с применением дипфейк-контента в качестве предмета противоправного (в том числе преступного) посягательства, элемента способа совершения правонарушения (в том числе преступления), обстоятельства,отягчающего ответственность, так как как дипфейк представляет собой более изощренный высокотехнологичный продукт, обладающий принципиально высоким уровнем общественной опасности и трудно распознаваемый на современном уровне развития криминалистической техники; внесение дополнений в нормы гражданского законодательства, например, в части защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также охраны изображения гражданина, поскольку статьи 152 и 152.1 ГК РФ в должной мере не отражают ставшие уже современными реалии противоправного распространения дипфейк-контента; очевидным шагом в регламентации искусственного интеллекта и связанных с ними общественных отношений видится разработка норм профильного законодательства о системах искусственного интеллекта, робототехники, виртуальной реальности, больших данных". Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор осуществляет критический анализ основных теоретических подходов к пониманию сущности понятия "дипфейк", рассматривает типы дипфейков по видам генерируемого контента или их сочетаниям, предлагает оригинальную дефиницию исследуемого понятия, а также комплекс мер по совершенствованию соответствующего правового регулирования. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 27 источниками (научными статьями, аналитическими и публицистическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е. Л. Лужинская, Г. К. Игнатенков и др.), и вполне достаточна. научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Анализируя практику по делам, связанным с противоправным распространением дипфейк-контента, и потенциальные угрозы, исходящие от дипфейков, можно сформулировать две главные цели их использования: введение в заблуждение или преодоление пользователем систем контроля и управления доступом. Дипфейк – цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи

нейросетевых технологий, для целивведения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом. ... Первоочередными в вопросах правовой регламентации подобного рода технологий и результатов их применения, нам представляются следующие меры: - нормативное закрепление термина дипфейк и его определение в отечественном законодательстве с учетом технологических возможностей и рисков, вызванных развитием и повсеместным распространением подобных технологий. - внесение дополнений в нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, связанных с применением дипфейк-контента в качестве предмета противоправного (в том числе преступного) посягательства, элемента способа совершения правонарушения (в том числе преступления), обстоятельства, отягчающего ответственность, так как как дипфейк представляет собой более изощренный высокотехнологичный продукт, обладающий принципиально высоким уровнем общественной опасности и трудно распознаваемый на современном уровне развития криминалистической техники. - внесение дополнений в нормы гражданского законодательства, например, в части защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также охраны изображения гражданина, поскольку статьи 152 и 152.1 ГК РФ в должной мере не отражают ставшие уже современными реалии противоправного распространения дипфейк-контента. - очевидным шагом в регламентации искусственного интеллекта и связанных с ними общественных отношений видится разработка норм профильного законодательства о системах искусственного интеллекта, робототехники, виртуальной реальности, больших данных. В публично-правовой сфере в первую очередь следует урегулировать вопросы, связанные с ответственностью разработчиков нейросетевых технологий, так как от траектории их развития в первую очередь зависит предмет правового регулирования. Действенным инструментом контроля за распространением дипфейков могут стать включение в тело файлов, генерируемых нейросетями ватермарок (от англ. watermark) и дополнительной служебной информации в метаданных"), они четкие, конкретные, обладают свойствами научной новизны, достоверности и обоснованности. Таким образом, выводы заслуживают внимания читательской аудитории.

В статье встречаются опечатки, поэтому она нуждается в дополнительном вычитывании. Так, автор пишет: "Например, на презентации компании Google «Google I/O», состоявшейся 10 мая 2023 года аббревиатура "AI" (сокращение от «artificial intelligence» (искусственный интеллект) была произнесли 146 раз" - "была произнесена". Ученый отмечает: "То сейчас некоторые сервисы предлагают клонировать вашу речь, обучаясь на небольших фонограммах и предлагая крайне высокое качество аудиосигнала без каких-либо существенных требований к пользователю и доступному ему оборудованию" - опечатка в начале предложения. Автор указывает: "С правовой точки зрения важно учесть тот факт, что технология генерация звучащей речи находится на стыке с такой важной индустрией, как биометрическая идентификация по голосу" - "технология генерации", а не "технология генерация".

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, информационного права, гражданского права, административного права, уголовного права при условии ее небольшой доработки: уточнении наименования работы, раскрытии методологии исследования, устранении нарушений в оформлении статьи (опечаток).

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шепелёва О.Р., Преблагина К.И. — Правовые и фактические основания формирования доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.68995 EDN: HUIFEF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68995

Правовые и фактические основания формирования доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства

Шепелёва Ольга Ринатовна

кандидат юридических наук

доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, шоссе Петербургское, 10, лит. А

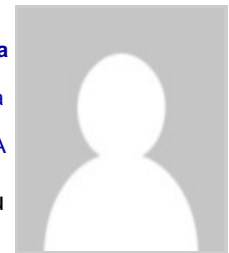
✉ zaripova_or@mail.ru

Преблагина Кристина Игоревна

магистрант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, шоссе Петербургское, 10, лит. А

✉ kristina.preblagina@mail.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.68995

EDN:

HUIFEF

Дата направления статьи в редакцию:

15-11-2023

Дата публикации:

23-11-2023

Аннотация: Предметом исследования являются общественные правоотношения, возникающие в связи с уголовно-правовыми и криминологическими аспектами определения предмета доказывания в уголовном судопроизводстве и его

установлением. Методологическую основу исследования составляют специальные методы познания (формально-юридический и сравнительно-правовой), и общие, к числу которых следует отнести такие методы, как абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, и методы теоретического исследования - диалектический, восхождение от абстрактного к конкретному и логический методы. Основными выводами проведенного исследования являются то, что в настоящее время следователь/дознатель на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляют деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Данная деятельность осуществляется посредством реализации следственных и иных процессуальных действий. Рассмотрев отдельные проблемы собирания доказательств следователем/дознателем, приходим к выводу о необходимости для целей совершенствования досудебного доказывания, четко урегулировать правовой статус такого действия как «получение объяснений» в процессе рассмотрения сообщения о преступлении (форма получения объяснений; процессуальные правила получения объяснений; правовая регламентация статуса тех лиц, от которых получают объяснения и т.д.). Таким образом, по результату проведенного исследования делается вывод о необходимости совершенствования ряда норм УПК РФ и предлагаются конкретные изменения.

Ключевые слова:

доказывание, предмет доказывания, установление предмета доказывания, доказательства, следственные действия, процессуальные действия, собирание доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, получение доказательств

Введение. Российская Федерация, являясь демократическим федеративным правовым государством, должна создавать результативные способы регулирования общественных отношений. Принятый в 2001 году новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) заложил фундамент для строительства обновленной системы уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем, немало внимания в нем отводится именно той сфере общественных отношений, которая связана с доказыванием, в данном случае рассмотрим некоторые вопросы, возникающие на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Цели уголовного судопроизводства, закрепленные в ст. 6 УПК РФ, могут быть достигнуты лишь тогда, когда действия всех лиц, в том числе осуществляющих расследование уголовного дела, будут соответствовать установленным законодательством нормам, особенно на той стадии, которая связана с процессом сбора доказательств, их проверкой и оценкой.

Проблема сбора, проверки и оценки доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства всегда будет актуальной, обеспечивая не только теоретические, но и практические основы для улучшения уголовного правосудия, учитывая и то, что сам процесс «доказывания» имеет познавательный характер, четко регламентированную процедуру, а также установленные законом сроки. Важное место занимает предмет доказывания, так как именно посредством установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, можно принять законное и обоснованное решение по уголовному делу, в том числе о наличии состава преступления и причастность конкретного лица к его совершению.

Методологическую основу исследования составляют специальные методы познания (формально-юридический и сравнительно-правовой), и общие, к числу которых следует

отнести такие методы, как абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, и методы теоретического исследования - диалектический, восхождение от абстрактного к конкретному и логический.

Если мы обратимся к актуальной юридической литературе, то можем сделать вывод, что в период 2022-2023 г.г. вопросам, связанным с осмыслением предмета доказывания (и отдельных обстоятельств, которые входят в предмет доказывания), посвятили свои работы следующие авторы: З. М. Петровский^[1], Е. А. Брижатов^[2], И. Г. Елесина, Н. А. Кислова, С. Н. Белова^[3], вместе с тем при наличии определенных проблем, указанная тема достаточно исследована, в частности, в трудах С. А. Шейфера, М. С. Строговича, Ф. Н. Фаткуллина и других ученых.

Рассмотрев работы данных исследователей, а также нормы УПК РФ и материалы судебной практики, мы можем отметить следующее.

Основной раздел. Как показывает анализ содержания гл. 11 УПК РФ субъектами доказывания на досудебной стадии уголовного судопроизводства являются должностные лица, в чьем производстве находится уголовное дело, прокурор, которые наделены соответствующими полномочиями, и соответственно осуществляют собирание, проверку и оценку доказательств.

Следователь и дознаватель осуществляют доказывание по уголовному делу посредством реализации предварительного следствия по уголовному делу. Доказывание же осуществляется следователем/дознавателем посредством осуществления следственных и иных процессуальных действий. Так, помимо следственных действий, выявление доказательств возможно и в ходе процессуальных действий, к примеру, в ходе ревизий. Кроме того, возможно выявление доказательств и в ходе непроцессуальной, к примеру, оперативно-розыскной деятельности, но в данном случае их закрепление и приобщение к уголовному делу осуществляется все же исключительно в рамках процессуальной деятельности. Обнаружение представляет собой проведение оценки выявленных сведений в качестве доказательств с точки зрения их относимости, при этом, такая оценка обладает предварительным характером^[4, с. 364]. Однако, при этом основным инструментом доказывания в уголовном судопроизводстве, применительно к деятельности следователя/дознавателя выступает проведение следственных действий. Обязательными признаками следственных действий являются: процессуальная регламентация следственного действия, то есть, четкое закрепление в нормах УПК РФ конкретного наименования следственного действия, оснований, условий, порядка его производства; осуществление следственного действия только специально уполномоченным субъектом (следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, подразделением дознания, органом дознания по поручению); возможность применения принуждения (применительно к тем следственным действиям, процессуальная регламентация которых позволяет применять принуждение, к примеру, выемка); познавательный характер следственных действий^[5].

Здесь, с нашей точки зрения, совершенно верно определил Е. С. Токаренко, что познавательная деятельность следователя (дознавателя) направлена на перспективу получения доказательств и выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию, соответственно, складывается из собирания, проверки и оценки доказательств^[6, с. 53]. С. Б. Россинский также указывал на познавательный характер действий следователя или дознавателя^[7, с. 5]. Действительно, стоит согласиться с тем, что в качестве конечной цели производства любого следственного действия надлежит рассматривать получение

доказательств, подвергаемых впоследствии проверке и оценке, в связи с чем достаточно обоснованно указывать на познавательный характер действий следователя или дознавателя.

Отметим, что УПК РФ не раскрывает понятия следственного действия, при этом данное определение можно найти в работах С. Б. Россинского [\[7\]](#), В. А. Семенцова [\[8\]](#), В. Ю. Стельмаха [\[9\]](#), Л. В. Головки [\[10\]](#), С. А. Шейфнера [\[11\]](#), и, согласившись с данными авторами в какой-то части, сформулируем собственное определение. Так, под «следственным действием» можно понимать действие должностного лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, проведенное в соответствии с уголовно-процессуальным законом, имеющее познавательный характер, направленное на установление подлежащих доказыванию обстоятельств, имеющих значение для настоящего уголовного дела, и их соответствующее закрепление.

Важным аспектом производства любого следственного действия является соответствующее основание, как правовое, так и фактическое. Правовым основанием является совокупность условий, закрепленных в УПК РФ, на основании которых следователь (дознаватель) вправе произвести то или иное следственное действие [\[12, с. 58\]](#). Примером правового основания может выступать постановление о производстве выемки, обыска и т.д. Фактическим основанием выступают те данные, которыми продиктована необходимость произвести то или иное следственное действие для того, чтобы установить истину по делу. Проще говоря, в качестве фактического основания можно рассматривать цель производства конкретного следственного действия. Например, фактическим основанием (целью) производства очной ставки выступает необходимость устранения противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Таким образом, можно утверждать, что любое следственное действие характеризуется познавательной и нормативной стороной. Первую образуют приемы познания, используемые при производстве следственного действия, а вторую – детальная уголовно-процессуальная регламентация правил и условий их производства.

Произведенные следственные действия должны отвечать законодательно установленным правилам, нарушение которых приводит к признанию полученного в ходе их производства доказательства не допустимым, соответственно, сводит на нет всю работу по доказыванию. Такими правилами являются: обязанность следователя (дознавателя) не допускать нарушение прав и законных интересов граждан (за исключением случаев, прямо предусматривающих возможность их ограничения); возможность производства следственного действия исключительно при наличии оснований; законность следственного действия, его производство строго в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями; необходимость соблюдения нравственных и этических норм.

Указанные условия являются общими, касающиеся всех без исключения следственных действий, однако, в ряде случаев, применительно к отдельным следственным действиям могут быть установлены и иные требования примеру, возможность производства следственного действия только на (к основании судебного решения).

Также полагаем необходимым обратить внимание, без углубления в данную тему, которая заслуживает отдельного исследования, на то, что следственные действия являются одновременно процессуальными, при этом не все процессуальные действия являются следственными.

Таким образом, несмотря на то, что в соответствии со ст. 38 УПК РФ следователь (дознатель) сам определяет направление расследования, а, соответственно, и ход процесса доказывания, необходимо помнить, что производство того или иного следственного действия в целях получения какого-либо доказательства недопустимо без наличия для этого правовых или фактических оснований.

Рассматривая особенности осуществления доказывания следователем/дознателем на досудебном производстве, нельзя не остановиться на отдельных проблемах имеющих место быть в рассматриваемой области правоотношений.

Отметим, что осуществляя проверку сообщения о преступлении, следователи наиболее часто используют такой инструмент как «получение объяснений», что представляет собой процедуру, в рамках которой лицо, обладающее сведениями о проверяемом деянии, излагает имеющуюся у него информацию следователю, который может задавать уточняющие вопросы. Иными словами, получение объяснений в определенной степени является прообразом допроса. Вместе с тем, получение объяснений практически не урегулировано нормами уголовно-процессуального закона, в виду чего возникает вопрос относительно того, в какой форме должны быть получены объяснения – в устной или в письменной; какие действия надлежит провести должностному лицу перед получением объяснений и после; какой процессуальный статус имеют лица, дающие объяснения, учитывая, что они не несут ответственность за сообщение заведомо ложных сведений.

При производстве дознания в сокращенной форме, несмотря на отсутствие какого-либо нормативного закрепления, объяснения используются в качестве доказательств и находят свое отражение в обвинительном акте, а впоследствии и в приговоре суда, однако при производстве дознания в общем порядке и предварительного следствия объяснения не включаются в перечень доказательств.

В научной литературе предлагаются варианты закрепления объяснений в качестве доказательств, признав их иными документами в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, что, по нашему мнению, противоречит сути доказательств [13 с. 147], поскольку все-таки «иными документами» можно признать какой-то источник информации, имеющий физическую оболочку, к которому объяснения не относятся, учитывая, что в них лицо сообщает информацию, которая может иметь интерес для расследования уголовного дела, и по своей сути близки к показаниям.

Равно как и в рассмотренном выше случае полагаем, что в случае признания объяснений в качестве вещественного доказательства по уголовному делу, это бы противоречило ч. 1 ст. 81 УПК РФ.

Кроме того, если включить объяснения в регламентированный УПК РФ перечень доказательств, то все равно остаются вопросы относительно их допустимости, поскольку наличие их в перечне доказательств не дает гарантий того, что они будут оформлены соответствующим образом в соответствии с нормами законодательства, учитывая, что требований к оформлению объяснений, например, как с протоколом допроса (ст. 190 УПК РФ).

Согласимся с позицией О. В. Мичуриной, которая считает, что «информационная природа стадии возбуждения уголовного дела такова, что ее задачи могут разрешаться и без помощи следственных действий» [\[14, с. 57\]](#), а, значит, нет такой принципиальной необходимости в придании объяснениям статуса следственных действий.

Однако нельзя не заметить, что объяснения могут все-таки использоваться, в том числе, судами при рассмотрении уголовных дел. Так, приговором суда К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Не согласившись с вынесенным приговором адвокатом осужденного на него была подана апелляционная жалоба, в которой, помимо прочего, оспаривались показания свидетеля, который, по мнению автора жалобы, был в зависимости от супруги потерпевшей, поскольку в отношении него было возбуждено исполнительное производство отделом судебных приставов, которым руководила супруга потерпевшего. Постановлением Ленинградского областного суда от 19.10.2023 [\[15\]](#) данный приговор был оставлен без изменения, и в обосновании своих выводов суд апелляционной инстанции указал, что доводы стороны защиты о недостоверности показаний свидетеля Г., и о наличии у Г. оснований для оговора осужденного, то суд первой инстанции обоснованно их отверг, надлежащим образом мотивировав свое решение. Не согласиться с данным выводом суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции оснований не находит, в том числе с учетом исследованного в суде апелляционной инстанции объяснения Г. от 08.03.2022 об обстоятельствах произошедших событий между осужденным и потерпевшим 21.02.2022, учитывая то, что исполнительное производство в отношении Г. отделом судебных приставов было возбуждено 08.04.2022.

Определенной проблематикой характеризуется и осуществление оперативно-розыскной деятельности, а именно получение ее результатов для целей последующего доказывания по уголовному делу. Так, к примеру, п. 2 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности» предусмотрено, что при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) возможно изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, при этом должен составляться протокол в соответствии с нормами УПК РФ. Данное положение зачастую истолковывается буквально, поэтому в актах о проведении оперативного эксперимента, проверочной закупки и других ОРМ содержатся ссылки на ст.ст. 176, 179, 182, 183 УПК РФ. Однако указанная практика, по нашему мнению, неверна и более того, она делает невозможным дальнейшее использование данных материалов для целей уголовно-процессуального доказывания, по той причине, что протокол абсолютно любого оперативного мероприятия должен оформляться со ссылками и на основании Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», тогда как требование относительно учета норм УПК РФ касаются лишь определения общей формы и внутреннего содержания указанного протокола.

Как нами уже было отмечено выше относительно объяснений, то в данном случае, то же самое частично будет справедливо и для использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), поскольку они должны обладать признаками допустимости и достоверности. Полагаем, что нельзя относить результаты ОРД к вещественным доказательствам, в связи с чем логично было бы их отнести к иным документам, однако в силу ст. 84 УПК РФ они должны быть получены, истребованы или представлены путем производства следственных или иных процессуальных действий, установленных уголовно-процессуальным законом. Для того чтобы узаконить результаты ОРД в качестве доказательств по уголовному делу, по нашему мнению, необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ и дополнить ее пунктом 7 «результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные и предоставленные в установленном законом порядке».

Заключение. Подводя итог вышеизложенному, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время должностные лица, проводящие предварительное следствие, на

досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляют деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, посредством реализации следственных и иных процессуальных действий. Рассмотрев отдельные проблемы собирания доказательств должностным лицом, проводящим предварительное следствие, приходим к выводу о том, что нет принципиальной необходимости в придании объяснениям статуса следственных действий, при этом целесообразно было бы дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 7, который можно именовать как «результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные и предоставленные в установленном законом порядке».

Библиография

1. Петровский З.М. Предмет доказывания в уголовном процессе: понятие и содержание // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 1. С. 105-110.
2. Брижатов Е.А. Предмет и пределы доказывания в уголовных делах: понятие, содержание, проблемы определения // Научные высказывания. 2022. № 15 (23). С. 43-46.
3. Елесина И.Г., Кислова Н.А., Белова С.Н. Предмет доказывания по различным категориям уголовных дел // Государственная служба и кадры. 2023. № 2. С. 202-204.
4. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2017. 231с.
5. Плетнев В.В. Сущность, цель и значение доказывания // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 35-36.
6. Токаренко Е.С. Основные признаки следственных действий// Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18). С. 51-54.
7. Россинский С.Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74 – 83.
8. Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 39-45.
9. Стельмах В.Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 88 – 97.
10. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.
11. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
12. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. А.В. Гриненко. М.: Норма. 2012. 495 с.
13. Григорьев А.И. Допустимость объяснений в качестве доказательств по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2013. № 5 (92). С. 145-148.
14. Мичурина О.В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квазирасследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 56-60.
15. Архив Ленинградского областного суда

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, правовые и фактические основания формирования доказательств. В наименовании работы не указывается, что автор охватил своим исследованием исключительно досудебное производство по уголовным делам. Таким образом, название статьи нуждается в уточнении.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, формально-юридический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована им следующим образом: "Проблематика доказывания занимает одно из главных мест в уголовно-процессуальном праве. Данное обстоятельство подкрепляется тем, что доказывание обладает особой спецификой познавательной деятельности, которая связана с жесткой регламентацией процедуры, установленными законом сроками и другими особенностями, связанными с расследованием и рассмотрением в суде уголовных дел. При этом, «ядром» доказывания выступает предмет доказывания, так как именно посредством установления обстоятельств входящих в предмет доказывания, возможно надлежаще рассмотреть и разрешить вопросы о наличии в исследуемом событии состава преступления, а также о виновности конкретного лица в совершении преступления и т.д. Если мы обратимся к актуальной юридической литературе, то можем сделать вывод, что в период 2022 – 2023 годов вопросам, связанным с осмыслением предмета доказывания (и отдельных обстоятельств, которые входят в предмет доказывания), посвятили свои работы следующие авторы: Петровский З.М. [2], Брижатов Е.А. [3], Елесина И.Г., Кислова Н.А., Белова С.Н. [4] и другие". При этом автор не указал фамилии наиболее известных специалистов, когда-либо занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также не раскрыл степень их изученности. Между тем это напрямую отражается на научной новизне будущего исследования.

В чем проявляется указанная научная новизна работы, в статье не говорится. Фактически она отсутствует. Статья представляет собой совокупность общеизвестных положений и цитат из некоторых теоретических источников. Автор не предлагает оригинальных дефиниций научных понятий, не разрабатывает самостоятельных подходов к решению тех или иных дискуссионных проблем. Статья носит поверхностный, обзорный характер и не вносит особого вклада в развитие отечественной правовой науки.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый рассматривает признаки следственного действия, приводит его дефиницию, указывает основания следственных действий, делает попытку раскрыть сущность такого действия как "получение объяснений", говорит о проблеме оформления результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) для целей доказывания. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание работы, как уже отмечалось, не вполне соответствует ее наименованию. Также оно не лишено некоторых других недостатков.

Так, автор приводит дефиницию следственного действия: "... комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и

закреплению содержащейся в них доказательственной информации» [8]" (работа С. А. Шейфера), но не осуществляет критического анализа данного определения, не поясняет, почему из всего многообразия предлагаемых в научной литературе дефиниций данного понятия он выбрал именно эту. Ученый не предлагает оригинального определения понятия "процессуальное действие", хотя оно неоднократно упоминается в работе.

Автор говорит о том, что "... получение объяснений практически не урегулировано нормами уголовно-процессуального закона, в виду чего возникает вопрос относительно формы получения объяснений (устная или письменная); возникает вопрос относительно процессуальных правил получения объяснений; отсутствует сама правовая регламентация статуса тех лиц, от которых получают объяснения, а соответственно, нет ответственности за ложную информацию. Представляется, что указанные обстоятельства должны быть урегулированы в рамках процессуального закона". Все перечисленные вопросы достаточно подробно обсуждаются в литературе (см., к примеру, научные статьи В. Смирновой, В. Стельмаха и др.), но автор их не анализирует и не предлагает оригинальных способов решения соответствующих проблем. То же самое следует сказать относительно проблемы использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу.

Библиография исследования представлена 10 источниками (нормативными правовыми актами, монографиями, научными статьями, учебником). С формальной точки зрения этого достаточно, с фактической - автору не удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер и не может быть признана достаточной. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы не обоснованы в необходимой степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подводя итог вышеизложенному, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время следователь/дознатель на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляют деятельность по сбору, проверке и оценки доказательств входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Данная деятельность осуществляется посредством реализации следственных и иных процессуальных действий. Рассмотрев отдельные проблемы собирания доказательств следователем/дознателем, приходим к выводу о необходимости для целей совершенствования досудебного доказывания, четко урегулировать правовой статус такого действия как «получение объяснений» в процессе рассмотрения сообщения о преступлении (форма получения объяснений; процессуальные правила получения объяснений; правовая регламентация статуса тех лиц, от которых получают объяснения и т.д.)", но нуждаются в уточнении и конкретизации. Во-первых, в предмет доказывания входят не доказательства, а обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Во-вторых, предложение автора по совершенствованию правового регулирования такого действия как "получение объяснений" не является обоснованным в необходимой степени. Не выяснена правовая природа объяснений; потенциальное использование их в качестве доказательств по уголовному делу не рассмотрено подробно. Наконец, в выводах по результатам проведенного исследования отражены не все научные достижения автора. Статья нуждается в дополнительном вычитывании. В ней встречаются опечатки. Так, автор пишет: "Российская Федерация, являясь демократическим федеративным правовым государством, должно создавать результативные способы регулирования общественных отношений, включая и уголовно-процессуальную область" (не "должно", а "должна" - ошибка согласования). Ученый отмечает: "При этом, «ядром» доказывания выступает предмет доказывания, так как именно посредством установления

обстоятельств входящих в предмет доказывания, возможно надлежало рассмотреть и разрешить вопросы о наличии в исследуемом событии состава преступления, а также о виновности конкретного лица в совершении преступления и т.д. (в первом случае запятая не нужна, но она необходима после слова "обстоятельств").

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и уголовного процесса при условии ее доработки: уточнении наименования работы и ее отдельных положений, раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании его актуальности, введении элементов научной новизны и дискуссионности, формулировании четких и конкретных выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Правовые и фактические основания формирования доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства» предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регулирующие общественные отношения, связанные со сбором, проверкой и оценкой доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Методология исследования. При написании статьи использовались такие методы как: логический, исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительного правоведения и правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. В работе использовалось сочетание эмпирической и теоретической информации. Применение современных методов позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования, заявленной автором, не вызывает сомнения. Автор справедливо отмечает, что «проблема сбора, проверки и оценки доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства всегда будет актуальной, обеспечивая не только теоретические, но и практические основы для улучшения уголовного правосудия, учитывая и то, что сам процесс «доказывания» имеет познавательный характер, четко регламентированную процедуру, а также установленные законом сроки. Важное место занимает предмет доказывания, так как именно посредством установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, можно принять законное и обоснованное решение по уголовному делу, в том числе о наличии состава преступления и причастность конкретного лица к его совершению». Эти обстоятельства указывают на актуальность доктринальных разработок по данной тематике с целью совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы заслуживающие внимания положения, например: «рассмотрев отдельные проблемы собирания доказательств должностным лицом, проводящим предварительное следствие, приходим к выводу о том, что нет принципиальной необходимости в придании объяснениям статуса следственных

действий, при этом целесообразно было бы дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 7, который можно именовать как «результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные и предоставленные в установленном законом порядке». Автором по результатам написания статьи сделан ряд теоретических выводов и предложений, что указывает не только на важность этого исследования для юридической науки, но и определяет его практическую значимость.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Статья структурирована. Представляется, что введение отвечает требованиям, предъявляемым к этой части научной статьи. В заключении сформулированы основные результаты, которые достиг автор в ходе исследования. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Замечаний нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, представлены ссылки на публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены в соответствии с требованиями библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По отдельным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Правовые и фактические основания формирования доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования» и отвечает его редакционной политике. Статья написана на актуальную тему, имеет практическую значимость и отличается научной новизной. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовно-процессуального права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сухарев М.В. — Информационные технологии и коллективный субъект права // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.69006 EDN: KSURGZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69006

Информационные технологии и коллективный субъект права

Сухарев Михаил Валентинович

ORCID: 0000-0003-3190-9893

кандидат экономических наук

Старший научный сотрудник, Институт экономики, Отдел комплексных научных исследований
Карельского научного центра Российской Академии наук

185030, Россия, республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А.Невского, 50, оф. 313

✉ suharev@narod.ru

[Статья из рубрики "Теория и философия права"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.69006

EDN:

KSURGZ

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2023

Дата публикации:

25-11-2023

Аннотация: В статье рассматривается проблема коллективного субъекта в условиях распространения цифровых коммуникаций. Классификация коллективных субъектов является определённой проблемой для юридической науки. Существуют общественные, политические, экономические коллективные субъекты. Коллективный субъект существует при следующих условиях. Во-первых, должна иметься возможность постоянной коммуникации между членами коллектива. Во-вторых, коллектив ведёт одну или несколько видов общей деятельности. В-третьих, члены коллектива участвуют в разработке направлений и способов будущей деятельности. В-четвёртых, они могут прямо или косвенно влиять на принятие решений о выборе одного из предложенных вариантов будущей деятельности. Распространение цифровых коммуникаций

значительно повышает связность больших коллективов. Возникла возможность существования географически распределенных коллективных субъектов, члены которых находятся в разных странах. Метод исследования основан на анализе изменений в способах коммуникации между личностями, составляющими коллективный субъект. Цифровые сети позволяют проводить обсуждения (в том числе защищенные криптографией), голосования, форсайт, использовать цифровые подписи, автоматически протоколировать всю коммуникацию. По сравнению с телефонной связью, цифровые коммуникации позволяют одновременное участие сотен людей (коллективный чат). Скорость передачи e-mail в тысячи раз выше, чем скорость письменных сообщений. Новые средства позволяют проводить видеоконференции с демонстрацией графических и табличных материалов. Возможны голосования с использованием защищенных протоколов и цифровых подписей. Существуют системы поддержки принятия решений, компьютерные модели (цифровые двойники) объектов, по управлению которыми нужно принимать решения. Все это ведет к существенному изменению качества и эффективности коллективных субъектов. Возникают новые типы коллективных субъектов (виртуальные сообщества), которые в конечном счете влияют на события в реальном мире. Юридической науке необходимо начать изучать процессы цифровизации и осмыслить их теоретическое значение для правоведения.

Ключевые слова:

цифровизация, информатизация, субъект, коллективный субъект, сетевое сообщество, цифровой двойник, поддержка принятия решений, коммуникация, когнитивный, неявное знание

Работа выполнена в рамках Госзадания КарНЦ РАН "Исследование социально-экономических факторов, процессов и эффектов цифровой трансформации регионов России" (FMEN-2022-0010).

Теоретические основы проблемы. Проблема коллективного субъекта в юридической науке все еще далека от своего общепризнанного решения. В различных источниках используются термины «юридическое лицо», «организация», «трудовой коллектив», «община» и так далее ^[1]. Для одних юридический статус определен относительно четко (юридическое лицо), для других - нет. Выделяются также этнические, языковые и религиозные меньшинства и народы ^[2]. Для теоретического исследования проблемы коллективного субъекта как субъекта права необходимо обратиться к данным других наук: социологии, психологии, философии с использованием междисциплинарного подхода и диалектического метода.

Новизна предлагаемого исследования состоит, во-первых, в сопоставлении результатов изучения коллективного субъекта различными науками: философией, социологией и психологией в применении к юридической науке, и, во-вторых, постановкой вопроса о том, как цифровые системы коммуникации и обработки информации влияют на коллективные субъекты правовых отношений.

Проблему коллективного субъекта исследовал целый ряд ученых: философы Б. Барнс, И.Т. Касавин, Е.А. Мамчур, А.В. Брушлинский Г.П. Щедровицкий и др., психологи В.М. Бехтерев, Журавлев А.Л. Позняков В.П. Рубинштейн С.Л. и др., социологи Ю. Конт, Д. Блур, П. Берген, Т. Лукман, Б. Трибулек и др., юристы Д.Н. Бахрах, В.Я. Бойцов, С.Н. Братусь, А.Л. Журавлев, О.С. Иоффе, Н.А. Малкова, Н.И. Матузов и др.

И.Т. Касавин дает такое определение коллективного субъекта познания (КСП): «Концептуальные рамки для рассмотрения КСП производны от рабочего понятия субъекта как такового. Под субъектом будет пониматься активное начало, обладающее сознанием и позиционирующее себя как отличное от окружающей среды (объекта и прочих условий). Соответственно в качестве КСП будет выступать, во-первых, отдельный сегмент общественного целого в виде социальной группы со специфическим статусом и интересами, который отнесен, во-вторых, к определенному типу знания (деятельности) и, в-третьих, к некоторому социальному институту со свойственными ему формами коммуникации» [\[3\]](#).

Все эти признаки (создание социальных групп, активность, отличие себя от других, особые интересы, внутренняя коммуникация и даже специфические знания) справедливо для любых типов коллективных субъектов, как юридических лиц, так и неформальных, типа спортивных фанатов.

Ряд исследователей связывают понятие коллективного субъекта с общим знанием и когнитивными процессами в сообществе людей. Действительно, коллективный субъект должен принимать решения, единые для составляющего сообщества людей. Собственно, в юридическом смысле, именно за эти решения и основанные на них действия и несет ответственность этот коллективный субъект. Но для принятия решений сообщество должно опираться на общепризнанные его членами (легитимные) знания, ценности и представления, иначе они не смогут принять (и выполнять) общее решение.

Конечно, в больших сообществах разные группы людей, опираясь на разные системы знаний, могут выступать за разные решения. Но у них должны существовать более общие принципы (институты) разрешения разногласий, такие, как обсуждения, голосования, администрация, суд, для разрешения противоречий и принятия общего для всех решения.

Так, в своей книге «Знание как культура: новая социология знания» [\[4, pp. 1-3, 24, 33\]](#) Дойл Маккарти пишет: «...все, что испытывают люди, отбирается, упорядочивается и «оценивается» интеллектуальными и моральными суждениями и языковыми практиками социального мира. Только через язык, категории мышления, нормы и т. д. переживания приобретают сознательную и сообщаемую форму. ... группы, классы, институты и даже целые нации мира соревнуются в формировании общественного мнения и управлении им; активную функцию знания выполняют в общественной жизни, поскольку они порождают и направляют общественное мнение и действия. ... Если идеологии являются практиками, то они являются стратегическими практиками, связанными с властью и последствиями как позиций, так и притязаний групп. Одна из распространенных стратегий идеолога состоит в том, чтобы претендовать на особое, превосходящее место и функцию по отношению к чужим идеям и практикам, например, притязание на теоретическую, рациональную или духовную позицию и, на этом основании, право действовать как окончательный судья и арбитр над другими». Все это справедливо для коллективных субъектов, являющихся субъектами права.

Важную роль играют «неявные знания», «неявные когнитивные правила», которые зависят от принципов, содержащихся в «фоновом знании», включающем моральные ценности, а также онтологические, метафизические и эпистемологические принципы, которые задают фон нашей интерпретации реальности [\[5, p. 46\]](#).

Х. Рейх пишет: Группы с сильной общей идентичностью могут формироваться удивительно легко и со временем еще больше укрепляют общую идентичность благодаря

простому факту нахождения в одной группе. Групповая идентичность усиливает внутригрупповой фаворитизм, а также стереотипирование внешней группы: благодаря эффекту акцентуации подчеркиваются сходства (в мышлении, внешности, приверженности внутригрупповым нормам и ценностям) внутри группы, а различия преуменьшаются для укрепления групповой идентичности. Возможные сходства членов внешней группы с атрибутами внутренней группы аналогичным образом преуменьшаются. Благодаря этим механизмам повышается самооценка отдельных членов группы, поскольку они считают себя соответствующими характерным внутригрупповым нормам и ценностям, поскольку эти характеристики обычно рассматриваются как более позитивные и желательные по сравнению с негативными и нежелательными характеристиками, которые воспринимаются как определяющие внешнюю группу (группы). Типичным примером является национализм и стереотипы националистических аутгрупп [6].

В последние десятилетия активно развиваются цифровые информационные технологии, причем особенно активно идет распространение социальных сетей. Это радикальное изменение способов коммуникации в человеческом обществе, которое можно сравнить только с появлением письменности [7, с. 240] и которое изменяет способы существования коллективных субъектов. М.А. Иванова пишет в связи с тем, что развитие Интернет создает юридические проблемы: Особый интерес вызывает исследование проблем трансформации правовой культуры в условиях развития сетевого общества [8]. Одним из важных субъектов права являются общественные объединения [9].

Для уточнения вопроса о том, как цифровизация влияет на коллективный субъект, необходимо обратиться к положениям философии и психологии.

Прежде всего, коллективный субъект невозможен без владения общим языком [10, с.65], без которого невозможна коммуникация, обсуждение общих проблем, принятие решений и поддержание общих правил поведения и даже ценностей. Это действительно для очень разных видов коллективных субъектов: от армий и армейских формирований до наук и спортивных фанатов. Многие сообщества (от физиков до спортсменов) используют свой особый язык, специфические слова и понятия.

Психологи считают, что субъект становится субъектом в процессе своей деятельности, общения и других видов активности [11, с.9]. «...в перспективе, наряду с понятиями «группа», «коллектив», «коллективный (групповой) субъект», в социальной психологии появятся новые понятия, обозначающие то или иное качество (в смысле качественно отличного состояния) ... такие как: «общность», «сообщество», «коллективное бессознательное», «корпорация», «клика», «группировка» и т.д. ... Можно согласиться с мнением А.В. Брушлинского, что фактически субъектом может быть общность любого масштаба, включая все человечество (там же, с. 52).

Финский исследователь Р. Туомела обратил внимание на то, что у человека существует два типа мышления: «я-мышление» и «мы-мышление», причем человек легко переключается с одного на другое, когда говорит: «я хочу...» или «мы (спортсмены, москвичи, ученые...) хотим. Он писал: Древние римляне ввели в право идею корпоративной ответственности, говоря об организованных коллективах ... корпоративная группа противопоставлялась *societas*, коллективу, основанному на взаимодействиях между отдельными людьми, не столь тесно связанными друг с другом и не являющимися членами интенционального группового субъекта» [12].

Коллективный субъект может рассматриваться как идеоматериальная система (ИМС),

важной частью которой является комплекс идей, разделяемых его участниками. Каждый отдельный человек может быть одновременно членом нескольких ИМС, например, физиком, верующим той или иной конфессии и шахматистом [\[13\]](#). У физиков идейный комплекс это сама наука физика, набор метанаучных представлений (принципы выдвижения теоретических концепций, экспериментальной проверки, научной дискуссии), организационное строение науки (конференции, ученые советы, степени), ценности познания, научной строгости и другие. У верующих это сама религия, комплекс религиозных текстов, организационное строение церкви, набор ценностей. У шахматистов правила игры, шахматная теория и история, принципы соревнований. При этом каждый человек отдает часть своего времени (в конечном счете, жизни) этим коллективным субъектам.

В какой степени информационные технологии влияют на возникновение, оформление и функционирование коллективного субъекта? Большое количество научных работ, обусловленное важностью темы, публикуется в последнее время в области социологии науки.

Дело в том, что именно в науке формируются большие коллективы, состоящие из специалистов по самым разным направлениям науки и техники. Одним из примеров является Большой адронный коллайдер, где взаимодействуют и физики – специалисты по элементарным частицам, и специалисты по вакуумным системам, и специалисты по сверхпроводникам, и по детекторам излучений, и, конечно, по информационным технологиям. Но без участия всех этих специалистов, без их уникальных знаний, в системе отражающих устройство огромной (27 километров туннелей и сложнейших приборов) экспериментальной установки, невозможно ни проектирование, ни эксплуатация такого коллайдера. Например, у научной статьи, опубликованной в одном из ведущих журналов мира, *Physical Review Letters*, оказалось 5154 соавторов.

Две группы на Большом адронном коллайдере, участвовавших в открытии бозона Хиггса (CMS и ATLAS) включают около 3000 участников с тщательно разработанными, основанными на баллах правилами авторства и тех, кто имеет право говорить от лица группы. Список авторов публикации консорциума LIGO, сообщающей о первом обнаружении гравитационных волн, испускаемых двумя сливающимися черными дырами, включал около тысячи человек из 133 организаций. В ЦЕРН иногда находится более 13 000 человек, но только около 2 200 из них являются сотрудниками ЦЕРНа; остальные это субподрядчики, студенты, и приглашенные специалисты.

Конечно, в XXI веке все они работают в виртуальном пространстве, используя различные средства коммуникации, базы данных и знаний, системы поддержки принятия решений и т.д., а также создавая коллаборации для решения отдельных задач [\[14\]](#).

Несомненно, научная деятельность имеет свою специфику, но общие философские, психологические, технологические и другие принципы функционирования коллективных субъектов в науке могут с известной осторожностью переноситься и на другие области знания, в том числе, юридическую и экономическую.

Поэтому приведем ряд результатов исследований коллективных субъектов, возникающих в современной науке.

В процессе научной работы ученые участвуют в многосторонних беседах, которые проходят в университетских коридорах, на семинарах, конференциях и в библиотеках. В настоящее время все большая часть обсуждений происходит в интернет, благодаря чему

становится возможен автоматический анализ дискурса, выявление ключевых слов и групп слов, связанных с определенными тематиками.

Изменение этих наборов и использующих их групп исследователей оказывается отражением динамики исследований, иногда незаметной даже самим участникам научной дискуссии.

Исследователи социологии науки начали отслеживать эти связи, используя авторство статей, ссылки и благодарности, чтобы понять, как авторы и ресурсы объединяются вокруг исследовательских проблем в команды, сети и организации [\[15\]](#).

При всем своеобразии когнитивных процессов в научном сообществе, похожие процессы идут и в сообществах предпринимателей, и в разнообразных сетевых молодежных группировках, и в группах общественных активистов.

Информационные системы, обрабатывая оцифрованные данные публикаций создают проекции социальных, географических и финансовых сетей на сеть опубликованных заявлений и выявляют корреляции, повторения терминов и фраз, возникшие в результате обмена идеями. Выявляются корреляции между личными отношениями и научными интерпретациями, определяя участников и границы коллективных субъектов, образующихся для решения научных проблем (там же).

В статье [\[16\]](#) предлагается новый подход, основанный на теории аутопоэтических систем. Аутопоэтическая система определяется как организация, связанная сетью производственных процессов элементов. Первоначально эта теория была предложена в биологии и затем применена к социологии, автор предлагает применить ее для понимания природы творчества. Творческая система — это аутопоэтическая система, элементом которой является «открытие», возникающее только тогда, когда произошел синтез трех выборов: «идеи», «ассоциации» и «следствия». На этой основе обсуждается связь между творческой, психической и социальной системами.

Проблемы растут по мере роста размера групп людей, взаимодействующих в решении общих задач. Исследования свидетельствуют о том, что групповая сплоченность, превышающая групп, сотню членов, становится слабее с появлением полуавтономных клик и подгрупп. Это может быть связано с постулируемым пределом количества значимых социальных взаимодействий, которые люди могут поддерживать, учитывая размер их мозга. Команды строятся на сильных сторонах и способностях их членов. Личности альфа-типа, преследующие свои собственные идеи, часто бывают успешны, но успех групп больше зависит от командных игроков с высоким уровнем сотрудничества и взаимопомощи в среде, которая высвобождает их энергию и творческий потенциал [\[17\]](#).

Распространение электронных библиотек и поисковых систем, глобальных индексов (Scopus, WoS, PubMed, arXiv) позволяет проводить исследования сетей научного сотрудничества на основе библиографических данных статей, включая сведения об авторах и связях между статьями (цитирование), что позволяет отследить ход когнитивного процесса в исследовании, которое объединяет исследователей из разных стран, формально не связанных друг с другом. Возникают захватывающие новые возможности для понимания того, как процесс научного производства организован и развивается с течением времени. Это требует не только картирования интеллектуального вклада и ученых, которые его вносят, но и изучения того, как информация циркулирует между учеными и как они взаимодействуют друг с другом. Информационные технологии дают возможность видеть в режиме реального времени, как ученые обмениваются,

открывают и создают новые знания, понять механизмы, лежащие в основе генерации знаний. Одним из способов изучения того, как ученые обмениваются информацией, является создание сетей соавторства. При анализе этих сетей можно разумно предположить, что авторы, сотрудничающие над статьей, знают друг друга (по крайней мере, в относительно небольших коллаборациях) и поделились своим опытом для проведения совместных исследований и написания статьи в соавторстве. Кроме того, анализ цитирования является инструментом изучения наследования идей и концепций между предшествующими и новыми работами, что создает «каскады влияния». И в сетях соавторства, и в сетях цитирования научное сотрудничество обычно описывается в терминах очень больших сетей, обычно состоящих из десятков тысяч узлов, которые поддаются статистическому описанию и строгому анализу с привлечением и объединением социальных наук и теории сетей [\[18\]](#).

Интересный пример исследования развивающегося сетевого коллективного субъекта с помощью информационных технологий можно видеть в статье Л. Дич [\[19\]](#).

В работе изучалось формирование сетевого сообщества американцев азиатского происхождения. Было проведено 18-месячное цифровое этнографическое исследование справедливости утверждений о том, что американцы азиатского происхождения создают общественную идентичность как часть своего «притязания на Америку». Использовались информационные технологии исследования сетевых сообществ, включая индуктивный и дискурс анализ.

Один из выводов: люди должны быть в состоянии осознать свою идентичность как часть коллективного опыта, прежде чем они смогут действовать на основе этой идентичности в общественных или политических целях. В результате обработки полученной информации получилась следующая таблица:

Таблица 1

Темы	количество
Определение расы по особенностям, например, еде, ссылкам на фильмы, инсайдерскому дискурсу	35
Этническое значение через различия или смешение, например, ошибочное принятие японской культуры за китайскую культуру	25
Феминизация азиатских мужчин; азиатские фетиши; вопросы пола и сексуальности, связанные с расой	37
Межпоколенческий конфликт или напряженность	23
Взаимодействие между визуальными (статическими изображениями) и текстами, например, отсылка к расе статических изображений в текстах	35
СМИ; Поп-культура, представление Голливуда об азиатах и американцах азиатского происхождения	50
Смешанная раса; пробелы или тождества через дефис; кратность	47
Технически подкованные и геймерские личности; темы, связанные с технологиями и идентичностью	19
Белизна, или ссылки на белизну как на культуру; критика белизны; или желание быть белым и более американским	28

Результаты исследования сообщества (коллективного субъекта) американцев азиатского

происхождения. Источник: [\[17\]](#).

Формирование коллективного субъекта, его идентичности, восприятия себя как в чем-то похожего на другие субъекты и в чем-то от них отличающегося, связано с (часто неосознанным) созданием онтологий [\[20\]](#). В информатике онтологизация — это создание концептуальной схемы структур данных. Хотя сообщество создает языковой контент в значительной степени спонтанно, тем не менее, он в конечном счете тематизируется и наполняется общепризнанными представлениями и понятиями. Компьютеризированным способом выявления этих тем, понятий, представлений является построение онтологий на основе анализа коммуникаций в социальных сетях [\[21\]](#).

Выводы: информационные технологии создают новую коммуникационную среду, которая вызывает важные изменения в способах создания коллективных субъектов. Философия, психология и социология дают ряд общих (независимо от их природы) характеристик коллективных субъектов: основанной на общем языке и системе понятий коммуникации, системе ценностей, системе принятия решений, способов признания фактов и теоретических положений истинными или ложными. Цифровые системы существенно влияют на все эти процессы. Возникают новые виды коллективных субъектов, например, сетевые сообщества разработчиков программного обеспечения, создателей энциклопедий, идеологических течений. Их юридический статус зачастую плохо определен. Однако эти виртуальные коллективы иногда объединяют большое количество людей и заставляют их идти на серьезные правонарушения. Особенно это касается молодежных сетевых сообществ, создающих среду с сильной коллективной мотивацией, иногда имеющей криминальную направленность, и при этом пока остающиеся вне правового поля. С другой стороны, многие из этих сообществ заняты развитием различных полезных видов деятельности. Поэтому исследование механизмов функционирования и создание легальных институтов регулирования таких коллективных субъектов становится все более важным и актуальным.

Библиография

1. Самылов И.В. Понятие и система коллективных субъектов права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. Выпуск 4 (6). С. 25-32.
2. Велиева Д.С. Коллективные субъекты конституционных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. №4 (93). С. 205-208.
3. Касавин И.Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. 2015. Т.46, № 4. С. 5-18.
4. McCarthy D.E. Knowledge as Culture: The New Sociology of Knowledge. New York&London: Routledge, 1996.
5. Viale R. Methodological Cognitivism. Vol. 1: Mind, Rationality, and Society. Heidelberg, Dordrecht, London, New York: Springer, 2012. doi:10.1007/978-3-642-24743-9
6. Riesch, H. Philosophy, history and sociology of science: Interdisciplinary relations and complex social identities // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2014. V.48. Pp. 30-37. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2014.09.013>
7. Сухарев М.В. Эволюционное управление социально-экономическими системами. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008.
8. Иванова М.А. Правовая культура в условиях развития сетевого общества // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т.8.2(27). С. 149-152. doi:10.26140/bgз3-2019-0802-0035
9. Рабазанов С.А. Общественные объединения – коллективные субъекты

- конституционных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 348–354.
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-348-354>
10. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
 11. Психология индивидуального и группового субъекта // Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. 368 с. С. 9.
 12. Туомела, Р. Кто боится групповых субъектов действия и групповых сознаний? // Мысль. Журнал Санкт-Петербургского философского общества. 2016. № 21. С. 7-33.
 13. Сухарев М.В. Идеоматериальные полисистемы и политика // Национальная безопасность / nota bene. 2022. № 6. С. 1-22. doi: 10.7256/2454-0668.2022.6.38969
 14. Четвериков А.О. Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Lex Russica. 2019. № 4 (149). С. 151-169.
 15. Evans J.A., Rzhetsky A. Advancing Science through Mining Libraries, Ontologies, and Communities // Journal of Biological Chemistry. 2011. V. 286 (27). Pp. 23659-23666. doi:10.1074/jbc.R110.176370
 16. Iba T. An Autopoietic Systems Theory for Creativity // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2010 V. 2 (4). Pp. 6610-6625, ISSN 1877-0428, doi:10.1016/j.sbspro.2010.04.071
 17. Koch, C., Jones, A. Big Science, Team Science, and Open Science for Neuroscience, Neuron. 2016 V. 92(3). Pp. 612-616. doi:10.1016/j.neuron.2016.10.019
 18. Lambiotte R., Panzarasa P. Communities, knowledge creation, and information diffusion // Journal of Informetrics. 2009. V.3 (3). Pp. 180-190. doi:10.1016/j.joi.2009.03.007
 19. Dich, L. Community Enclaves and Public Imaginaries: Formations of Asian American Online Identities // Computers and Composition. 2016. V. 40. Pp. 87-102. doi:10.1016/j.compcom.2016.03.012
 20. Jindal, R., Seeja, Shivani Jain, S. Construction of domain ontology utilizing formal concept analysis and social media analytics // International Journal of Cognitive Computing in Engineering. 2020. V.1, P. 62-69. doi:10.1016/j.ijcce.2020.11.003
 21. Preventis, A., Petrakis, E. CLONE: Collaborative Ontology Editor as a Service in the Cloud // Procedia Computer Science. 2021. V.I. (184), P. 275-282. doi:10.1016/j.procs.2021.04.006

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, коллективный субъект права в срезе развития современных информационных технологий. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, дескриптивный, герменевтический, сравнительный методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована им следующим образом: "Проблема коллективного субъекта в юридической науке все еще далека от своего общепризнанного решения. В различных источниках используются термины

«юридическое лицо», «организация», «трудовой коллектив», «община» и так далее [1]. Для одних юридический статус определен относительно четко (юридическое лицо), для других - нет. Выделяются также этнические, языковые и религиозные меньшинства и народы [2]. Для теоретического исследования проблемы коллективного субъекта как субъекта права необходимо обратиться к данным других наук: социологии, психологии, философии". Дополнительно ученому нужно перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна работы, прямо не говорится. Фактически она отсутствует. Статья носит описательный, информационный характер, представляя собой компиляцию ряда использованных при ее написании теоретических источников. Работа характеризуется невысоким уровнем самостоятельности, что подтверждается большим количеством ссылок на использованные при ее написании научные труды. Таким образом, в представленном на рецензирование виде статья не вносит особого вклада в развитие отечественной правовой науки.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый рассматривает существенные признаки коллективного субъекта познания и коллективного субъекта права, исследует последствия влияния цифровизации на коллективных субъектов права, приводит примеры некоторых результатов научных исследований коллективных субъектов, появившихся в современной научной литературе. В заключительной части статьи содержатся общие выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание работы соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, приводя в статье цитату из работы Дойла Маккарти, автор пишет: "Все это справедливо для коллективных субъектов, являющихся субъектами права", но не уточняет, что именно; не определяет, какими существенными признаками должен обладать коллективный субъект права; не предлагает оригинальной дефиниции данного ключевого для статьи понятия.

Автор задается вопросом: "В какой степени информационные технологии влияют на возникновение, оформление и функционирование коллективного субъекта?", отмечая при этом: "Большое количество научных работ, обусловленное важностью темы, публикуется в последнее время в области социологии науки". В качестве примера ученый не приводит ни одной фамилии исследователя.

Автор пишет: "Несомненно, научная деятельность имеет свою специфику, но общие философские, психологические, технологические и другие принципы функционирования коллективных субъектов в науке могут с известной осторожностью переноситься и на другие области знания, в том числе, юридическую и экономическую". Что конкретно из достижений других наук можно и должно "перенести" в юридическую область знания, ученый не говорит.

Автор отмечает: "Для теоретического исследования проблемы коллективного субъекта как субъекта права необходимо обратиться к данным других наук: социологии, психологии, философии". Это справедливо, однако "философская", "социологическая" и прочие составляющие исследования не должны доминировать над его юридической частью. Между тем последняя осталась в забвении - в результате проведенного исследования автор не сделал каких-либо четких, конкретных, значимых для юриспруденции и обладающих свойством научной новизны теоретических и практических выводов.

Ученый злоупотребляет цитированием.

Библиография исследования представлена 21 источником (монографиями, научными статьями, аналитическими данными), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого вполне достаточно; с фактической - автору не удалось раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам как таковая отсутствует. Автор ссылается на теоретические источники исключительно в подтверждение своих суждений или для иллюстрирования отдельных положений работы. В научную дискуссию ученый не вступает.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("... информационные технологии создают новую коммуникационную среду, которая вызывает важные изменения в способах создания коллективных субъектов. Их юридический статус в ряде случаев плохо определен. Однако они иногда объединяют большое количество людей и заставляют людей идти на серьезные правонарушения. Особенно это касается молодежных сетевых сообществ, создающих среду с сильной коллективной мотивацией, иногда имеющей криминальную направленность, и при этом пока остающиеся вне правового поля. С другой стороны, многие из этих сообществ заняты развитием различных полезных видов деятельности. Поэтому исследование механизмов функционирования и создание легальных институтов регулирования таких коллективных субъектов становится все более важным и актуальным"), но носят общеизвестный характер. Таким образом, заключительную часть статьи необходимо доработать.

Статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и повторы. Так, автор отмечает: "М.А. Иванова пишет в связи с тем, что развитие Интернет создает юридические проблемы: Особый интерес вызывает исследование проблем трансформации правовой культуры в условиях развития сетевого общества [8]" - безусловно, имеется в виду "развитие Интернета" (сети "Интернет"). Также следует обратить внимание на знаки препинания. Ученый пишет: "Однако они иногда объединяют большое количество людей и заставляют людей идти на серьезные правонарушения" - повторяется слово "людей".

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, конституционного права, информационного права при условии ее существенной доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, введении элементов научной новизны и дискуссионности, формулировании четких и конкретных выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Информационные технологии и коллективный субъект права» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения, где участниками являются коллективные субъекты права. Особое место в предмете исследования занимает изучение вопроса о допустимости, целесообразности и эффективности признания цифровых технологий, включая виртуальные сообщества и искусственный интеллект, субъектами правоотношений.

Методология исследования. При написании статьи использовались такие методы как: логический, исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический,

системно-структурный, сравнительного правоведения и правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. В работе использовалось сочетание эмпирической и теоретической информации. Применение современных методов позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования, заявленной автором, не вызывает сомнения. Глобальная цифровизация всех сфер жизнедеятельности ставит проблемы перед правом, одна из которых - это обновление состава участников правоотношений. Появление новых субъектов права, например, виртуальных сообществ и искусственного интеллекта, не нашло должного отражения в праве. Формирующееся информационное общество требует нового формата правового регулирования общественных отношений. Автор справедливо отмечает, что «...цифровые системы существенно влияют на все эти процессы. Возникают новые виды коллективных субъектов, например, сетевые сообщества разработчиков программного обеспечения, создателей энциклопедий, идеологических течений. Их юридический статус зачастую плохо определен» (орфография автора рецензируемой статьи). Эти обстоятельства указывают на актуальность доктринальных разработок по данной тематике с целью совершенствования нормотворчества и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы заслуживающие внимания положения. Как отмечает сам автор: «Новизна предлагаемого исследования состоит, во-первых, в сопоставлении результатов изучения коллективного субъекта различными науками: философией, социологией и психологией в применении к юридической науке, и, во-вторых, постановкой вопроса о том, как цифровые системы коммуникации и обработки информации влияют на коллективные субъекты правовых отношений» (орфография автора рецензируемой статьи). Автором по результатам написания статьи, сделан ряд теоретических выводов и предложений, что указывает не только на важность этого исследования для юридической науки, но и определяет его практическую значимость.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. В качестве замечания следует отметить, что в статье много грамматических ошибок и опечаток (например: предлагаемого, социологией, разработчиков программного и др.). Отмечается несоблюдение правил расстановки знаков препинания в предложениях. В целом же материал изложен последовательно и ясно. Статья структурирована. Представляется, что введение не совсем отвечает требованиям, предъявляемым к этой части научной статьи. А также, в заключении следовало бы сформулировать те, основные результаты, которые достиг автор в ходе исследования. Замечания носят устранимый характер, текст статьи автору следует внимательно вычитать. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, представлены ссылки на публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены в соответствии с требованиями библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По отдельным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Информационные технологии и

коллективный субъект права» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, имеет практическую значимость и отличается научной новизной. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области общей теории права, информационного права и других отраслевых юридических наук, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сотников К.И. — О возможностях внедрения транскрибации в практику допроса на стадии предварительного расследования преступлений // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.68738 EDN: QZFFFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68738

О возможностях внедрения транскрибации в практику допроса на стадии предварительного расследования преступлений

Сотников Константин Иванович

ORCID: 0000-0002-2279-1355

доктор юридических наук

доцент, кафедра криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД России

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1

✉ sotnikovik@mail.ru

[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.68738

EDN:

QZFFFQ

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2023

Дата публикации:

26-11-2023

Аннотация: Предметом исследования является современная судебно-следственная практика фиксации показаний допрашиваемых лиц на предварительном следствии, которая свидетельствует о тенденции увеличения объема составляемых протоколов допроса. Объектом исследования являются закономерности процедуры фиксации показаний допрашиваемых лиц. Отмечается, что составление протокола допроса является наиболее трудоемким заключительным этапом данного следственного действия. Анализ научных публикаций последних лет показывает, что ученые-криминалисты основное внимание уделяют именно тактике и психологии допроса. В рамках криминалистической тактики допроса также рассматриваются вопросы

особенностей применения дополнительных средств фиксации в виде аудиовидеозаписи и требований к содержанию протокола допроса. Существующая процедура фиксации показаний допрашиваемых лиц в режиме пишущей машинки сохраняет остроту. Новизна исследования заключается в авторском предложении внедрения в практику составления протоколов допроса современных компьютерных технологий и искусственного интеллекта, позволяющих преобразовывать устную речь в текст. Речь идет об автоматическом распознавании речи и преобразовании речевого сигнала в цифровую информацию в виде текста (транскрибации устной речи). В настоящее время транскрибация широко используется в самых различных сферах человеческой деятельности. Отмечается допустимость использования технологии транскрибации с позиции уголовно-процессуальной регламентации допроса и очной ставки. Использование средств транскрибации позволит следователю сосредоточиться на общении с допрашиваемым лицом, добиться психологического контакта, отслеживать показания, использовать тактические приемы и т.п. Современное программное обеспечение позволяет внедрить в практику допроса указанной технологии фиксации показаний допрашиваемых лиц.

Ключевые слова:

нейролингвистический, программирование, фиксация, показания, доказательство, протокол, рационализация, речь, делопроизводство, конвертор

Допрос относится к наиболее распространенному следственному действию, соответственно, является традиционным и общепризнанным источником доказательств. Не случайно, в ст.74 УПК РФ к числу допускаемых доказательств, в первую очередь, отнесены показания подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей и других участников судебного процесса.

Многовековая история данного следственного действия свидетельствует о сложностях становления тактики допроса, применяемых методах и способах его ведения и оценки показаний допрашиваемых лиц. С развитием общества менялось законодательство, процедура допроса приобретала цивилизованный и гуманный характер. Совершенствовался процесс проведения допроса, вводились дополнительные требования к допросу свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, несовершеннолетних лиц.

Наукой криминалистики и практикой разработаны тактические приемы допроса на стадии предварительного расследования и в судебном заседании. Дискутируются вопросы о допустимости использования в ходе допроса гипноза, полиграфа, «сыворотки правды» и т.п. В практику расследования внедряется допрос в виде когнитивного интервью свидетелей-очевидцев и потерпевших, направленного на мысленное восстановление в памяти события преступления [\[1, 24 с.\]](#), [\[2, с. 25-27\]](#), [\[3, с. 64-68\]](#) и др.

В последние годы на теоретическом уровне обсуждается возможность использования в ходе допроса нейролингвистического программирования, суть которого сводится к моделированию поведения человека в различных ситуациях с помощью лингвистических приемов и прикладной психологии [\[4, с. 134-140\]](#), [\[5, с. С. 38-43\]](#), [\[6, с. 98-101\]](#) и др.

Представители уголовно-процессуального права рассматривают особенности законодательного регулирования порядка допроса на различных этапах уголовного

судопроизводства и особенностей статуса допрашиваемого лица. Отмечается всплеск научного интереса в связи с законодательным допущением допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи [\[7, с. 98-102\]](#), [\[8, с. 134-139\]](#) и др.

Анализ научных публикаций последних лет показывает, что ученые-криминалисты основное внимание уделяют именно тактике и психологии допроса. Криминалистическая тактика допроса с позиции психологии предлагает приемы и методы ведения данного следственного действия, основная цель которых заключается в получении объективной информации о событии преступления. В рамках криминалистической тактики допроса отчасти рассматриваются вопросы особенностей применения дополнительных средств фиксации в виде аудиовидеозаписи и требований к содержанию протокола допроса.

Основным средством фиксации показаний допрашиваемого лица является протокол, порядок составления которого предусмотрен нормами УПК РФ. Нельзя не отметить, что составление протокола допроса (фиксация показаний) является наиболее трудоемким заключительным этапом данного следственного действия. Протокол допроса представляет собой процессуальный документ, в котором, согласно ст.190 УПК РФ, по возможности, записываются дословно показания допрашиваемого лица. Показания могут фиксироваться посредством рукописи и машинописи. Рукописный вариант протокола сложнее воспринимается при чтении, что влияет на общую оценку проведенного допроса. В последние годы чаще всего показания фиксируются с использованием компьютерной техники. Применение компьютера в качестве пишущей машинки в определенной мере облегчило составление протокола допроса, дальнейшее его использование для составления обвинительного заключения и других документов.

Современная практика расследования преступлений свидетельствует о тенденции увеличения объема составляемых протоколов допроса. Такое положение объясняется усложнением расследуемых преступлений, повышением требований соблюдения формальных положений уголовно-процессуального закона. Значительное влияние на складывающуюся практику оказывают современные компьютерные технологии, которые позволяют использовать электронные шаблоны протоколов допроса. Привлекает простота исправления текста и его копирования, возможность распечатки готовых протоколов на принтерах, сканирование и преобразование текста в цифровую форму.

Однако процедура фиксации показаний допрашиваемых лиц сохраняет остроту именно с позиции трудоемкости составления протокола допроса. Время, затрачиваемое на составление многостраничных протоколов допроса, отрицательно сказывается на тактике общения следователя с допрашиваемыми лицами. Ученые криминалисты и практики давно обратили внимание на необходимость упрощения и ускорения фиксации показаний допрашиваемого лица. Эта проблема отчасти решается на уровне совершенствования тактики допроса, внедрения в практику расследования научной организации труда следователя. В рамках НОТ рассматриваются вопросы повышения производительности труда, создания автоматизированного рабочего места дознавателя и следователя, однако обходят стороной проблему внедрения современных технологий в практику составления протоколов [\[9, с.32\]](#).

На уровне научной организации труда следователя предлагалось ввести в следственных подразделениях специально обученных секретарей-машинисток, которые, находясь в отдельном кабинете, записывали бы показания допрашиваемого лица и составляли машинописный протокол допроса. Эта идея дальше эксперимента не реализована. Трудности заключались, прежде всего, в том, что только следователь по окончании

допроса мог определить объем и относимость к делу информации, подлежащей включению в протокол допроса. Создание подобных кабинетов затруднялось подготовкой секретарей-машинисток, дополнительными расходами на их содержание и иными организационными сложностями. Овладение следователями компьютерными средствами протоколирования окончательно сняли эту идею с повестки дня.

Определенным резервом повышения эффективности труда следователя при составлении протоколов допроса мог быть переход расследования преступлений в форме электронных уголовных дел, т.е. фиксацию всех следственных действий и составление процессуальных и иных документов с использованием цифровых технологий. Оптимизация уголовного судопроизводства призвана обеспечить защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также защиту хранящейся в материалах дела информации. Прежде всего, электронное судопроизводство предполагает полный отказ от бумажного делопроизводства. [\[10, с. 37-41\]](#), [\[11, с. 81-90\]](#), [\[12, с. 1172-1176\]](#) и др.

Однако и это не решает проблему рационализации деятельности следователя. На наш взгляд, при существующих подходах, использование компьютеров в качестве пишущей машинки, пусть даже более совершенной, требует значительных затрат и усилий по составлению протокола допроса. Выход из создавшегося положения видится во внедрении в практику составления протоколов допроса современных компьютерных технологий и искусственного интеллекта, позволяющих преобразовывать устную речь в текст. Речь идет об автоматическом распознавании речи и преобразовании речевого сигнала в цифровую информацию (транскрибации устной речи). Под транскрибацией понимается перевод, чего-либо в другую форму (заимствовано из нем. transkribieren, которое происходит от лат. transcribere - переписывать).

В настоящее время транскрибация широко используется в самых различных сферах человеческой деятельности. В частности, в онлайн-обучении программное обеспечение на основе транскрибации позволяет сопровождать видео-контент текстом, что облегчает процесс восприятия учебного материала. Новостные информационные ресурсы, видеоблогосфера широко используют расшифровку видеофайлов в тексты для публикации новостей. В медицине транскрибацию используют для автоматизированного ведения медицинской документации. Технология распознавания речи значительно снижает потребность в ручном вводе текста и освобождает работника для выполнения иных задач.

Конвертер аудио в текст - это инструмент, который может конвертировать аудиофайлы в тексты, записывать устную речь и одновременно создавать его текст. Процесс транскрибации предполагает восприятие аудиоконтента и его последующее преобразование в текст, при этом обеспечивает высокую дословность устной речи. Важно отметить, что записанные аудио-и видеофайлы могут выступать в качестве цифрового способа хранения информации.

Современные программы распознавания устной речи могут быть установлены на мобильное устройство (смартфон) или компьютер. Также эти программы могут использоваться на онлайн-сервисах. Они позволяют использовать диктовку на мобильный телефон или компьютер, когда приложение трансформирует речь в текст. На данный момент создано десятки компьютерных программ для распознавания речи. Для расшифровки аудио в текст используются простые и профессиональные софты. Они имеют сравнительно простой интерфейс, обеспечивают высокий уровень дословности

транскрибции [\[13, с. 230-232\]](#), [\[14, с. 25-30\]](#) и др.

Автор в порядке эксперимента, не имея опыта, используя бесплатный аудиоконвертер и редактор онлайн, в течение нескольких минут преобразовал видеофайл в текст, который почти не требовал дополнительной редакции и текстовой обработки. Вышеизложенное убеждает, что технически транскрибация может успешно использоваться для фиксации показаний допрашиваемых лиц. Современный следователь легко овладеет навыками транскрибции. Установка приложений, дополнительного оборудования (микрофона, диктофона, видеомэгнитофона) не потребует серьезных финансовых вложений).

Рассмотрим вопросы допустимости транскрибации с позиции уголовно-процессуальной регламентации допроса и очной ставки. Согласно п. 6 ст.164 УПК РФ при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств. Общие правила проведения следственных действий допускают использование любых, научно обоснованных и не нарушающих права граждан, технических средств и способов фиксации следов преступления.

В соответствии с общими правилами проведения допроса, по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица, в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио-и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются (ст.189 УПК РФ).

В п. 4 ст. 190 УПК РФ, регламентирующей правила составления протокола допроса, указано, что если в ходе допроса проводились фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, то протокол должен также содержать запись о проведении фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки, сведения о технических средствах, заявления допрашиваемого лица по поводу проведения фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки.

В нашем случае применяется аудио-и (или) видеозапись, которая в последующем преобразовывается в текст. При этом возможно несколько вариантов. В первом случае осуществленная аудиовидеозапись в последующем прилагается к протоколу допроса как дополнительное средство фиксации. Во втором случае, при записи в режиме диктофона, следователь не ставит цель приобщать к протоколу допроса аудиозапись, она лишь используется для конвертации устной речи в текст. В третьем случае транскрибация производится непосредственно с микрофона, минуя звукозапись на техническое устройство (компьютер).

Анализируя положения УПК РФ, можно утверждать, что закон позволяет использовать транскрибацию в комплексе с созданием аудиовидеозаписи как дополнительного средства фиксации. Транскрибация устной речи в режиме только микрофона допускается как техническое средство, позволяющее быстро и экономично оформить протокол допроса. Очевидно, что следователь должен критически оценивать содержание показаний, редактировать текст, поскольку речь допрашиваемого лица не всегда адекватно передает истинный смысл показаний. Для коррекции устной речи должны служить уточняющие, дополнительные и контрольные вопросы. Кроме того, при транскрибации устной речи возможны программные неточности преобразования слов и предложений, которые потребуют исправления. Редактирование готового текста не

потребуется значительного времени по сравнению с традиционным написанием протокола допроса, особенно в случаях составления многостраничного документа.

Некоторые тактические замечания. В практической деятельности следователи используют различные подходы порядка и последовательности допроса и составления протокола. По простым делам, с небольшим объемом даваемых показаний, в бесконфликтной ситуации, следователь выслушивает допрашиваемое лицо и после уточняющих вопросов приступает к составлению протокола допроса. При необходимости фиксации значительного объема показаний и, особенно, в случаях противодействия, следователь выслушивает допрашиваемое лицо по определенному факту, фиксирует показания, затем выслушивает допрашиваемое лицо по другому факту, задает уточняющие вопросы и далее фиксирует эти показания. Нередко следователи приступают к составлению протокола с начала допроса, прерывают свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, после чего переходят к фиксации показаний. В таких случаях следователь почти лишен возможности наблюдать за допрашиваемым лицом, контролировать ход следственного действия. Использование средств транскрибации позволит следователю сосредоточиться на общении с допрашиваемым лицом, добиться психологического контакта, отслеживать показания, использовать тактические приемы и т.п.

В этой связи перед криминалистикой стоит задача по дальнейшему внедрению информационных технологий и искусственного интеллекта в практику расследования. Транскрибация, как современный способ преобразования устной речи в текст, будет способствовать полноте и объективности фиксируемых показаний, ускорению процесса составления протокола, более эффективному применению тактических приемов допроса.

Использование транскрибации потребует соответствующей коррекции криминалистической тактики. В учебные программы по криминалистической тактике допроса следует включить практические занятия по использованию программных продуктов преобразования устной речи в текст. В значительной мере их внедрение в процедуру допроса зависит от практических сотрудников, их ориентирование на повышение эффективности расследования преступлений.

Библиография

1. Зайцева, В. В. Когнитивные, коммуникативно-прагматические и языковые особенности допроса в юридическом дискурсе : специальность 10.02.19 "Теория языка" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зайцева Валентина Викторовна. – Тамбов, 2011. – 24 с.
2. Бриленкова, В. В. Допрос свидетеля и потерпевшего по методу когнитивного интервью / В. В. Бриленкова, Г. А. Хань // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 7. – Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. – С. 25-27.
3. Панькина, И. Ю. Когнитивное интервью при допросе на предварительном расследовании / И. Ю. Панькина, Т. В. Трофимова // Допустимость показаний в уголовном процессе : Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 19 декабря 2020 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2021. – С. 64-68.
4. Кузнецов, В. Использование нейролингвистического программирования (НЛП) при

- допросе // Право и жизнь. – 2011. – № 152. – С. 134-140.
5. Веселков, К. В. Применение метода нейролингвистического программирования в допросе как форма выражения криминалистической логики / К. В. Веселков, С. В. Лысогорская // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2010. – № 5(6). – С. 38-43.
6. Рывкин, С. Ю. Особенности допроса с применением метода нейролингвистического программирования / С. Ю. Рывкин, Н. Ж. Елян // Социально-экономические и гуманитарные науки : сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 июня 2020 года. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2020. – С. 98-101.
7. Мазунин, Я. М. Организационные особенности производства допроса с использованием видеоконференц-связи / Я. М. Мазунин, К. С. Сидорова // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 24–25 мая 2019 года / Под редакцией Д.В. Бахтеева. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2019. – С. 98-102.
8. Иванова, М. И. Возможности современных телекоммуникационных технологий при производстве допроса / М. И. Иванова // Академическая публицистика. – 2022. – № 7-1. – С. 134-139.
9. Удовиченко, В. С. Научная организация труда дознавателя (следователя) органов внутренних дел : учебно-методическое пособие / В. С. Удовиченко. – Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2014. – 32 с.
10. Лебедев, З. С. Электронное уголовное дело как форма уголовного судопроизводства: способ реализации и перспективы внедрения // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2(5). – С. 37-41.
11. Шереметьев, И. И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания / И. И. Шереметьев // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 10(167). – С. 81-90.
12. Краснопевцева, Н. А. Распознавание и Преобразование речи / Н. А. Краснопевцева, С. А. Мальцев, С. Н. Стычев // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 32. – С. 1172-1176.
13. Еременко, Т. А. Современные подходы к автоматическому распознаванию речи // Электронные системы и технологии : Сборник материалов 58-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР, Минск, 18–22 апреля 2022 года. – Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2022. – С. 230-232.
14. Мишустин, В. А. Метод синхронизации аудио-и текстовой информации с применением технологии распознавания речи / В. А. Мишустин, С. В. Иваница // Информатика и кибернетика. – 2022. – № 1(27). – С. 25-30.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема внедрения транскрибации в практику допроса на стадии предварительного расследования преступлений. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, дескриптивный, герменевтический, исторический, формально-юридический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обоснована им достаточно подробно: "Современная практика расследования преступлений свидетельствует о тенденции увеличения объема составляемых протоколов допроса. Такое положение объясняется усложнением расследуемых преступлений, повышением требований соблюдения формальных положений уголовно-процессуального закона. Значительное влияние на складывающуюся практику оказывают современные компьютерные технологии, которые позволяют использовать электронные шаблоны протоколов допроса. Привлекает простота исправления текста и его копирования, возможность распечатки готовых протоколов на принтерах, сканирование и преобразование текста в цифровую форму. Однако процедура фиксации показаний допрашиваемых лиц сохраняет остроту именно с позиции трудоемкости составления протокола допроса. Время, затрачиваемое на составление многостраничных протоколов допроса, отрицательно сказывается на тактике общения следователя с допрашиваемыми лицами. Ученые криминалисты и практики давно обратили внимание на необходимость упрощения и ускорения фиксации показаний допрашиваемого лица. Эта проблема отчасти решается на уровне совершенствования тактики допроса, внедрения в практику расследования научной организации труда следователя. В рамках НОТ рассматриваются вопросы повышения производительности труда, создания автоматизированного рабочего места дознавателя и следователя, однако обходят стороной проблему внедрения современных технологий в практику составления протоколов [9, с.32]".

Научная новизна работы проявляется в ряде предложений автора, имеющих непосредственное практическое значение: "На наш взгляд, при существующих подходах, использование компьютеров в качестве пишущей машинки, пусть даже более совершенной, требует значительных затрат и усилий по составлению протокола допроса. Выход из создавшегося положения видится во внедрении в практику составления протоколов допроса современных компьютерных технологий и искусственного интеллекта, позволяющих преобразовывать устную речь в текст. Речь идет об автоматическом распознавании речи и преобразовании речевого сигнала в цифровую информацию (транскрибации устной речи)"; "Автор в порядке эксперимента, не имея опыта, используя бесплатный аудиоконвертер и редактор онлайн, в течение нескольких минут преобразовал видеофайл в текст, который почти не требовал дополнительной редакции и текстовой обработки. Вышеизложенное убеждает, что технически транскрибация может успешно использоваться для фиксации показаний допрашиваемых лиц. Современный следователь легко овладеет навыками транскрибации. Установка приложений, дополнительного оборудования (микрофона, диктофона, видеомagneфона) не потребует серьезных финансовых вложений"; "Анализируя положения УПК РФ, можно утверждать, что закон позволяет использовать транскрибацию в комплексе с созданием аудиовидеозаписи как дополнительного средства фиксации. Транскрибация устной речи в режиме только микрофона допускается как техническое средство, позволяющее быстро и экономично оформить протокол допроса. Очевидно, что следователь должен критически оценивать содержание показаний, редактировать текст, поскольку речь допрашиваемого лица не

всегда адекватно передает истинный смысл показаний. Для коррекции устной речи должны служить уточняющие, дополнительные и контрольные вопросы. Кроме того, при транскрибации устной речи возможны программные неточности преобразования слов и предложений, которые потребуют исправления. Редактирование готового текста не потребует значительного времени по сравнению с традиционным написанием протокола допроса, особенно в случаях составления многостраничного документа". Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан ученым в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый, анализируя современную практику допроса на стадии предварительного расследования преступлений, выявляет ряд проблем, связанных с большими временными затратами при оформлении соответствующих протоколов допроса, затруднительным применением некоторых тактических приемов при проведении допроса и др., и предлагает наиболее оптимальный путь их решения через внедрение так называемой транскрибации, которая успешно применяется в ряде сфер жизнедеятельности. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 14 источниками (диссертационной работой, научными статьями, учебно-методическим пособием). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (З. С. Лебедев, И. И. Шереметьев и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В этой связи перед криминалистикой стоит задача по дальнейшему внедрению информационных технологий и искусственного интеллекта в практику расследования. Транскрибация, как современный способ преобразования устной речи в текст, будет способствовать полноте и объективности фиксируемых показаний, ускорению процесса составления протокола, более эффективному применению тактических приемов допроса. Использование транскрибации потребует соответствующей коррекции криминалистической тактики. В учебные программы по криминалистической тактике допроса следует включить практические занятия по использованию программных продуктов преобразования устной речи в текст. В значительной мере их внедрение в процедуру допроса зависит от практических сотрудников, их ориентирование на повышение эффективности расследования преступлений"), обладают свойствами достоверности и обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

В работе встречаются опечатки ("Процесс транскрибации предполагает восприятие аудиоконтента и его последующее преобразование в текст, при этом обеспечивает высокую дословность устной речи" - "транскрибации"; "Они имеют сравнительно простой интерфейс, обеспечивают высокий уровень дословности транскрибации [13, с. 230-232], [14, с. 25-30] и др."; "Современный следователь легко овладеет навыками транскрибации" - то же самое и др. Автор пишет: "В практической деятельности следователи используют различные подходы порядка и последовательности допроса и составления протокола" - "... подходы к порядку и последовательности проведения

допроса и составления протокола".

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, уголовного процесса и криминалистики при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении опечаток.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Чорновол Е.П. — Конкурентно-правовой институт преференции: понятие, состав и система // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.69056 EDN: QNDBVL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69056

Конкурентно-правовой институт преференции: понятие, состав и система

Чорновол Евгений Петрович

кандидат юридических наук

доцент, кафедра гражданского права и процесса, Уральский институт управления (филиал),
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации; Почетный работник высшего профессионального образования России

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, оф. 49

✉ echornovol@mail.ru

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.69056

EDN:

QNDBVL

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2023

Дата публикации:

27-11-2023

Аннотация: В статье формулируется понятие, конституционно-правовая основа, состав и система правового института преференций российского конкурентного права. Актуальность исследования определена тем, что к настоящему времени данное правовое образование не только не получило изучения в отечественной юриспруденции, но и вообще не позиционируется в доктрине конкурентного права. Более того, отдельные ученые-юристы считают его чуждым конкурентному праву. Цель исследования состоит в обосновании функционирования в системе конкурентного права отдельного правового института преференций, политико-правовую основу которого составляют конституционно-правовые положения, определяющие начала рыночной экономики страны и решения социально значимых задач российского общества посредством

использования механизма преференций, включающего в себя два уровня правовых форм на отраслевом уровне нормы международных актов и договоров России, нормативных правовых актов Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований процессуального и материально порядка, дифференцирующихся на общие и специальные предписания, формирующих его общую и особенную части. В процессе исследования феномена правового института преференций применялся диалектический метод познания в рамках материалистического подхода в сочетании с частнонаучными методами познания социальных и правовых явлений: анализ и синтез, наблюдения и сравнения, системный и рамочный метод, прогнозирования, планирования и моделирования. Вследствие проведенного исследования представлены основы теории конкурентно-правового института преференций, а также опровергнуты бытующие в среде ученых-юристов позиции отрицания связи преференций с регулированием и защитой конкуренции и трактовки соответствующих положений исключительно в ракурсе антиконкурентного регулирования деятельности органов публично-правовых образований. Положения и выводы исследования могут быть использованы в правотворческой и правоприменительной практике соответствующих правоположений, а также учебном процессе подготовки юристов. Новизна заключается в предметном анализе нормативно-правовой основы селективного предоставления органами власти публично-правовых образований с предварительного согласия антимонопольного органа страны хозяйствующим субъектам преференций как отдельного института особенной части конкурентного права. Функционирование конкурентно-правового института преференций основывается на правовых принципах, предопределяющих его метод, задачи и функции.

Ключевые слова:

преференции, хозяйствующие субъекты, отношения конкуренции, предмет конкурентного права, правовой институт преференции, конституционно-правовая основа преференции, международные правовые акты, национальные нормы права, система правового института, субинституты правового института

Грант Российского гуманитарного научного фонда (проект N 09-03-00289a)

Система норм права, определяющих правовые формы предоставления с предварительного согласия антимонопольного органа, если иное не установлено законом, органами государственной власти России, субъектов РФ, а также муниципальных образований, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями (далее – органы власти публично-правовых образований) отдельным хозяйствующим субъектам государственных или муниципальных преференций путем передачи имущества, иных объектов гражданских прав либо имущественных льгот в целях осуществления ими предпринимательской или приносящей доход деятельности на более выгодных условиях и обеспечивающих при их использовании хозяйствующими субъектами разрешение социально значимых проблем российского общества, традиционно как в учебной (Пузыревский С.А. Конкурентное право: учебно-метод. комплекс для студентов очной, очно-заочной, заочной форм обучения на 2013–2014, 2014–2015 учеб. гг. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013; Писенко К.А., Бадмаев Б.Г., Казарян К.В. Антимонопольное (конкурентное) право: Учебник. Подготовлен для системы «Консультант Плюс». 2014 / СПС «Консультант Плюс», 2023 (Авторы главы - К.А. Писенко, Б.Г. Бадмаев); Конкурентное право России: учебник

/ Отв. ред. И. Ю. Артемьев, А. Г. Сушкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., перераб. и доп»: Высшая школа экономики. М., 2014. С.151 (Автор главы - Е.В. Середина); Конкурентное право: учебник / Под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. Научн. ред. И.Ю. Артемьев. М.: Юстицинформ, 2018. с. 197 (Автор параграфа - А.П. Тенишев); Егорова М.А., Петров Д.А. Конкурентное право России: учебное пособие. М.: "Проспект", 2019. с. 77), так и в научной [\[1, с. 31-39; 2, с. 194-202; 3, с. 62-71; 4, с. 212-219; 5, с. 179\]](#) литературе, в том числе в диссертационных исследованиях (Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования: автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. Специальность 12.00.14. М., 2014; Плеханов Д.А. Защита конкуренции от антиконкурентных актов, действий и соглашений органов государственной власти и местного самоуправления (правовой аспект): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Специальность 12.00.07. М., 2019) освещается в ракурсе антимонопольного регулирования деятельности органов публично-правовых образований или анализа блока обязывающих норм [\[6, с. 46-52\]](#) Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434; 2023. № 29. Ст. 5319) (далее – Закон о защите конкуренции) либо правоположений государственного антимонопольного контроля [\[7, с. 23\]](#). Как утверждают судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа, нормы главы 5 Закона о защите конкуренции «на практике применяются антимонопольным органом преимущественно в совокупности с положениями статей 15 и 16 Закона «О защите конкуренции, регулирующие запрет на ограничивающие конкуренцию акты и действия органов власти, а также главы 4 названного закона, устанавливающей антимонопольные требования к торгам и особенности заключения договоров отношении государственного и муниципального имущества» [\[8, с. 25-30\]](#). Аналогичным образом этот вопрос разрешается также учеными стран СНГ, например, Украины (Валитов С.С. Конкурентное право Украины. Учебное пособие. К.: Юринком Интер, 2006. С. 120], Молдовы [\[9, с. 86\]](#), Казахстана (Конкурентное право Республики Казахстан. Учебное пособие. Астана, 2015. С. 211 (Авторы раздела К.Д. Холтурсунов и Н.В. Радостовцев))

Вместе с тем некоторые исследователи, в частности Д.А. Петров, ограничиваются лишь общими замечаниями относительно характеристики указанных предписаний, относя их к мерам, направленным на предупреждение антиконкурентного поведения [\[10, с. 43\]](#). Другие ученые вообще не обращают на них внимания, например, бывший сотрудник ФАС России А. Ульянов в работе, посвященной анализу эффективности антимонопольного регулирования [\[11\]](#), действующие сотрудники ФАС России - авторы монографии об антимонопольном регулировании в цифровую эпоху [\[12\]](#), а также разработчики программы курса «Политика поддержки конкуренции» по направлению 040200.68 «Социология» в рамках магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» ГУ-ВШЭ С.Б. Авдашева, Е.Н. Калмычков, Р.А. Мартусевич (Авдашева С.Б., Калмычкова Е.Н., Мартусевич Р.А. Политика поддержки конкуренции 2008/2009 // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. Май. С. 104-124) и Рабочей программы дисциплины «Антимонопольное право» по направлению подготовки/специальности: 40.03.01 «Юриспруденция» ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» д.ю.н., доцент К.А. Писенко (URL: https://www.rudn.ru/sveden/files/Progr_Antimonopolynoe_pravo_YUYURbd00r_2022.pdf).

В то же время отдельные ученые утверждают, что предоставление преференций (государственной и муниципальной помощи) не входит в предмет регулирования конкурентного права. К примеру, А.Н. Варламова, анализируя указанные в ч. 1 ст. 19

Закона о защите конкуренции цели предоставления преференций, отмечает, что их предоставление на развитие «культуры, социальная поддержка безработных граждан и др. не имеет отношения к развитию конкуренции» (Варламова А.Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Специальность 12.00.03. М., 2008. С. 12), либо они не всегда оказывают влияния на ее эволюцию [\[13, с. 36-41\]](#). Еще более радикальную позицию на этот счет занимает М.А. Егорова. Так, характеризуя конкурентные отношения она пишет: «Здесь особо следует остановиться на отношениях по предоставлению государственных и муниципальных преференций. Несмотря на то что эти отношения урегулированы Законом о защите конкуренции, полагаем, что они не входят в предмет регулирования конкурентного права как отрасли права. В рамках этих отношений не защищается конкуренция, а обеспечивается лишь определенный порядок предоставления таких преференций, соблюдение которого не связано с обеспечением конкуренции в ходе предоставления преференций. Полагаем, что особенности этих отношений позволяют их отнести скорее к административному праву» (Конкурентное право: учебник / Под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. Научн. ред. И.Ю. Артемьев. М.: Юстицинформ, 2018. С. 11).

Предоставление преференций априори подразумевает их влияние на состояние конкуренции, на что обращалось внимание в предыдущих публикациях [\[14, с. 188\]](#). Аналогичного мнения на этот счет придерживается большинство ученых. Как верно отмечает И.В. Башлаков-Николаев, «В сферу применения Закона о защите конкуренции включены также общественные отношения, связанные с предоставлением органами власти преимуществ коммерческим и некоммерческим организациям посредством института государственных и муниципальных преференций. Преференции оказывают влияние на конкурентные отношения, могут приводить к устранению или недопущению конкуренции и должны предоставляться только с учетом такого влияния, целей предоставления преференций и с соблюдением установленных процедур» (Конкурентное право России: учебник / отв. ред. И. Ю. Артемьев, С. А. Пузыревский, А. Г. Сушкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., перераб. и доп.: Высшая школа экономики. М., 2014. С. 38). По мнению И.В. Князевой, избирательное предоставление органами власти льгот и преимуществ отдельным хозяйствующим субъектам является одной из основных угроз конкуренции (Князева И.В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Национальная экономика». Изд. 2-е, перераб. М.: Омега-Л. 2007. С. 188). Д.А. Плеханов также указывает на то, что «любая государственная (муниципальная) преференция представляет собой способ вмешательства в рыночные отношения. Такое вмешательство не может не отразиться на состоянии конкуренции» [\[15, с. 105\]](#). О наличии угрозы ограничения конкуренции даже в случае получения согласия антимонопольного органа на предоставление преференции говорит И. П. Бочинин [\[16, с. 86\]](#). Отдельные авторы, в частности, К.С. Коровина [\[17, с. 27\]](#) и В.А. Шипунов [\[18, с. 10\]](#), в качестве одного из признаков преференции указывает на ее «влияние на условия конкуренции».

Между тем, ни А.Н. Варламова, ни М.А. Егорова и другие ученые-юристы, разделяющие их мнение, не учитывают того, что отношения, являющиеся предметом регулирования правового образования о преференциях, выступают в качестве отдельного вида социальных связей по защите и развитию конкуренции в целом как предмета конкурентного права. Подобный вывод следует из функций норм о преференциях, которые направлены на поддержание и развитие конкуренции путем контроля антимонопольным органом за селективным предоставлением публично-правовыми

образованиями преференций и использованием их хозяйствующими субъектами, в том числе получающими доход от своей деятельности, в частности, в области защиты окружающей среды, культуры, спорта, науки и т.п., по легальному назначению. Ведь согласие антимонопольного органа на предоставление преференции, может иметь место лишь тогда, когда она предоставляется в целях, указанных в ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции, и ее предоставление не приводит к устранению или недопущению конкуренции в сфере гражданского оборота вообще и в области предпринимательства в частности (п.1 ч. 3 ст. 20 Закона о защите конкуренции). При этом, поскольку предметом регулирования в этой ситуации выступают отношения по обеспечению правопорядка, призванного гарантировать нормальное протекание процессов обмена ценностями и процессов управления в обществе между публично-правыми образованиями, хозяйствующими субъектами и антимонопольным органом, постольку правовой режим преференций не ограничивается антимонопольными запретами в отношении органов публично-правовых образований, предоставляющих преференции, а включает в себя все методы (централизованный и децентрализованный), способы (управомочивания, обязывания, запреты и принуждения) и типы (дозволительный и разрешительный) правового воздействия в различном их сочетании на рассматриваемые отношения, проявляющиеся в регулятивных статических либо динамических и охранительных функциях соответствующих установлений. В связи с этим доктринальное обоснование функционирования в системе конкурентного права отдельного правового образования о преференция имеет не только теоретическое, но и важное практическое значения как в ракурсе поддержания и развития конкуренции на товарных рынках страны, так и обеспечения правоприменительной практики, в том числе связанной с возможностью применения к соответствующим отношениям того или иного типа правового регулирования, общих принципов и приемов, свойственных конкурентному праву.

Отнесение норм права о преференции к другим институтам конкурентного права либо отрицания их связи с конкурентным правом не только нивелирует значимость их предписаний, но и порождает правовой нигилизм к преференции как правовому механизму публично-частного партнерства разрешения социально значимых задач в отдельных сферах жизнедеятельности российского общества. Неоспоримым фактом является то обстоятельство, что к настоящему времени в отечественном конкурентном праве сформировался обширный массив правовых норм о преференциях.

Его политико-правовую основу и, соответственно, регулирования отношений по избирательному предоставлению хозяйствующим субъектам государственных и муниципальных преференций составляют предписания ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34, ст. 74, ст. 75.1 Конституции России, закрепляющие принципы рыночной экономики, свободу предпринимательства, иной экономической деятельности, защиту конкуренции и обеспечивающие создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантии защиты достоинства граждан и уважения человека труда, обеспечения сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности в российском обществе. Согласно этим конституционным нормам селективное предоставление хозяйствующим субъектам преференций допускается, если это не приводит **к устранению или недопущению конкуренции** (подп. 1 ч. 3 ст. 20 Закона о защите конкуренции) **и способствует решению социально значимых задач развития российского общества** в отдельных сферах его жизнедеятельности (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ) [\[19, с. 5-15\]](#).

Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы страны являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России, в том числе содержащие нормы о преференциях (государственной помощи). При этом если международным договором России установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Законом о защите конкуренции, применяются правила международного договора России (ч. 3 ст. 2 Закона о защите конкуренции, п. 2-6, 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12).

Для регулирования отношений по предоставлению органами публично-правовых образований преференций хозяйствующим субъектам исключительно важное значение имеют положения таких международных актов, как ст. 10 bis Парижской конвенцией по охране промышленной собственности от 20.03.1883 (URL: www.rupto.ru) (ред. от 02.10.1979), части I Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации от 15.04.1994 (СПС «КонсультантПлюс», 2023), Раздела VI (ст. 53-55) Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (заключено на о. Корфу 24.06.1994) (URL: www.pravo.gov.ru), подп. 2 п. 2 ст. 75 Договора о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 в ред. от 05.08.2021) (URL: www.pravo.gov.ru).

На отраслевом уровне правовой регламентации указанных социальных связей действуют нормы многочисленных федеральных, в том числе кодифицированных, законов, в частности, ст. 1, 10 и нормы ч. 2, 3, 4 ГК РФ ГК РФ, непосредственно регламентирующие гражданский оборот. Как отмечает Н.И. Клейн, отрасль антимонопольного законодательства основывается на нормах ГК РФ, «В частности, это, составляющие основанные начала гражданского законодательства нормы ст. 1 ГК РФ... Важное значение для антимонопольного законодательства имеет ст. 10 ГК РФ... Часть 4 ГК РФ, регламентирующая права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также ст. 1033 ГК РФ и ряд других норм неразрывно связаны с нормами антимонопольного законодательства о запрете недобросовестной конкуренции и о запрете антиконкурентных соглашений» (Конкурентное право России: учебник / Отв. ред. И. Ю. Артемьев, А. Г. Сушкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., перераб. и доп.: Высшая школа экономики. М., 20143, С. 52). Нормы о предоставлении преференции в форме государственной или муниципальной гарантии представлены в ст. 6-9, ст. 93.2, 115, 151.1-1, 151.2, 116, 117, 266.1 БК РФ.

К числу иных законов, содержащих нормы права о государственных и муниципальных преференциях, относятся федеральные законы: от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (п. 5, 7, 15, 20 ст. 4, п. 7 ч. 1 ст. 15, ст.19-21); от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006; 2019. № 29 (ч. 1). Ст. 3852) (регулирующий порядок оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства (ст. 16); от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ.2002. № 26. Ст. 2519; 2019. № 29 (ч. 1). Ст. 3853) (предусматривающий возможность предоставления льгот юридическим лицам, вложившим свои средства в работы по сохранению объектов культурного наследия – ст. 14); от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского

хозяйства» (Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 27; 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 5073) (закрепляющий основные направления государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства – ст. 7); от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145; 2019 (ч. 5). № 49. Ст. 6966) (предусматривающий поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления – ст. 31.1) и другие, в соответствии с которыми определяются получатели преференции, органы публично-правовых образований, предоставляющие преференции, цели предоставления преференций либо исключается предоставление имущества и (или) иных объектов гражданских прав хозяйствующим субъектам.

Нормы о поддержке хозяйствующих субъектов, развития малого и среднего предпринимательства, в том числе посредством предоставления преференций, представлены также в Указах Президента РФ, например, от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (ч. 1). Ст. 8111), от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817), а так же в постановлениях и распоряжениях Правительства РФ, если их принятие предусмотрено антимонопольным законодательством. К числу таковых относятся, например, Постановления Правительства РФ от 04.10.2012 № 1005 «Об утверждении Положения об установлении льготной арендной платы и ее размеров юридическим и физическим лицам, владеющим на праве аренды находящимися в федеральной собственности объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, вложившим свои средства в работы по их сохранению и обеспечившим выполнение этих работ» (Собрание законодательства РФ 2012. № 41. Ст. 5627; 2020. № 2 (ч. 2). Ст. 190) и распоряжение Правительства РФ от 02.09.2021 № 2424-р «О Национальном плане развития конкуренции в Российской Федерации на 2021-2025 годы» (URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109080001>)

Отдельные предписания о преференциях содержатся в нормативных правовых актах федерального антимонопольного органа страны (ФАС России), которые согласно п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 28.03.2020) (Собрание законодательства РФ. 1997. № 33. Ст. 3895) могут издаваться в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. К ним, в частности, относятся нормы Положения о территориальном органе Федеральной антимонопольной службы (п. 6.2), утвержденного Приказом ФАС России от 23.07.2015 № 649/15 (СПС «КонсультантПлюс», 2023), Письма от 11.04.2017 № АД/24002/17 «О направлении разъяснений о предоставлении государственных или муниципальных преференций в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» (URL: fas.gov.ru) и др.

Установления о государственных и муниципальных преференциях получили закрепление также в законах и иных правовых актах субъектов России, например, в ст. 5 Областного закона Ленинградской области от 29.06.2012 № 52-ОЗ (ред. от 12.05.2015) «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ленинградской области» (Вестник Правительства Ленинградской области. 2012. № 68 // СПС «КонсультантПлюс», 2020), главе 4 Закона г. Москвы от 26.11.2008 № 60 (ред. от 23.04.2014) «О поддержке и развитии малого и среднего предпринимательства в городе Москве» (Ведомости Московской городской Думы. 2009. № 2. Ст. 273; 2014. № 6. Ст. 117

// URL: <http://www.duma.mos.ru>), а также в нормативных правовых актах муниципальных образований, к примеру, в Положении о порядке сдачи в аренду имущества, находящегося в собственности муниципального образования городского округа Химки Московской области, утвержденного Решением Совета депутатов городского округа Химки МО от 14.09.2011 № 73/10 (ред. от 08.07.2015) (Химкинские новости. 2011. 21 сентября. № 37), Порядке предоставления муниципальных преференций в городском поселении Луховицы Луховицкого муниципального района Московской области, утвержденном Решением Совета депутатов муниципального образования городского поселения Луховицы Луховицкого муниципального района Московской области от 07.07.2015 № 105 (Луховицкие вести. 2015. 25 сентября. № 72) и аналогичных правовых актах других муниципальных образований.

Порядок предоставления и использования преференций определяется отдельными Административными регламентами ФАС России, а именно: от 16.12.2009 № 841 (с изменениями от 20.06.2013 № 414/13) по исполнению государственной функции по рассмотрению заявлений о даче согласия на предоставление государственной или муниципальной преференции (URL: fas.gov.ru); от 25.05.2012 № 340 по исполнению государственной функции по проведению проверок соблюдения требований антимонопольного законодательства Российской Федерации (www.pravo.gov.ru, 25 июля 2017 год); от 25.05.2012 № 339 по исполнению государственной функции по возбуждению и рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации (Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 8), а также регламентами субъектов РФ, например, Административным регламентом предоставления государственной услуги по предоставлению государственных преференций путем передачи имущества области, утвержденный Приказом Департамента имущественных отношений Вологодской области от 16.12.2011 № 209 (в ред. от 13.08.2019 № 52-н) (URL: dio.gov35.ru), и муниципальных образований, например, Административным регламентом предоставления муниципальной услуги «Предоставление муниципальной преференции», утвержденный постановлением Администрации города Екатеринбурга Свердловской области от 09.09.2022 № 2705 (Екатеринбург.рф). Однако они не содержат положений в собственном правовом смысле: в них нет «результата», а лишь определяется процедура (процедуры) создания «конечного административного продукта», что является главной задачей любого административного органа. Ведь согласно п. 30 Порядка разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг (Собрание законодательства РФ. 2005. № 47. Ст. 4933) административные процедуры - это «логически обособленные последовательности административных действий при исполнении государственной функции (предоставлении государственной услуги)». Каждый административный регламент, в том числе вышеназванные, содержит раздел «Административные процедуры», где определяются основания, стадии, формы, сроки и последовательность совершения административных действий, охватываемых понятием «административная процедура». Следовательно, содержащиеся в регламентах административные предписания регулируют общественные отношения, правовая регламентация которых обусловлена нормативными правовыми актами о правовом статусе и компетенции органов исполнительной власти, но которая ими непосредственно не регулируется. Регламенты регулируют отношения, возникающие в процессе практической правореализационной деятельности органов исполнительной власти, в том числе ФАС России и других органов власти публично-правовых образований в рассматриваемой сфере общественных отношений. Усиление законодательного регулирования административных процедур взамен их регулирования в подзаконных актах предоставляет всем участникам общественных отношений защиты

конкуренции, в том числе в сфере предоставления отдельным хозяйствующим субъектам преференций, возможность получить гарантии устойчивой деятельности в соответствии с их правами и законными интересами [\[20, с. 6-41\]](#).

Разъяснения о реализации правоположений о преференциях представлены документах ФАС России, в частности, в письмах, например, от 05.07. 2013 № АК/26062/13 «О направлении Методических рекомендаций по антимонопольному контролю за предоставлением государственных или муниципальных преференций» ([URL: fas.gov.ru](http://fas.gov.ru)); от 23.12.2013по вопросу возможности предоставления государственной или муниципальной преференции хозяйствующим субъектам, а именно аптечным организациям, в соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции; от 23.12.2013 о предоставлении преференции в виде налоговых льгот;от24.12.2013о порядке предоставления государственной преференции в виде права заключения договора на размещение нестационарных торговых объектов в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, установленных п. 13 ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции; от 24.12.2013по применению п. 3 ч. 3 ст. 19 Закона о защите конкуренции при предоставлении государственных или муниципальных преференций в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства; от 25.12.2013разъяснение антимонопольного законодательства при определении соответствия предоставления государственной или муниципальной преференции конкретной цели;от 25.12.2013о правомерности передачи прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения, (котельных, водонапорных скважин, водонапорных башен и др.), находящимися в государственной и (или) муниципальной собственности, путем предоставления государственной или муниципальной преференции, то есть без проведения соответствующих процедур торгов;от 29.09.2022 № 6 об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за предоставлением государственных или муниципальных преференций ([URL: fas.gov.ru](http://fas.gov.ru)), а также в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (до 2014 г.)от 30.06.2008 № 30 (с измен. и доп. 04.03.2021) «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» (Вестнике ВАС РФ. 2008. № 8; Бюллетень ВС РФ. 2921. № 5); от 25.11.2021 № 1307/21 (ред. от 20.06.2022) «Об утверждении Плана ФАС России по реализации Национального плана ("дорожной карты") развития конкуренции в Российской Федерации на 2021-2025 годы, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.09.2021 № 2424-р» ([URL: fas.gov.ru](http://fas.gov.ru)), от 18.03.2020 № 289/20 (ред. от 22.03.2022) «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (I этап - 2020-2024 годы)» ([URL: fas.gov.ru](http://fas.gov.ru)) и Пленума Верховного суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» ([URL: http://www.vsrfr.ru](http://www.vsrfr.ru)), обзорах и обобщениях правоприменительной и судебной практики этих органов. Не обладая юридической силой, они тем не менее имеют существенное значение для уяснения социальной и правовой природы отношений по предоставлению государственных и муниципальных преференций хозяйствующим субъектам, разрешению возникающих в связи с этим споров и выработке рекомендаций по их дальнейшему развитию и совершенствованию правового регулирования.

Итак, правовое регулирование согласования органами публично-правовых образований с ФАС России (ее подразделениями) представления и контроля реального согласно легально определенным целям использования хозяйствующим субъектам государственных и муниципальных преференций осуществляется на двух уровнях:

конституционном и конкурентно-правовом, сообразно чему на каждом из них формируются соответствующие правовые формы – нормативно-правовые, правосубъектные и индивидуальные [\[21, с. 5-22\]](#). Данный массив норм не получил осмысления в юриспруденции. Справедливости ради, следует отметить, что отдельные ученые-юристы при обращении к исследованию правового регулирования отношений преференций используются термины «институт государственных и муниципальных преференций» (Конкурентное право России: учебник / отв. ред. И.Ю. Артемьев, С.А. Пузыревский, А.Г. Сушкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., перераб. и доп»: Высшая школа экономики. М., 2014. С. 38. Автор параграфа И.В. Башлаков-Николаев) или «институт преференций» [\[22, с. 127\]](#). Однако соответствующие рассуждения этих исследователей свидетельствуют, что эта категория истолковывается в смысле реляционного социального института [\[23, с. 169-171\]](#), т.к. какого-либо позиционирования ее в качестве правового явления не осуществляют. Представляется, что определение юридической природы обозначенного выше массива норм в качестве правового образования может быть представлено с позиции теории системно-структурного функционирования права.

Как известно, научной разработкой проблем системно-структурного функционирования права занимались специалисты различных отраслей правоведения, в том числе такие цивилисты, как Е.В. Васьковский (Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: «Статут», 2003. С. 59-63) и К.Д. Кавелин [\[24, с. 69\]](#) еще в конце XIX - начале XX вв. Это позволило сформулировать положения о праве как внутренне организованной совокупности предписаний, которой свойственно иерархическое строение, что, по мнению многих ученых, например, Д.А. Керимова [\[25, с. 270\]](#), С.С. Алексеева [\[26, с. 58\]](#), характеризует его как юридическую регулятивную систему. При этом одной из граней системы права является его структура, выражающая упорядоченность входящих в нее элементов, их расположение и внутреннюю организацию [\[27, с. 21\]](#). Традиционно дифференциация права на отрасли, объединяющие внутренне связанные между собой нормы [\[28, с. 46\]](#), проводится по предмету и методу правового регулирования. Российское право, относящееся к германской правовой семье, характеризуется внутренней расчлененностью на относительно автономные, устойчивые и в то же время связанные между собой части, которые выстраиваются по иерархической схеме: система права страны, отрасль, подотрасль, институт, субинститут, норма права (Теория права и государства. Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Спарк, 2001. С. 200-201). Исходя из анализа учения о правовом институте отечественных дореволюционных [\[29, с. 378-385\]](#), советских [\[30; 31; 32\]](#) и современных представителей общей теории права [\[33, с. 92; 34, с. 23\]](#) и отраслевых юридических наук [\[35, с. 82; 36, с. 102\]](#), представляется обоснованным очерченный выше массив правовых норм о преференциях позиционировать в качестве отдельного правового института конкурентного права.

В теории права признано, что правовым институтом является законодательно обособленная внутри отрасли права комплексная группа юридических норм, объединенных определенной общностью признаков, которые касаются регулируемых относительно самостоятельных или однородных по фактическому содержанию отношений в пределах предмета регулирования отрасли права (Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 140). По словам О.А. Красавчикова, существование того или иного правового института можно констатировать при наличии по меньшей мере двух следующих элементов: во-первых, должна существовать определенная система (подсистема) общественных отношений, образующих предмет правового регулирования,

во-вторых, необходимо наличие определенной совокупности норм, регулирующих указанные социальные связи [37, с. 111]. В ракурсе предмета конкурентно-правового регулирования – защиты отношений конкуренции, социальные связи о преференциях, выступают в качестве элемента последних, а следовательно предмета конкурентного права. Сообразно этому рассматриваемое образование отвечает критериям института права, среди которых принято выделять: однородность фактического содержания, юридическое единство норм и полноту регулирования отношений (Теория права и государства. Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Спарк, 2001. С. 200], относимых В.С. Якушевым к его признакам [32, с. 65].

Из анализа первого признака института, согласно которому он регулирует «отдельные виды однородных общественных отношений (специальные институты) или отдельные стороны всех отношений данного рода, независимо от их видовой принадлежности (общие институты)» [31, с. 56], следует, что социальные связи по согласованию предоставления и контролю использования преференций поглощаются отношениями по защите конкуренции. Поэтому по отношению друг к другу они не обладают признаком относительной самостоятельности. Напротив, они едины по своему содержанию, которое выражается в том, что как со стороны конкурентного права в целом, так и приведенных норм о преференциях обеспечивается защита конкуренции, ибо преференции не могут предоставляться вообще, если это может привести к устранению или недопущению конкуренции.

Обращаясь ко второму признаку института, согласно которому образующие его нормы обособляются в отдельной структурной части нормативного правового акта, следует отметить, что они получили выражение в главе пятой основополагающего, системообразующего правового акта конкурентного права - Законе о защите конкуренции.

Наконец, нормы о преференциях обеспечивают самостоятельное упорядочение отношений по согласованию органами власти публично-правовых образований с антимонопольным органом предоставления отдельным хозяйствующим субъектам имущественных прав при обеспечении защиты конкуренции в целом, контролю антимонопольным органом по их целевому использованию хозяйствующими субъектами, позволяющему решению тех или иных социально-значимых задач российского общества [38, с. 36-38], при условии, что их предоставление не приведет к устранению или недопущению конкуренции [39, с. 251]. По образному выражению С.С. Алексеева, это способствует тому, что «в пределах своего участка общественных отношений данного вида или рода» достигается относительно законченное регулирование [40, с. 119-120]. Поэтому его положения не могут включаться в институт антимонопольного регулирования деятельности органов публично-правовых образований или каких-либо других разделов конкурентного права, как допускают некоторые исследователи, ибо имеют более широкую и значимую сферу действия.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что правовое образование установлений о преференции без сомнения представляет собой сформировавшийся в системе конкурентного отдельный правовой институт, понятие которого можно сформулировать следующим образом. **Правовой институт государственных и муниципальных преференций - это система конкурентно-правовых норм, регулирующих отношения между публично-правовыми образованиями, представленными федеральными органами государственной власти, органами**

государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями (органами публичной власти), хозяйствующим субъектом и антимонопольным органом (его территориальными подразделениями) о согласовании предоставления хозяйствующему субъекту преференций путем передачи государственного или муниципального имущества, иных объектов гражданских прав либо имущественных льгот, государственных или муниципальных гарантий, используемых для предусмотренных законом целей разрешения социально-значимых задач общества, обеспечивающих ему более выгодные по сравнению с иными лицами условия деятельности, направленной на получение прибыли или дохода, а также по применению антимонопольным органом к органам власти и хозяйствующему субъекту мер воздействия при нарушении требований предоставления и/или использования указанных благ.

Поскольку институт преференций является частью конкурентного права, постольку все черты последнего характерны и для него. Вместе с тем данный институт является особым правовым образованием, а поэтому обладает рядом свойств, присущих только ему.

Сообразно этому, прежде всего, нельзя не обратить внимание на генерализацию в его состав предписаний ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34, ст. 74, ст. 75.1 Конституции РФ. Это обстоятельство имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку они выступают ядром правового образования преференций, и, оказывая систематизирующее воздействие на предмет его регулирования, предопределяют проявление генетических, субординационных, координационных и структурных связей в процессе их воздействия на предоставление и использования преференций (Невинская Е. В. Системообразующая функция конституции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.02. Екатеринбург, 2008. С. 16-17). Вместе с тем данные конституционные положения, обладая высшей юридической силой и прямым действием на всей территории России, выступают непосредственной нормативно-правовой формой предоставления отдельным хозяйствующим субъектам государственных и муниципальных преференций (п. 1 ст. 15 Конституции РФ). Сообразно этому суды и антимонопольный орган при рассмотрении дел данной категории должны оценивать содержание отраслевых предписаний на этот счет, исходя из конституционных норм, и в необходимых случаях применять нормы Конституции России в качестве установлений прямого действия, в частности, когда:

а) закрепленные нормой Конституции РФ положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения;

б) Конституционным Судом РФ выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции РФ нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда России, если они в нем указаны (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1).

Что же касается значения предписаний названных и иных международных правовых актов для регулирования преференциальных отношений, то следует отметить, что они

обладают высшей по сравнению с национальными конституционными, равно как и отраслевыми, установлениям юридической силой. Так как согласно ч. 6 ст. 125 Конституции РФ «Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, не подлежат применению в ином истолковании». К тому же международные акты на этот счет не содержат норм прямого действия, а, как правило, возлагают на государства-участников договоров обязанность включить соответствующие предписания в свое национальное право либо отсылают к праву государств-участников соответствующих соглашений. К примеру, в ч. 1 ст. 15 Модельного закона СНГ о защите конкуренции, принятого 28.11.2014 Постановлением 41-11 на 41-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ ([URL: www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)), равно как и в подп. 2 п. 2 ст. 75 Договора о Евразийском экономическом союзе, сказано, что предоставление государственной или муниципальной помощи (преференции) не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законодательством государств-членов данных соглашений и с учетом особенностей, предусмотренных этими договорами и (или) другими международными договорами государств-членов. Между тем основания и порядок предоставления государственной или муниципальной помощи (преференции) устанавливаются законодательством государства-члена указанных договоров (См.: п. 2 ст. 23 Модельного закона «О конкуренции», Утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 24.10.2013 № 50 ([URL: http://www.eurasiancommission.org](http://www.eurasiancommission.org))).

Анализ положений правового института преференций в целом свидетельствует о том, что он включает в себя неоднородные по юридической силе, содержанию и характеру узаконения.

В его состав, наряду с конституционными правоположениями и международно-правовыми установлениями, входят предписания как федеральных кодифицированных законов, к примеру, ГК РФ, БК РФ, унифицированного Закона о защите конкуренции, так и правовых актов муниципальных образований, например, Положение о порядке принятия решений о предоставлении муниципальных преференций в муниципальном образовании "город Екатеринбург", утвержденного решением Екатеринбургской городской Думы от 24.11.2009 № 60/13 (в редакции от 13.11.2012 № 48/65) ([URL: http://docs.cntd.ru/document/895243805](http://docs.cntd.ru/document/895243805)), Положение о порядке предоставления муниципальной преференции на территории Бутурлиновского муниципального района Воронежской области, утвержденного Постановлением администрации Бутурлиновского муниципального района Воронежской области от 26.06.2013 № 651 (Бутурлиновский муниципальный вестник. 2013. № 12).

Отдельные правоустановления института преференции являются материально-правовыми, например, ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34, ст. 74, ст. 75.1 Конституции РФ, ст. 10 ГК РФ, ст. 115, 151.1-1, 151.2, 116, 117 БК РФ, п. 5, 20 ст. 4 Закона о защите конкуренции, но большинство представляют собой процессуальные (процедурные), в частности, ст. 20, 21 Закона о защите конкуренции. Однако предметом его регулирования в целом являются процедурно-надзорные отношения, формирующиеся между публично-правовыми образованиями в лице их органов и должностных лиц и антимонопольным органом по поводу предварительного согласия последнего о предоставлении государственной или муниципальной преференции конкретному

хозяйствующему субъекту, а также возникающие между антимонопольным органом и субъектом предоставления и/или хозяйствующим субъектом по поводу соблюдения условий использования преференции (ст. 20, 21 Закона о защите конкуренции). Следует согласиться с мнением отдельных ученых о том, что в предмет регулирования указанного института не входят отношения между органами, имеющими намерение предоставить преференцию хозяйствующему субъекту, и хозяйствующими субъектами, претендующими на получение преференции. Такие условия регламентируются правовыми актами, издаваемыми в пределах установленной компетенции непосредственно теми органами, которые такие преференции предоставляют (Агешкина Н.А., Кайль А.Н., Серебренников М.М., Холкина М.Г. Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». - Специально для системы ГАРАНТ, 2018). Комментируя ст. 20 Закона о защите конкуренции, В. Н. Головин отмечает: «По сути же в данной статье регламентирована процедура получения предварительного согласия антимонопольного органа для предоставления государственной или муниципальной преференции» (Головин В.Н. Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2013). Действительно, обладая имущественным содержанием и взаимообязывающим характером, эти отношения регулируются нормами гражданского и финансового права. Но при этом необходимо иметь в виду то, что акты указанных органов власти, как правило, содержат правоположения как материально-правового порядка, в частности, относительно сущности, статуса субъектов, форм и целей преференции, так и процессуального порядка - о выражении намерения предоставления преференции хозяйствующему субъекту и согласовании этого вопроса с антимонопольным органом, например, Положение о порядке сдачи в аренду движимого и недвижимого имущества муниципального образования «Городской округ Черноголовка», утвержденное Решением Совета депутатов городского округа Черноголовка МО от 17.08.2010 № 35/226 (ред. от 25.10.2011) (Черноголовская газета. 2010. 2 сентября) или Порядок предоставления имущественной поддержки - муниципальной преференции по передаче в аренду муниципального имущества (нежилых помещений) субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим управление многоквартирными жилыми домами (далее - порядок), утвержденный Постановлением Мэрии г. Череповца Вологодской области от 25.06.2012 № 3463 (URL: <http://lawsrf.ru/region/documents/193294/>). Отсюда следует, что вышеопределенный правовой институт включает в себя также материальные нормы (дефиниции, принципы, функции) конкурентного права, в том числе содержащихся в правовых актах других отраслей права. Причем данные предписания предопределяют субъектный состав и условия гражданско-правовых и бюджетно-правовых связей по передаче органом публичной власти преференции конкретному хозяйствующему субъекту, о чем свидетельствует ст. 20 Закона о защите конкуренции. Более того, ст. 116, 117 БК РФ непосредственно формируют материально-правовые аспекты предоставления преференции хозяйствующим субъектам в форме государственной и муниципальной гарантии. Вместе с тем, реализуя свои контрольные полномочия, и антимонопольный орган неизбежно воздействует на отношение материального порядка, имеющее место между органом государственной или муниципальной власти и хозяйствующим субъектом, получившим преференцию, в плане корректировки сроков существования, содержания и прекращения, что следует из предписаний ст. 21 Закона о защите конкуренции.

По форме изложения в исследуемом правовом институте преобладают императивные нормы, в частности, Закона о защите конкуренции, и лишь отдельные из них являются диспозитивными, например, ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции, которая к тому же закрепляет дискреционные полномочия должностных лиц органов публично-правовых

образований в плане возможности предоставления преференции хозяйствующему субъекту.

Далее, одни из них являются узаконениями прямого действия, другие относятся к бланкетным предписаниям, например, ч. 3 ст. 19 Закона о защите конкуренции. Причем предписания главы 5 Закона о защите конкуренции довольно часто отсылают к положениям иных федеральных, в том числе поименованных, законов, нормативных правовых актов Президента РФ и Правительства РФ, а также определяют полномочия субъектов РФ и муниципальных образований по регулированию и предоставлению отдельным хозяйствующим субъектам преференций. Но при этом установления рассматриваемого закона о преференциях по отношению к аналогичным нормам, закрепленным в иных нормативно-правовых актах, не обладают приоритетом. Но можно ли это считать недостатком? Представляется, что нет, ибо это позволяет законодателю более оперативно принимать меры по решению тех или иных социально значимых задач посредством использования механизма преференций.

По своему функциональному назначению правоположения анализируемого института подразделяются на нормы - дефиниции (категорий, понятий, принципов, функций и т.п.); нормы, определяющие статус участников отношений по предоставлению преференций (хозяйствующие субъекты, органы и должностные лица публично-правовых образований, антимонопольный орган и др.); регулятивные и охранительные нормы (ст. 19 и 20 соответственно Закона о защите конкуренции).

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что положения данного правового образования не могут включаться в институт антимонопольного регулирования деятельности органов и должностных лиц публично-правовых образований или каких-либо иных институтов конкурентного права, как допускают некоторые исследователи, ибо имеют более широкую и значимую сферу действия и представляет собой отдельный правовой институт конкурентного права. Но его исследование не может ограничиваться исключительно доктриной конкурентного права. Поскольку данный институт непосредственно взаимодействует с предписаниями других отраслей права (государственного, финансового, административного и т.д.), постольку эффективность его действия должна определяться исходя из анализа соотношения его норм как с общими положениями конкурентного права, так и узаконениями других отраслей права.

В структурном отношении правовой институт преференций состоит из общей и особенной частей. Положения общей части имеют основополагающее значение для всего института и подлежат применению во всех случаях предоставления и использования преференций, если иное не предусмотрено специальными нормами. В ее состав входят конституционные нормы ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34, ст. 74, ст. 75.1 Конституции России, предписания названных и иных международных правовых актов, положения ст. 10 ГК РФ, п. 5, 20 ст. 4, ст. 19 Закона о защите преференций и отдельных федеральных законов, нормативных правовых актов Президента РФ и Правительства РФ, а также законов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, определяющие, в том числе дополнительные, цели и условия предоставления преференций хозяйствующим субъектам.

Особенная часть правового института преференций включает в себя нормы, которые непосредственно определяют субъектный состав и основания правовых связей, а также порядок предоставления государственных и муниципальных преференций и осуществления антимонопольным органом контроля за их использованием и применения им мер воздействия при нарушении органами публичной власти или хозяйствующими

субъектами антимонопольных требований предоставления и/или использования преференций. В ее состав входят нормы ст. 20 и 21 Закона о защите конкуренции, ст. 116, 117 БК РФ, подп. 5.2.9(3)-5.2.9(5) Положения о Федеральной антимонопольной службе и п. 6.2 Положения о территориальном органе Федеральной антимонопольной службы, закрепляющие полномочия антимонопольного органа и его территориальных подразделений в сфере согласования возможности предоставления преференций и применения санкций к лицам, нарушающих антимонопольные требования их предоставления и/или использования. В свою очередь, эти правовые положения подразделяются на два блока, каждый из которых во взаимосвязи с нормами общей части образуют самостоятельные субинституты правового института преференций: 1) предоставление хозяйствующим субъектам преференций; 2) применение мер воздействия к органам публичной власти и/или хозяйствующим субъектам при нарушении антимонопольных требований предоставления и/или использования преференций соответственно.

Функционирование конкурентно-правового института преференций основывается на правовых принципах, предопределяющих его метод, задачи и функции, которые заслуживают специального исследования.

Библиография

1. Баженова О.И. Осуществление антимонопольного контроля в отношении муниципальных образований: проблемы эффективности // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 31-2.
2. Алексенко И.В. Контроль за соблюдением органами государственной власти субъектов РФ антимонопольного законодательства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. С. 194-202.
3. Князева И.В. Антиккурентная деятельность органов власти: причины появления и практика правоприменения антимонопольными органами России // Развитие территорий. 2015. № 1. С. 62-71.
4. Плеханов Д. А. Защита конкуренции от органов государственной власти и местного самоуправления (на примере России, Республики Армения, Литовской Республики, Республики Беларусь) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 212-219.
5. Егорова М.А. Правовые режимы антиконкурентных действий: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 244 с.
6. Середина Е.В. Регулирование имущественных отношений публично-правовых образований антимонопольным законодательством // Имущественные отношения в РФ. 2014. № 1 (148). С. 46-52.
7. Самолысов П.В. Правовые основы антимонопольного контроля в Российской Федерации // Актуальные вопросы современного конкурентного права: Сборник научных трудов. Выпуск 3; отв. ред. д.ю.н. М.А. Егорова. М.: "Юстицинформ", 2019. С. 23-30.
8. Любченко И.С., Гулинский А.А. Предоставление государственных и муниципальных преференций – практика применения судами положений главы 5 Федерального закона «О защите конкуренции» // Арбитражные споры. 2014. № 1 (65). С. 25-30.
9. Теория и практика становления конкурентного законодательства (на материалах Республики Молдова) / А.Караганчу, В. Кэраре и др. М.:Юстицинформ, 2012. 264 с.
10. Петров Д.А. Антимонопольное законодательство: теория и практика применения. СПб.: Издательство, 2012. 160 с.

11. Ульянов А. Антимонопольное регулирование в России. М., 2018. 460 с.
12. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защитить конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / Под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова и Е.А. Войниканис. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 311 с.
13. Интервью с Аллой Николаевной Варламовой, доктором юридических наук, профессором кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Конкурентное право. 2012. № 2. С. 36-41.
14. Чорновол Е.П., Бородина И.Н. Транспарентность предоставления государственных и муниципальных преференций хозяйствующим субъектам // Эффективность публичной власти и правового регулирования: проблемы и решения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (1 декабря 2015 года г. Курган / отв. ред. Е. П. Чорновол. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та., 2016. С. 188-205.
15. Плеханов Д. А. О некоторых вопросах предоставления государственных и муниципальных преференций // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 103-107.
16. Бочинин И. П. Государственные и муниципальные преференции: влияние на конкуренцию // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 3 (27). С. 84-89.
17. Коровина К. С. Государственные или муниципальные преференции: понятие и проблемы предоставления // Конкурентное право. 2014. № 3. С. 27-31.
18. Шипунов В. А. Антимонопольное регулирование предоставления государственных и муниципальных преференций // Финансовый контроль. 2012. № 8 (СПС Гарант, 2023).
19. Хабриева Т.Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации // Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: Ежегодные научные чтения памяти С. Н. Братуся (Москва, 2 ноября 2016 г.). М., 2016. С. 5-15.
20. Ноздрачев А.Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 5-41.
21. Красавчиков О.А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: сб. учен. тр. Вып. 39. Свердловск. 1975. С. 5-22.
22. Туркина Ю.А. Актуальные проблемы предоставления государственных или муниципальных преференций // Молодой ученый. 2019. № 36 (274). С. 126-129.
23. Мальцева Д.В. Донати П. Реляционная теория общества: социальная жизнь с точки зрения критического реализма / Сост. Е.А. Кострова. М.: ПСТГУ, 2019. Рец. Д.В. Мальцева // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 2. С. 169-171.
24. Кавелин К.Д. Что есть гражданское право и где его пределы // Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 65-157.
25. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с.
26. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
27. Райхер В. К. О системе права // Правоведение. 1975. № 3. С. 56-63.
28. Брагинский М. И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право

- частное» // Проблемы современного гражданского права: Сб. статей. М.: Городец, 2000. С. 46-73.
29. Симолин А.А. Значение изучения отдельных элементов юридических институтов // Симолин А.А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М., 2005. С. 378-385.
30. Осипов Ю.К. Понятие институтов гражданского процессуального права // Правоведение. 1973. № 1. С. 54-60.
31. Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 61-67.
32. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 62-71.
33. Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. № 2. С. 91-96.
34. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 2. Том 1. С. 22-31.
35. Головизнин А.В. К вопросу о соотношении понятий «система права» и «система законодательства» // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 12. С. 81-84.
36. Беляева Г.С. Кузьменко В.И. Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 101-104.
37. Красавчиков О.А. Издательское право (постановка вопроса) // Проблемы современного авторского права. Свердловск, 1980. С. 107-116.
38. Чорновол Е.П. Цели предоставления хозяйствующим субъектам государственных и муниципальных преференций в контексте защиты конкуренции // Конкурентное право. 2016. № 4. С. 35-38.
39. Чорновол Е.П. Принцип свободы осуществления предпринимательства и обеспечение экономической безопасности России в ракурсе защиты конкуренции // Московский юридический форум онлайн – 2020: сборник тезисов докладов: в 4 ч. Ч. 1. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 246-251.
40. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, конкурентно-правовой институт преференции. Автор сосредоточил свое внимание на анализе его сущности, состава и системы. Заявленные границы исследования полностью соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что автором использовались всеобщий диалектический, логический, системно-структурный, функциональный, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной ученым темы исследования обоснована достаточно подробно: "Система норм права, определяющих правовые формы предоставления с предварительного согласия антимонопольного органа, если иное не установлено законом, органами государственной власти России, субъектов РФ, а также

муниципальных образований, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями (далее – органы власти публично-правовых образований) отдельным хозяйствующим субъектам государственных или муниципальных преференций путем передачи имущества, иных объектов гражданских прав либо имущественных льгот в целях осуществления ими предпринимательской или приносящей доход деятельности на более выгодных условиях и обеспечивающих при их использовании хозяйствующими субъектами разрешение социально значимых проблем российского общества, традиционно как в учебной (Пузыревский С.А. Конкурентное право: учебно-метод. комплекс для студентов очной, очно-заочной, заочной форм обучения на 2013–2014, 2014–2015 учеб. гг. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013; Писенко К.А., Бадмаев Б.Г., Казарян К.В. Антимонопольное (конкурентное) право: Учебник. Подготовлен для системы «Консультант Плюс». 2014 / СПС «Консультант Плюс», 2023 (Авторы главы - К.А. Писенко, Б.Г. Бадмаев); Конкурентное право России: учебник / Отв. ред. И. Ю. Артемьев, А. Г. Сушкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., перераб. и доп»: Высшая школа экономики. М., 2014. С.151 (Автор главы - Е.В. Середина); Конкурентное право: учебник / Под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. Научн. ред. И.Ю. Артемьев. М.: Юстицинформ, 2018. с. 197 (Автор параграфа - А.П. Тенишев); Егорова М.А., Петров Д.А. Конкурентное право России: учебное пособие. М.: "Проспект", 2019. с. 77), так и в научной [1, с. 31-39; 2, с. 194-202; 3, с. 62-71; 4, с. 212-219; 5, с. 179] литературе, в том числе в диссертационных исследованиях (Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования: автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. Специальность 12.00.14. М., 2014; Плеханов Д.А. Защита конкуренции от антиконкурентных актов, действий и соглашений органов государственной власти и местного самоуправления (правовой аспект): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Специальность 12.00.07. М., 2019) освещается в ракурсе антимонопольного регулирования деятельности органов публично-правовых образований или анализа блока обязывающих норм [6, с. 46-52] Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434; 2023. № 29. Ст. 5319) (далее – Закон о защите конкуренции) либо правоположений государственного антимонопольного контроля [7, с. 23]. Как утверждают судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа, нормы главы 5 Закона о защите конкуренции «на практике применяются антимонопольным органом преимущественно в совокупности с положениями статей 15 и 16 Закона «О защите конкуренции, регулирующие запрет на ограничивающие конкуренцию акты и действия органов власти, а также главы 4 названного закона, устанавливающей антимонопольные требования к торгам и особенности заключения договоров отношении государственного и муниципального имущества» [8, с. 25-30]. Аналогичным образом этот вопрос разрешается также учеными стран СНГ, например, Украины (Валитов С.С. Конкурентное право Украины. Учебное пособие. К.: Юринком Интер, 2006. С. 120), Молдовы [9, с. 86], Казахстана (Конкурентное право Республики Казахстан. Учебное пособие. Астана, 2015. С. 211 (Авторы раздела К.Д. Холтурсунов и Н.В. Радостовцев)). Вместе с тем некоторые исследователи, в частности Д.А. Петров, ограничиваются лишь общими замечаниями относительно характеристики указанных предписаний, относя их к мерам, направленным на предупреждение антиконкурентного поведения [10, с. 43]. Другие ученые вообще не обращают на них внимания, например, бывший сотрудник ФАС России А. Ульянов в работе, посвященной анализу эффективности антимонопольного регулирования [11], действующие сотрудники ФАС России - авторы монографии об антимонопольном регулировании в цифровую эпоху [12], а также разработчики программы курса «Политика поддержки конкуренции» по направлению 040200.68 «Социология» в рамках

магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» ГУ–ВШЭ С.Б. Авдашева, Е.Н. Калмычков, Р.А. Мартусевич (Авдашева С.Б., Калмычкова Е.Н. Мартусевич Р.А. Политика поддержки конкуренции 2008/2009 // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. Май. С. 104-124) и Рабочей программы дисциплины «Антимонопольное право» по направлению подготовки/специальности: 40.03.01 «Юриспруденция» ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» д.ю.н., доцент К.А. Писенко (URL:

https://www.rudn.ru/sveden/files/Progr_Antimonopolynoe_pravo_YUYURbd00r_2022.pdf). В то же время отдельные ученые утверждают, что предоставление преференций (государственной и муниципальной помощи) не входит в предмет регулирования конкурентного права".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора и предложенной им дефиниции понятия "правовой институт государственных и муниципальных преференций": "Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что правовое образование установлений о преференции без сомнения представляет собой сформировавшийся в системе конкурентного отдельный правовой институт, понятие которого можно сформулировать следующим образом. Правовой институт государственных и муниципальных преференций - это система конкурентно-правовых норм, регулирующих отношения между публично-правовыми образованиями, представленными федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями (органами публичной власти), хозяйствующим субъектом и антимонопольным органом (его территориальными подразделениями) о согласовании предоставления хозяйствующему субъекту преференций путем передачи государственного или муниципального имущества, иных объектов гражданских прав либо имущественных льгот, государственных или муниципальных гарантий, используемых для предусмотренных законом целей разрешения социально-значимых задач общества, обеспечивающих ему более выгодные по сравнению с иными лицами условия деятельности, направленной на получение прибыли или дохода, а также по применению антимонопольным органом к органам власти и хозяйствующему субъекту мер воздействия при нарушении требований предоставления и/или использования указанных благ"; "... положения данного правового образования не могут включаться в институт антимонопольного регулирования деятельности органов и должностных лиц публично-правовых образований или каких-либо иных институтов конкурентного права к, как допускают некоторые исследователи, ибо имеют более широкую и значимую сферу действия и представляет собой отдельный правовой институт конкурентного права. Но его исследование не может ограничиваться исключительно доктриной конкурентного права. Поскольку данный институт непосредственно взаимодействует с предписаниями других отраслей права (государственного, финансового, административного и т.д.), постольку эффективность его действия должна определяться исходя из анализа соотношения его норм как с общими положениями конкурентного права, так и узаконениями других отраслей права" и др. Статья выполнена на достаточно высоком академическом уровне. Таким образом, она вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части работы автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части статьи ученый на основании анализа массива нормативных правовых актов и теоретических работ выявляет правовую природу института преференции, подробно анализирует его состав и

систему. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает нареканий. Библиография исследования представлена 40 источниками (монографиями и научными статьями), не считая нормативного материала. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А.Н. Варламова, М. А. Егорова, Д. А. Плеханов и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что положения данного правового образования не могут включаться в институт антимонопольного регулирования деятельности органов и должностных лиц публично-правовых образований или каких-либо иных институтов конкурентного права, как допускают некоторые исследователи, ибо имеют более широкую и значимую сферу действия и представляет собой отдельный правовой институт конкурентного права. Но его исследование не может ограничиваться исключительно доктриной конкурентного права. Поскольку данный институт непосредственно взаимодействует с предписаниями других отраслей права (государственного, финансового, административного и т.д.), постольку эффективность его действия должна определяться исходя из анализа соотношения его норм как с общими положениями конкурентного права, так и узаконениями других отраслей права.

В структурном отношении правовой институт преференций состоит из общей и особенной частей. Положения общей части имеют основополагающее значение для всего института и подлежат применению во всех случаях предоставления и использования преференций, если иное не предусмотрено специальными нормами. В ее состав входят конституционные нормы ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34, ст. 74, ст. 75.1 Конституции России, предписания названных и иных международных правовых актов, положения ст. 10 ГК РФ, п. 5, 20 ст. 4, ст. 19 Закона о защите преференций и отдельных федеральных законов, нормативных правовых актов Президента РФ и Правительства РФ, а также законов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, определяющие, в том числе дополнительные, цели и условия предоставления преференций хозяйствующим субъектам. Особенная часть правового института преференций включает в себя нормы, которые непосредственно определяют субъектный состав и основания правовых связей, а также порядок предоставления государственных и муниципальных преференций и осуществления антимонопольным органом контроля за их использованием и применения им мер воздействия при нарушении органами публичной власти или хозяйствующими субъектами антимонопольных требований предоставления и/или использования преференций. В ее состав входят нормы ст. 20 и 21 Закона о защите конкуренции, ст. 116, 117 БК РФ, подп. 5.2.9(3)-5.2.9(5) Положения о Федеральной антимонопольной службе и п. 6.2 Положения о территориальном органе Федеральной антимонопольной службы, закрепляющие полномочия антимонопольного органа и его территориальных подразделений в сфере согласования возможности предоставления преференций и применения санкций к лицам, нарушающим антимонопольные требования их предоставления и/или использования. В свою очередь, эти правовые положения подразделяются на два блока, каждый из которых во взаимосвязи с нормами общей части образуют самостоятельные субинституты правового института преференций: 1) предоставление хозяйствующим субъектам преференций; 2)

применение мер воздействия к органам публичной власти и/или хозяйствующим субъектам при нарушении антимонопольных требований предоставления и/или использования преференций соответственно»), обладают свойствами достоверности и обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

В статье встречаются опечатки. Так, автор пишет: "Для регулирования отношений по предоставлению органами публично-правовых образований преференций хозяйствующим субъектам исключительно важное значение имеют положения таких международных актов, как ст. 10 bis Парижской конвенцией по охране промышленной собственности от 20.03.1883 ..." - "Парижской конвенции". Ученый отмечает: "Как отмечает Н.И. Клейн, отрасль антимонопольного законодательства основывается на нормах ГК РФ, «В частности, это, составляющие основанные начала гражданского законодательства нормы ст. 1 ГК РФ...» - "основные начала". Автор указывает: "Отдельные предписания о преференциях содержатся в нормативных правовых актах федерального антимонопольного органа страны (ФАС России)..." - "содержатся". Ученый пишет: "Справедливости ради, следует отметить, что отдельные ученые-юристы при обращении к исследованию правового регулирования отношений преференций используются термины «институт государственных и муниципальных преференций» - "используют".

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права и конкурентного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении опечаток.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Маслова С.В. — Таксономии проектов «устойчивого развития» и «зеленых» проектов как правовые инструменты достижения целей устойчивого развития и экологизации законодательства // Юридические исследования. – 2023. – № 11. – С. 98 - 107. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.69104 EDN: QHVZMI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69104

Таксономии проектов «устойчивого развития» и «зеленых» проектов как правовые инструменты достижения целей устойчивого развития и экологизации законодательства

Маслова Светлана Валентиновна

доктор юридических наук

доцент, кафедра Государственного и муниципального управления, Санкт-Петербургский государственный университет

199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, пер. Волховский, 3, оф. 223

✉ maslova@gsom.pu.ru

[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.69104

EDN:

QHVZMI

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2023

Дата публикации:

27-11-2023

Аннотация: Статья посвящена новому для российского законодательства и правоприменительной практики инструменту – таксономии проектов «устойчивого развития» и «зеленых» проектов. Предметом исследования стало осмысление предпосылок принятия и нормативного содержания таксономии, определение ее значения для развития правового регулирования в свете концепции устойчивого развития, а также ее практической ценности для наращивания объема инвестиций в «зеленую» и «устойчивую» инфраструктуру, улучшения социальных и экологических показателей жизни населения. Актуальность исследования связана с отсутствием

именно нормативно закреплённого инструментария для квалификации проектов «устойчивого развития», «зеленых» и «климатических» проектов долгое время считалось одним из главных барьеров, препятствующих развитию российского рынка «устойчивого» и «зеленого» финансирования, а также возрастающим запросам на упорядочение подходов к таким проектам. Основными методами исследования послужили общенаучные методы - формально-логический, системный и функциональный. Особое внимание уделено сравнительно-правовому анализу таксономий России, Казахстана и Китая. Российская таксономия заложила нормативную основу рынка устойчивого, в том числе зеленого финансирования в Российской Федерации, и имеет потенциал способствовать расширению его масштабов. И хотя посредством ее принятия не решена в правовом поле принципиальная проблема обеспечения устойчивого развития. Тем не менее она внесла терминологическую (понятийную) определенность, снизила асимметрию целей и задач правового регулирования инвестиционных и экологических отношений, что также является крайне важной задачей правового регулирования. В отсутствие четкого целеполагания и нормативных дефиниций, новым правовым и экономическим категориям придается разный смысл и значение, что негативно сказывается на складывающемся регулировании данной сферы отношений. Будущие задачи, связанные с выработкой оптимальных юридических конструкций для регулирования отношений, возникающих по поводу подготовки и реализации проектов «устойчивого» развития и «зеленых» проектов будут решены более эффективно во многом благодаря заложенным Российской таксономией основам.

Ключевые слова:

устойчивое развитие, таксономия проектов, проекты устойчивого развития, зеленые проекты, инфраструктурные проекты, экологизация законодательства, национальные цели развития, регионы России, зеленые инвестиции, устойчивые инвестиции

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20185 (<https://rscf.ru/project/22-28-20185>) и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 14 апреля 2022 г. № 37/2022

Концепция устойчивого развития воплотилась в Целях ООН в области устойчивого развития (далее – ЦУР), а также в критериях социальной и экологической устойчивости, корпоративного управления (далее – ESG-критерии), получает практические очертания в проектах «устойчивого развития», «зеленых» и «климатических» проектах. Количество таких проектов и объемы инвестиций в них стремительно растут, даже несмотря на такой сдерживающий фактор как отсутствие единообразного понимания категоризации указанных проектов. Во многом с этим связан возрастающий запрос на упорядочение подходов к проектам, отвечающим целям устойчивого развития, зеленой и климатической повестке, и критериев, дающих ясный ответ относительно того, что является квалифицируемой инвестицией для получения проектами соответствующего статуса.

Отсутствие именно нормативно закреплённого инструментария для квалификации проектов «устойчивого развития», «зеленых» и «климатических» проектов долгое время считалось одним из главных барьеров, препятствующих развитию российского рынка «устойчивого» и «зеленого» финансирования. Указанные пробелы были частично восполнены за счет принятия распоряжения Правительства Российской Федерации от

14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» (далее – Распоряжение о направлениях устойчивого развития) и постановления Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» (далее также – Постановление о критериях «зеленых» проектов, Российская таксономия).

Подобные таксономии действуют во многих странах мира и, как принято считать, стали драйвером зеленого и устойчивого финансирования. Их практическое значение обусловлено реальными потребностями инвестиционного и финансового секторов перенаправить свои инвестиции и финансовые потоки в сектора экономики, наиболее приоритетные для государств в силу их социальной и экологической значимости для населения. Отнюдь не отрицая влияние хорошо структурированных и ясных таксономий на развитие рынка такого финансирования, тем не менее, считаем необоснованным рассматривать их в отрыве от происходящей трансформации правового регулирования в рамках международно-правовой системы и в актах внутригосударственного законодательства. Причем не только экологического законодательства, в частности, Экологического кодекса Республики Казахстан (далее – Экологический кодекс Казахстана), легитимизирующего понятия «зеленые» инвестиции, «зеленое» финансирование, «зеленые» облигации, «зеленые» проекты и их классификацию (таксономию) [\[18\]](#), но гражданского законодательства, в частности, Гражданского кодекса Китайской Народной Республики, установившего норму о том, что при ведении гражданской деятельности лица гражданского права должны действовать таким образом, чтобы способствовать сохранению ресурсов и защите окружающей среды [\[3\]](#).

В академической среде новые подходы к правовому регулированию с фокусом на достижение устойчивого развития вызывают оживленную дискуссию. Делаются выводы, что «устойчивое развитие» поставило перед частным правом новый «жанр» задач, связанных с защитой прав человека и окружающей среды [\[17\]](#), рассматриваются перспективы превращения договорного права в «договорное право, скорректированное с точки зрения устойчивого развития», под которым подразумевается договорное право, в котором достижение целей устойчивого развития рассматривается как одна из обычных задач договорного права. Прогнозируется, что если курс на внедрение ESG-стандартов на международном и национальном уровнях продолжится, то это приведет к переформатированию правового пространства во многих областях [\[13\]](#). Высказываются мнения, что концепция устойчивого развития и ESG-трансформация должна лечь в основу законодательства [\[8\]](#). Выдвигаются и более радикальные гипотезы о формировании новых отраслей права, в частности, «зеленого» права [\[7\]](#) или «права устойчивого развития» [\[6\]](#). По мнению М.В. Мажориной, «право устойчивого развития несводимо к экологическому, климатическому, международному праву, оно инкорпорирует принципы и отдельные институты гражданского, инвестиционного, финансового, банковского, трудового, корпоративного, международного частного права и других отраслей» [\[6\]](#). Предложения о формировании права устойчивого развития представляются, на наш взгляд, преждевременными и не имеющими достаточных оснований. Несмотря на то, что многим отраслям российского законодательства действительно недостает положений об обеспечении устойчивого развития и реализации «зеленой» повестки, более оправданной задачей является не формирование

специальных отраслей права, а фокусирование целеполагания при правовом регулировании на достижении ЦУР и национальных целей развития. Стоит согласиться, что «такая ноша не под силу лишь экологическому праву, а требует усилия всей системы права Российской Федерации. В контексте Концепции устойчивого развития необходимо системно переосмыслить все законодательство Российской Федерации» [\[10\]](#).

Однако интерпретация целей и ожидаемого регулирующего воздействия Распоряжения о направлениях устойчивого развития и Российской таксономии, которые хотя и преподносятся как правовые инструменты обеспечения устойчивого развития, вынуждает констатировать, что указанные акты содержат регламентацию только одного из его элементов устойчивого развития и ЦУР – экологического (“environmental”), игнорируя социальный (“social”) и экономический (“economic”) элементы устойчивого развития. В этих условиях, надо полагать, речь может идти об очередном этапе экологизации законодательства (“greening the legislation”), то есть включении экологических требований в законодательные и иные правовые акты гражданского, административного, аграрного и другого законодательства [\[12\]](#), в тех случаях, когда регулируемые в иных отраслях законодательства общественные отношения затрагивают общественные экологические потребности и интересы, то есть экологические отношения, в определенном сегменте пересекаются с ними, с целью использования средств других, «неэкологических», отраслей законодательства для решения задач охраны окружающей среды [\[2\]](#).

В свете изложенного специальной правовой оценки заслуживают новые нормативные акты, введенные в правовую систему в качестве нормативных инструментов обеспечения устойчивого развития и зеленой повестки, – таксономии проектов «устойчивого развития» и «зеленых» проектов. Приводимые в научных и аналитических материалах дефиниции раскрывают понятие таксономий в свете развития зеленой экономики и финансирования устойчивого развития как «систем классификации, которые устанавливают требования к инвесторам в части обеспечения экологической эффективности проектов и видов экономической деятельности, а также подготовки и распространения нефинансовой отчетности» [\[9\]](#), «набора критериев, которые служат основой для оценки того, будет ли финансовый актив поддерживать цели устойчивого развития и в какой степени» [\[15\]](#), «фактора формирования системы «устойчивых» финансовых инструментов»; «классификации областей и объектов инвестирования (технологий, секторов и т.д.), которые считаются «зелеными» [\[8\]](#), «систем принципов и классификации, закладывающих основу управления инвестициями в деятельность, классифицируемую как экологически чистую» [\[16\]](#).

Такое понимание «таксономии» во многом дает представление о ее функциональном назначении как инструмента «выявления той части экономики, которая отвечает за производство товаров и услуг, ориентированных на охрану окружающей среды», «направления потоков капитала в проекты, нацеленные на решение экологических проблем и на обеспечение устойчивого развития», «смягчения последствий «гринвошинга» (“greenwashing”), но не управления ESG-рисками» [\[15\]](#).

При оценке Российской таксономии акцент делается на ее методологическую функцию. Отмечается, что несмотря на ее не обязательный характер, признание финансового проекта «зеленым» или «адаптационным» – это своего рода *маркировка*, которая будет использоваться компаниями для привлечения определенного класса инвесторов, демонстрации заинтересованности в использовании высоких экологических стандартов

и, потенциально, для получения государственной поддержки в области экологии и климата [11]. Принятие Российской таксономии характеризуется как часть последовательной работы по внедрению *культуры* устойчивого финансирования как для привлечения внебюджетных средств, так и для предоставления бюджетного софинансирования. И хотя соответствие критериям не обеспечивает и (или) не обосновывает предоставление господдержки, но указывает на основные приоритеты в части отраслей, отнесенных к направлениям устойчивого развития [4]. Подчеркивается критическое значение таксономий в свете того, что от них зависят инвестиционные ESG-стратегии как корпоративных, так и индивидуальных инвесторов [11].

По нашему мнению, таксономия (или таксономическая классификация, построенная на определенных критериях) по своей сути представляет классификационный инструмент, предназначенный для идентификации объектов и (или) проектов, сфер и (или) видов деятельности в определенной предметной области, с целью их последующего помещения под особый правовой или экономический режим, устанавливаемый государством для достижения определенных целей государственного управления, в исследуемом случае – для достижения ЦУР и целей Парижского соглашения, «зеленой» и «климатической» повестки и т.п.

При этом было бы опрометчиво сводить ее назначение только к инвестиционному инструментарию инвесторов и финансовых институтов, помогающему им переориентировать свои инвестиции и финансовые продукты в проекты, содействующие достижению ЦУР и целей Парижского соглашения, «зеленой» и «климатической» повестки. Усматривается более широкая роль таксономий как нормативных инструментов, создающих понятийно-категориальный аппарат для последующего регулирования отношений по поводу достижения ЦУР и национальных целей развития, нормативно закрепляющих новые экономико-правовые категории в данной сфере. Построение таксономии как набора критериев позволяет избегать «закрытых», «исчерпывающих» перечней проектов «устойчивого развития» или «зеленых» проектов, а также сфер, в которых, по мнению законодателя, они могут быть реализованы. Полагаем, что регулирующее воздействие таксономии способно проявляться в полном объеме при системном регулировании проектов «устойчивого развития» или «зеленых» проектов, введении конкретных мер государственной поддержки и мер экономического стимулирования проектов «устойчивого развития» или «зеленых» проектов.

Страновой обзор показывает многообразие таксономий с точки зрения их содержания и решаемых ими задач управления и регулирования. На современном этапе наиболее распространены так называемые «зеленые» таксономии, которые фокусируются исключительно на экологическом сегменте устойчивого развития. Например, Российская таксономия охватывает не все семнадцать ЦУР, а только девять из них, непосредственно связанных с достижением положительного эффекта на окружающую среду – ЦУР 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15.

Одной из первых национальной таксономией «зеленых» проектов является Таксономия КНР, принятая в целях реализации Комплексного плана реформ для содействия экологическому прогрессу и выполнения требований построения системы «зеленых» финансов в КНР, а также дальнейшего регулирования внутреннего рынка «зеленых» облигаций, всеобъемлющего использования «зеленого» финансирования в содействии ускорению строительства экологической цивилизации, содействию устойчивому развитию экономики в КНР. Согласно Таксономии КНР, «зеленые» облигации относятся к рыночным ценным бумагам, которые используют привлеченные средства специально для

поддержки «зеленой» промышленности, «зеленых» проектов или деятельности в области «зеленой» экономики. К таким видам деятельности Таксономия КНР относит финансирование, операции и управление рисками для проектов в таких областях, как: охрана окружающей среды, энергосбережение, чистая энергия, экологичный транспорт с нулевым уровнем выбросов, «зеленые» здания. Таксономия КНР обладает обязательной юридической силой и подлежит применению всеми эмитентами зеленых облигаций, включая все финансовые учреждения, корпорации и государственные предприятия, сторонние оценочные агентства и регулирующие органы.

Классификация (таксономия) «зеленых» проектов, подлежащих финансированию через «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 31.12.2021 № 996 (далее – Таксономия Республики Казахстан) и представляет собой систему классификации категорий «зеленых» проектов (включая количественные и качественные пороговые значения), направленных на повышение эффективности использования существующих природных ресурсов, снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду, повышение энергоэффективности, энергосбережения, смягчение последствий изменения климата и адаптацию к изменению климата. В ней содержится 7 категорий, 26 секторов и 58 подсекторов, с детальным пояснением и указанием пороговых критериев отнесения проектов к «зеленым». В число категорий Таксономии Республики Казахстан включены: возобновляемая энергия, энергоэффективность, зеленые здания, предотвращение и контроль загрязнения, устойчивое использование воды и отходов, устойчивое сельское хозяйство, землепользование, сохранение биоразнообразия и экологический туризм, чистый транспорт. Важнейшей особенностью Таксономии Республики Казахстан является наличие законодательных основ ее применения, закрепленных непосредственно в Экологическом кодексе Казахстана. Согласно пункту 4 статьи 126 Экологического кодекса Казахстана, одним из механизмов экономического регулирования охраны окружающей среды является экономическое стимулирование деятельности, направленной на охрану окружающей среды. Согласно статье 130 Экологического кодекса Казахстана, экономическое стимулирование деятельности, направленной на охрану окружающей среды, осуществляется посредством целого ряда механизмов, в числе которых содействие привлечению «зеленых» инвестиций, а также предоставление мер государственной поддержки в рамках «зеленого» финансирования. Экологическим кодексом Казахстана законодательно введен и закреплен специальный категориальный аппарат, регламентирующий понятия «зеленых» технологий, «зеленых» инвестиций, «зеленого» финансирования, «зеленых» облигаций, «зеленых» кредитов, «зеленых» проектов и др. К «зеленым» проектам Экологическим кодексом Казахстана отнесены определенные на основе утвержденной классификации (таксономии) проекты, направленные на повышение эффективности использования существующих природных ресурсов, снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду, повышение энергоэффективности, энергосбережения, смягчение последствий изменения климата и адаптацию к изменению климата. Классификация «зеленых» проектов, подлежащих финансированию через «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты, разрабатывается уполномоченным органом в области охраны окружающей среды и утверждается Правительством Республики Казахстан.

Распоряжением о направлениях устойчивого развития в целях развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты, направленные на реализацию национальных целей развития Российской Федерации в области зеленого финансирования и устойчивого развития, утверждены цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации, к которым

относятся: обращение с отходами; энергетика; строительство; промышленность; транспорт и промышленная техника; водоснабжение и водоотведение; природные ландшафты, реки, водоемы и биоразнообразие; сельское хозяйство; устойчивая инфраструктура.

Согласно требованиям к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации, понятием «проекты устойчивого развития» охватываются зеленые проекты или адаптационные проекты. В свою очередь, под зеленым проектом понимается проект, одновременно удовлетворяющий следующим принципам: (1) соответствие одному или нескольким основным направлениям, предусмотренным в Распоряжении об основных направлениях устойчивого развития; (2) направленность на достижение целей Парижского соглашения, или одной или нескольких из ЦУР, указанных в Повестке-2030, а именно, ЦУР 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15; (3) реализация проекта способствует достижению целей, связанных с положительным воздействием на окружающую среду, а именно, сохранением, охраной или улучшением состояния окружающей среды; снижением выбросов и сбросов загрязняющих веществ и (или) предотвращением их влияния на окружающую среду; сокращением выбросов парниковых газов; энергосбережением и повышением эффективности использования ресурсов; (4) реализация проекта способствует достижению экологического эффекта, который материален, соответствует требованиям законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды, подробно описан в документах, определяющих условия реализации зеленого проекта; (5) соответствие технологическим показателям наилучших доступных технологий (при наличии); (6) отсутствие значимых побочных эффектов на окружающую среду (принцип «Do No Significant Harm»).

С учетом изложенного представляется, что Российская таксономия заложила нормативную основу рынка устойчивого, в том числе зеленого финансирования в Российской Федерации, и имеет потенциал способствовать расширению его масштабов. Конечно, посредством ее принятия не решена в правовом поле принципиальная проблема обеспечения устойчивого развития. Тем не менее она внесла терминологическую (понятийную) определенность, снизила асимметрию целей и задач правового регулирования инвестиционных и экологических отношений, что также является крайне важной задачей правового регулирования. В отсутствие четкого целеполагания и нормативных дефиниций, новым правовым и экономическим категориям придается разный смысл и значение, что негативно сказывается на складывающемся регулировании данной сферы отношений. Будущие задачи, связанные с выработкой оптимальных юридических конструкций для регулирования отношений, возникающих по поводу подготовки и реализации проектов «устойчивого» развития и «зеленых» проектов будут решены более эффективно во многом благодаря заложенным Российской таксономией основам.

Библиография

1. Баранина Е.Ю. Инвестиционные стратегии ESG: правовое регулирование, проблемы и перспективы // Банковское право. 2022. № 5. С. 69-76.
2. Бринчук М.М. Теоретические проблемы экологизации законодательства: Развитие идей О.С. Колбасова о концепции экологического права // Экологическое право. 2007. № 6. С. 6-12.
3. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. Retrieved from: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-i-general-principles->

20200528/chn (дата обращения: 11.09.2023)

4. Дубинчина С. Устойчивость в приоритете: какие проекты обращения с ТКО могут признать «зелеными» и «адаптационными» Retrieved from: <https://rosinfra.ru/news/ustojcivost-v-prioritete-kakie-proekty-obrasenia-s-tko-mogut-priznat-zelenymi-i-adaptacionnymi> (дата обращения: 08.09.2023).
5. Закупень Т.В. Понятие и правовые основы "зеленой" (низкоуглеродной) экономики // Экологическое право. 2023. № 1. С. 8-11.
6. Мажорина М. В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология // Lex Russica. 2022. № 5 (186). С.117-125.
7. Новикова Е.В. Зеленая экономика и зеленое право: мировые тенденции // Экологическое право. 2020. № 3. С. 13-19.
8. Ситник А.А. "Зеленые" финансы: понятие и система // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 63-80.
9. Скобелев Д.О., Волосатова А.А., Гусева Т.В., Панова С.В. Применение концепции наилучших доступных технологий в различных системах зеленого финансирования: международный опыт и перспективы применения в государствах-членах Евразийского экономического союза // Вестник евразийской науки. 2022. № 2. Retrieved from: <https://esj.today/issue-2-2022-economics.html> (дата обращения: 10.07.2023).
10. Шамсутдинов Э.Р. Экологизация российского законодательства в контексте концепции устойчивого развития // Юрист. 2008. № 1. С. 33-35.
11. Шмагин В. «Зеленая» верификация. Retrieved from: <https://plus.rbc.ru/partners/6292792b7a8aa93b977949b3> (дата обращения: 10.07.2023).
12. Экология. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. Проф. С.А. Боголюбова. М.: Норма, 2000. 407 с.
13. «ESG-стандарты. Интервью с экспертами МГЮА». Retrieved from: https://msal.ru/news/esg-standarty-intervyu-s-ekspertami-mgyua/?Special_version=N
14. ESG-трансформация должна лечь в основу законодательства: мнение эксперта. Retrieved from: <https://infragreen.ru/expertise/135624>
15. Ehlers T., Gao D., Packer F. A taxonomy of sustainable finance taxonomies. BIS Papers No 118. 2021. Retrieved from <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispar118.pdf> (дата обращения: 10.07.2023).
16. EU taxonomy for sustainable activities / European Commission Retrieved from: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/sustainable-finance/eu-taxonomy-sustainable-activities_en
17. Grochowski M. European Consumer Law after the New Deal: A Tryptich // Yearbook of European Law, 2020, vol. 39, pp. 387-422.
18. Ulfbeck V., Hansen O. Sustainability Clauses in an unsustainable Contract Law? // European Review of Contract Law, 2020, vol. 16, iss. 1, pp. 186-20.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Таксономии проектов «устойчивого

развития» и «зеленых» проектов как правовые инструменты достижения целей устойчивого развития и экологизации законодательства» предметом исследования является концепция устойчивого развития, которая сформирована в Целях ООН в области устойчивого развития и в Критериях социальной и экологической устойчивости, корпоративного управления, а также получившая дальнейшее закрепление в «зеленых», «климатических» и «устойчивого развития» национальных проектах.

Методология исследования. При написании статьи использовались такие методы как: логический, исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительного правоведения и правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. В работе использовалось сочетание эмпирической и теоретической информации.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования, заявленной автором, не вызывает сомнения. Концептуализация правовой таксономии экологических, климатических проблем производится на многих уровнях (международных и национальных). Автор справедливо отмечает, что «...Количество таких проектов и объемы инвестиций в них стремительно растут, даже несмотря на такой сдерживающий фактор как отсутствие единообразного понимания категоризации указанных проектов. Во многом с этим связан возрастающий запрос на упорядочение подходов к проектам, отвечающим целям устойчивого развития, зеленой и климатической повестке, и критериев, дающих ясный ответ относительно того, что является квалифицируемой инвестицией для получения проектами соответствующего статуса». Эти обстоятельства указывают на актуальность доктринальных разработок по данной тематике с целью совершенствования законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы заслуживающие внимания выводы, например: «...Будущие задачи, связанные с выработкой оптимальных юридических конструкций для регулирования отношений, возникающих по поводу подготовки и реализации проектов «устойчивого» развития и «зеленых» проектов будут решены более эффективно во многом благодаря заложенным Российской таксономией основам». Автором по результатам написания статьи сделан ряд других теоретических выводов и предложений, что указывает не только на важность исследования этой проблематики для юридической науки, но и определяет его практическую значимость.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Вызывает сомнение корректность применения термина «Российская таксономия» к постановлению Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации». Термин «таксономия» доктринальный, в официальных документах не употребляется. Возможно, автору необходимо обосновать использование этого термина в нормативных правовых актах и иных официальных документах. В целом же материал изложен последовательно и ясно. Статья структурирована. Представляется, что введение не полностью отвечает требованиям, предъявляемым к этой части научной статьи. Замечания носят устранимый характер. Содержание статьи соответствует ее названию.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, представлены ссылки на публикации последних лет. Ссылки на указанные

источники оформлены в соответствии с требованиями библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По отдельным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Таксономии проектов «устойчивого развития» и «зеленых» проектов как правовые инструменты достижения целей устойчивого развития и экологизации законодательства» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования» и отвечает его редакционной политике. Статья написана на актуальную тему, имеет практическую значимость и имеет элементы научной новизны. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области экологического права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Петровская М.И. — Институт временного убежища: проблемы государственного управления, статистики и административно-правового регулирования // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.68892 EDN: NOXKAU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68892

Институт временного убежища: проблемы государственного управления, статистики и административно-правового регулирования

Петровская Мирослава Ивановна

старший преподаватель, кафедра правоведения, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, линия 15-Я васильевского острова, 32, кв. 69

✉ maria-petrovskaya@mail.ru

[Статья из рубрики "Административное право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.68892

EDN:

NOXKAU

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2023

Аннотация: В статье исследована актуальная проблематика института временного убежища в контексте действующего административно-правового регулирования и практики государственного управления. Внимание в статье уделено рассмотрению известных в литературе проблем реализации института временного убежища, связанного со сложной административной процедурой предоставления статуса временного убежища и продолжительным сроком рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса, а также падающей востребованностью институтов беженца и временного убежища, отражающихся в статистических данных. Объектом исследования является совокупность общественных отношений, возникающих в сфере вынужденной миграции. Предметом исследования является совокупность общественных отношений, возникающих по поводу осуществления государственного управления в процессе предоставления статуса временного убежища. Целью данной статьи является выработка предложений по реформированию административно-правового регулирования института временного убежища в Российской Федерации в системе государственного управления вынужденной

миграцией в России. Научная новизна настоящей статьи состоит в проведении качественного анализа по предоставлению статуса беженца и временного убежища на основе статистических данных государственных органов и иных источников в сфере вынужденной миграции в России. Уделено особое внимание вынужденным мигрантам из Украины в контексте существующей проблематики. Выявлена системная проблема противоречивости статистических данных о предоставлении статусов беженца, временного убежища и гражданства Российской Федерации и реально складывающейся социально-политической ситуацией. В заключении сформулированы основные выводы и предложения по модернизации действующего законодательства в сфере вынужденной миграции, в том числе наделение статистическими полномочиями в сфере вынужденной миграции МВД России, а также внедрение в административно-правовую практику нового правового статуса - "временная защита"

Ключевые слова:

временное убежище, беженец, статистика, вынужденный мигрант, вынужденная миграция, государственное управление, административно-правовое регулирование, временная защита, миграция, гражданство

Статус временного убежища в России является в настоящее время наиболее востребованным статусом в среде вынужденных мигрантов в России. Вынужденная миграция в России ассоциируется в первую очередь со статусами беженца и временного убежища [\[1, с. 61\]](#). Миграционная система России в сфере вынужденной миграции построена вокруг предоставления статуса беженца, временного убежища и политического убежища [\[2, с. 64-68\]](#). Политическое убежище является преимущественно эксклюзивным статусом, предоставляется редко и не может рассматриваться в одном ряду со статусами беженца и временного убежища, поскольку имеет в первую очередь именно политическое значение в отличие от статусов беженца и временного убежища, которые базируются не столько на идеях политической целесообразности, сколько на принципе гуманизма и демократизма [\[3, с. 167-171\]](#).

Отметим, что статус беженца согласно данным статистики с каждым годом становится все менее востребованным. В тоже время статус временного убежища также становится менее востребованным[*].

МВД России в 2021 году предпринимало попытку реформирования института временного убежища и беженца путем оптимизации административных процедур и введения нового статуса – временной защиты – для предоставления в качестве базового статуса в случае экстренного массового прибытия вынужденных мигрантов. Реформа не была доведена до завершения, а законопроект остается и по сей день на стадии общественного обсуждения на соответствующем портале[†]. Таким образом, в российском праве настоящее время отсутствует статус, позволяющий оптимизировать и облегчить работу МВД России в условиях экстренного массового прибытия вынужденных мигрантов, что значительно осложняет государственное управление вынужденной миграцией в текущих геополитических реалиях [\[4, с. 44-53\]](#).

Также недостаточно эффективно реализуется прогностическая и статистическая функция в рамках государственного управления вынужденной миграцией в России [\[5, с. 69-72\]](#). Это выражается как в общей неподготовленности системы государственного управления

вынужденной миграцией к работе в экстренных режимах, так и в значительных административных барьерах, создающих сложности и для государства, и для вынужденных мигрантов, объективно нуждающихся в защите [\[6, с. 17-20\]](#).

Указанные проблемы требуют обстоятельного рассмотрения и выработки новых административно-правовых и управленческих подходов к их решению.

Целью данной статьи является выработка предложений по реформированию административно-правового регулирования института временного убежища в Российской Федерации в системе государственного управления вынужденной миграцией в России.

Статус временного убежища является наиболее востребованным из всех статусов в среде вынужденных мигрантов. Процедура получения статуса временного убежища значительно проще, чем процедура получения статуса беженца, поскольку отсутствует целый ряд обстоятельств, подлежащих подтверждению лицом, нуждающимся в мерах внутригосударственной защиты от преследования [\[7, с. 304-312\]](#).

Так, согласно нормам Федерального закона "О беженцах" от 19.02.1993 N 4528-1[+], для признания беженцем необходимо соответствовать критериям, указанным в статье 1 (подпункт 1 пункта 1). Для этого в ходе двухступенчатой процедуры рассмотрения ходатайства о признании беженцем, в состав которой входит предварительное рассмотрение ходатайства и рассмотрение ходатайства по существу, необходимо доказать и подтвердить наличие преследования или угрозы преследования по политическим, идеологическим и иным убеждениям или в связи с гражданско-политической позицией лица, ходатайствующего о предоставлении статуса беженца.

При этом, на каждой стадии в рамках рассмотрения ходатайства о признании беженцем возможен отказ в рассмотрении ходатайства как по формальным, так и по фактическим причинам.

Срок рассмотрения ходатайства составляет согласно статье 7 указанного выше федерального закона от 2 до 6 месяцев, что значительно затягивает процедуру рассмотрения ходатайств, а отсутствие гарантий положительного исхода делает этот статус все менее популярным в России согласно данным статистики.

Учитывая, что уровень социально-экономических гарантий лиц, получивших статус беженца, и лиц, получивших статус временного убежища, отличается незначительно, наибольшее значение в практической деятельности приобретают гарантии не выдворения иностранного гражданина или лица без гражданства в государство, с территории которого лицо вынуждено было бежать в связи угрозой преследования и это, вероятно, является основной гуманитарной целью государства, учитывая не только вероятность высокой угрозы для жизни и здоровья гражданина в случае депортации, но и потенциально возможные нарушения прав и законных интересов вынужденных мигрантов со стороны должностных лиц в корыстных целях на любой стадии рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца [\[8, с. 61-67\]](#).

Статья 13 указанного выше федерального закона предусматривает возможность депортации лица, которое получило отказ в предоставлении статуса беженца и не воспользовалось процедурой обжалования, при этом добровольно не покидающее территорию России.

Если процедура обжалования решения произошла, но позитивный результат по жалобе не получен, то лицо вместе с членами семьи обязано в течение 3 дней добровольно

покинуть территорию России (статья 10 указанного федерального закона). В противном случае согласно статье 13 принимается решение о депортации иностранного гражданина или лица без гражданства как не имеющего оснований для законного пребывания на территории России.

Для получения временного убежища согласно статье 12 достаточно поданного заявления, в котором хотя может и не содержаться оснований для признания беженцем, но при этом лицо из гуманных соображений не может быть депортировано. Фактически это «облегченная» или «лайт» версия статуса беженца. Процедура предоставления статуса временного убежища определяется Правительством России.

В общем порядке, согласно Постановлению Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. N 274 в редакции от 19 июля 2023 года срок принятия решения по заявлению о предоставлении временного убежища составляет 3 месяца[§].

В случае экстренного массового прибытия вынужденных мигрантов также существует определенный порядок. Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 22 июля 2014 г. N 690 в редакции от 29 марта 2023 года[**] решение о предоставлении статуса временного убежища осуществляется в течение 3 рабочих дней (пункт 5), однако такой срок установлен только для экстренного массового прибытия вынужденных мигрантов на территорию РФ в отношении граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Украины.

Специалисты регулярно отмечают процедурные и бюрократические проблемы в сфере предоставления статуса беженца, необходимость системной реформы в сфере государственного управления вынужденной миграцией [\[2, 4, 5, 6, 7, 9, 10\]](#).

МВД, осознавая необходимость качественного обновления правового регулирования в 2021 году выходило с инициативой о принятии федерального закона об убежище в России, однако инициатива до сих пор находится в стадии рассмотрения[††].

Одним из позитивных нововведений мог стать институт временной защиты, который позволил бы разграничить статус временного убежища, использующийся сейчас фактически не только как альтернатива статусу временного убежища, но и как «заплатка», закрывающая законодательные пробелы для легализации вынужденных мигрантов из Украины на территории России.

Существуют значительные проблемы и в статистической деятельности, демонстрирующие проблемы государственного управления в сфере вынужденной миграции в России.

Так, начиная с 2016 года количество беженцев (лиц, получивших статус беженца) стало неуклонно сокращаться. В 2016 году было 770 лиц, получивших статус беженца, в 2017 лиц соответственно 598 лиц, получивших статус беженца, в 2018 году 592 человека получили статус беженца, в 2019 году уже 572 человека, в 2020 году 487 человек приобрели статус беженца, в 2021 году уже соответственно 455 человек, а в 2022 году был установлен антирекорд – всего 331 человек, получили статус беженца[‡‡]. Данные на сайте Росстата актуальны на 2022 год.

Учитывая объективный рост геополитического напряжения, данная ситуация выглядит крайне странной. Объемы мировой вынужденной миграции как в общемировом масштабе, так и в масштабе Российской Федерации объективно выросли. Так, согласно данным УВКБ ООН, по состоянию на 31.12.2022 число беженцев, переместившихся в Российскую Федерацию, составляло 2 852 395 человек. Количество беженцев, получивших статус

убежища или временной защиты, составляло в России на указанную дату 1 275 315 человек[§§].

При этом, согласно данным Росстата, в 2022 году статус беженца получили 331 человек, то есть это рекордно низкое число вынужденных мигрантов, получивших статус беженца, за наблюдаемый период с 2016 по 2022 годы.

По другому статусу – временное убежище – динамическая ситуация принципиально не отличается от динамической ситуации со статусом статуса беженца. В 2022 году также зафиксировано рекордно низкое количество лиц, которым предоставлен статус временного убежища за период с 2016 по 2022 годы.

Напомним, что в 2016 году был зафиксирован абсолютный рекорд с 2007 года по количеству предоставленных статусов временного убежища – 313 707 человек получили статус временного убежища.

В 2017 количество лиц, получивших статус временного убежища, сокращается до 228 392 (то есть число лиц, получивших временное убежище, сократилось по сравнению с 2016 годом сократилось на 85 315 человек или приблизительно на 27 процентов).

В 2018 году число лиц, получивших статус временного убежища, составляет 125 442 человек (число лиц, получивших временное убежище, сократилось по сравнению с 2017 годом на 102 950 человек или приблизительно на 45 процентов, по сравнению с 2016 годом сократилось на 188 265 или приблизительно на 60 процентов).

В 2019 году число лиц, получивших статус временного убежища, составляет уже 76 825 (то есть число лиц, получивших временное убежище, сократилось по сравнению с 2018 годом на 48 617 человек или приблизительно на 39 процентов, по сравнению с 2016 годом сократилось на 236 882 или приблизительно на 75 процентов).

В 2020 году количество лиц, получивших временное убежище, составляет 41 946 человек (то есть число лиц, получивших временное убежище, сократилось по сравнению с 2019 годом на 34 879 человек или приблизительно на 45 процентов, по сравнению с 2016 годом сократилось на 271 761 или приблизительно на 87 процентов).

В 2021 – 19817 (то есть число лиц, получивших временное убежище, сократилось по сравнению с 2020 годом на 22 129 человек или приблизительно на 53 процента, по сравнению с 2016 годом сократилось на 293 890 человек или приблизительно на 94 процента).

В 2022 зафиксирован абсолютный антирекорд с 2016 года по количеству предоставленных статусов временного убежища – 10581 человек (то есть число лиц, получивших временное убежище, сократилось по сравнению с 2020 годом на 9236 человек или приблизительно на 47 процентов, по сравнению с 2016 годом сократилось на 303 126 человек или приблизительно на 97 процентов).

В действительности, меньшее количество, предоставленных статусов временного убежища было только с 2007 по 2014 года (2007 – 1016, 2008 -1180, 2009 – 1613, 2010 – 3425, 2011 – 3726, 2012 – 3036, 2013- 2415, 2014- 2822)[***].

В 2015 году произошел резкий скачок почти в 10 раз, и число лиц, которым был предоставлен статус временного убежища, составило 237 780 человек, 234 360 человек из которых составили вынужденные мигранты из Украины, при этом вынужденные мигранты, которым был предоставлен статус временного убежища составили 3420

человек.

В 2016 году количество вынужденных мигрантов увеличилось до 313 707 человек, из них 311134 человека составили вынужденные мигранты из Украины, и только 2000 человек составили вынужденные мигранты из других государств, которым был предоставлен статус временного убежища.

В 2013-2014 годах лица с территории Украины, которым предоставлялся статус временного убежища, отсутствуют в статистических данных. Таким образом, количество вынужденных мигрантов, которым предоставлен статус временного убежища, без учета вынужденных мигрантов из Украины составило бы 3420 человек, что сопоставимо с данными по прошлым годам.

В последующие 7 лет (с 2015 по 2022) основную часть вынужденных мигрантов, которым было предоставлено временное убежище, составили именно вынужденные мигранты из Украины. Отметим, что их число на протяжении всего этого периода сокращалось с каждым годом.

Указанные данные коррелируют с показателями количества статусов беженца, предоставленных в 2022 году. Однако, принципиально непонятно как указанные данные коррелируют с объективно возросшими данными по вынужденной миграции в мире.

Даже если предположить, что данные международных организаций в текущей геополитической ситуации могут быть необъективны по политическим причинам, то официальные данные в российских источниках указывают также на беспрецедентное количество беженцев, причем количественные показатели беженцев в российских источниках значительно превышают данные международных организаций. Так, согласно статистическим данным ТАСС на 30 января 2023 года на территорию России прибыло с февраля 2022 года 5,2 миллиона беженцев, из них 733 тысячи детей[+++].

Ситуация не проясняется также и в свете статистических данных о приобретении гражданства России. В 2021 году 667 939 человек получили российское гражданство, а в 2022 году только 637 923 человека согласно официальным данным МВД России[+++]. Таким образом, количество человек, получивших российское гражданство в 2022 году, оказалось даже меньше, чем в 2021 году на 30 016 человек.

Рассматривая приведенные статистические данные и их процентные соотношения, отметим, что с каждым годом, начиная с 2017 года, количество предоставленных статусов временного убежища неуклонно уменьшалось сообразно уменьшению числа вынужденных мигрантов из Украины, которые ежегодно (с 2016 года по 2022 годы) составляют абсолютное большинство по отношению к другим категориям вынужденных мигрантов в России.

Учитывая все вышеизложенное, можно прийти к выводу, что 2022 год, согласно статистическим данным, является парадоксально спокойным в геополитическом плане и в плане политической напряженности, демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению количества вынужденных мигрантов, в том числе из Украины. И даже официальные данные МВД о количестве приобретенных гражданств демонстрируют тренд на стабилизацию ситуации (в 2021 году 667 939 человек, в 2022 году только 637 923 человек)[\$\$\$].

Между тем, в официальных источниках указанных выше содержатся неопровержимые сведения о беспрецедентном росте числа вынужденных мигрантов в России и по всему

миру после февраля 2022 года. Исходя из имеющихся данных можно предположить, что присоединение к России новых территорий обусловило автоматическое предоставление гражданства всем гражданам этих территорий, при этом в статистике МВД это не отражено.

Статистические данные об оформлении паспортов гражданина Российской Федерации (в 2022 году - 11 997 010 и в 2021 году - 10 268 647) также не дают четкого ответа на поставленный вопрос. Разница между двумя годами составляет 1 728 363 человек. При этом внутренних паспортов оформлено 6 739 067 в 2021 году и 7 144 044 в 2022 году. Разница в количестве оформленных внутренних паспортов гражданина РФ между 2021 и 2022 годами составляет 404 977, что наиболее коррелирует с естественным ростом населения. Заграничных паспортов оформлено соответственно 3 529 580 в 2021 году и 4 852 966 в 2022 году. Разница в количестве оформленных заграничных паспортов между 2021 и 2022 годами составляет 1 323 386.

Отметим, что количество вынужденных мигрантов с территорий Украины и Донбасса за 2022 год составило около 4,7 миллионов человек[***].

Корреляции между количеством оформленных заграничных паспортов и количеством вынужденных мигрантов из Украины нет, а рост числа оформленных внутренних паспортов гражданина РФ между 2021 и 2022 годам составляет всего 404 977, что не позволяет ответить на вопрос каким образом осуществляется государственное управление вынужденными мигрантами в России в экстренном порядке, поскольку статистические данные не позволяют не только оценить ситуацию объективно, но и в целом демонстрируют совершенно иную картину, не соответствующую реальной действительности.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Российская Федерация в настоящее время находится в состоянии "тестирования на прочность" качества государственного управления в сфере вынужденной миграции. Когда старые схемы предоставления статуса временного убежища перестают работать, то Правительство вводит новые схемы, сокращая привычный срок рассмотрения ходатайств с 3 месяцев до 3 дней (см. Постановление Правительства от 9 апреля 2001 г. N 274 в редакции от 19 июля 2023 года и Постановление Правительства РФ от 22 июля 2014 г. N 690 в редакции от 29 марта 2023 года).

Безусловно, сокращение срока рассмотрения ходатайств, видимо, определяется высокой и неоспоримой опасностью, грозящей вынужденным мигрантам из Украины.

2) В тоже время, на основе проведенного анализа статистики предоставления статуса беженца с 2016 года не видно никаких позитивных колебаний в сторону увеличения количества предоставленных статусов беженца вынужденным мигрантам из Украины. Вместо этого наблюдается статистическое уменьшение количества предоставленных статусов даже несмотря на объективно возросшую геополитическую напряженность в 2022 году.

Пункт 5 Постановления Правительства РФ от 22 июля 2014 г. N 690 в части срока рассмотрения ходатайства не менялся с 2014 года (3 рабочих дня со дня подачи заявления). Такая сокращенная процедура (3 рабочих дня вместо 3 месяцев) должна была непременно сказаться позитивно на статистике количества предоставленных статусов временного убежища. При этом в 2013-2014 годах лица с территории Украины, которым предоставлялся статус временного убежища, отсутствуют в

статистических данных.

В последующие 7 лет (с 2015 по 2022) основная часть вынужденных мигрантов, которым было предоставлено временное убежище, составили именно вынужденные мигранты из Украины. При этом их число на протяжении всего этого периода сокращалось с каждым годом за исключением 2016 года, когда наблюдалось максимальное количество предоставленных статусов временного убежища.

Напомним, что в 2021 году количество вынужденных мигрантов из Украины, которым был предоставлен статус временного убежища, составило 18345 человек, что на 9478 человек больше, чем в 2022 году. Таким образом, количество вынужденных мигрантов из Украины, которым был предоставлен статус временного убежища, в 2022 году уменьшилось на 51 процент по сравнению с 2021 годом.

Указанная тенденция является парадоксальной в условиях объективно возросшей геополитической напряженности и роста числа вынужденных мигрантов в России. Не проясняет ситуацию и проанализированная автором статистика количества приобретенных гражданств в 2021 и 2022 годах, а также количества оформленных внутренних паспортов.

По мнению автора, указанные данные совершенно не коррелируют со статистическими данными ТАСС, согласно которым на 30 января 2023 года на территорию России прибыло с февраля 2022 года 5,2 миллиона беженцев, из них 733 тысячи детей[++++].

Указанные обстоятельства демонстрирует системные проблемы статистического учета вынужденных мигрантов в условиях экстренного приема, либо дефекты и ошибки в статистических данных и подсчетах.

По мнению автора, решением сложившейся ситуации в сфере статистики может стать наделение статистическим полномочиями единый государственный орган, который будет синхронизировать все статистические данные. Таким органом может стать Министерство внутренних дел, которое обладает всей полнотой информации в сфере вынужденной миграции.

3) Институт временного убежища и институт беженца нуждаются в системном реформировании, поскольку согласно статистическим данным пользуются все меньшей популярностью среди вынужденных мигрантов, что может говорить об их недостаточной социальной актуальности. Также в российском законодательстве отсутствует специальный статус для вынужденных мигрантов, прибывших на территорию России в экстренном массовом порядке.

В качестве такого статуса в настоящее время используется статус временного убежища, при этом для одних категорий иностранных граждан и лиц без гражданства срок рассмотрения ходатайства о предоставлении временного убежища составляет 3 рабочих дня, для других 3 месяца, что создает правовую неопределенность, увеличивает нагрузку на ответственные подразделения МВД России и снижает общее качество государственного управления в сфере вынужденной миграции в связи с отсутствием качественной административной оптимизации сокращенных процедур рассмотрения ходатайства.

Таким образом, внедрение нового правового статуса – временной защиты – с учетом оптимизированной административной процедуры и формирование новых управленческих схем может позитивно отразиться на качестве государственного управления в сфере

вынужденной миграции.

[*] Данные статистики по миграции. Росстат. / https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab_migr4.htm (дата обращения: 30.10.2023).

[†] Проект Федерального закона «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации»/ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=124403> (дата обращения: 30.10.2023).

[‡] Федеральный закон от 19.02.1993 N 4528-1 (ред. от 13.06.2023) "О беженцах" // СПС «Консультант плюс»

[§] Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. N 274 в ред. от 19 июля 2023 года «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

[**] Постановление Правительства РФ от 22 июля 2014 г. N 690 в редакции от 29 марта 2023 года «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Украины, прибывшим в экстренном массовом порядке на территорию Российской Федерации в поисках убежища" (вместе с "Временными правилами предоставления временного убежища на территории Российской Федерации гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Украины, прибывшим в экстренном массовом порядке на территорию Российской Федерации в поисках убежища")» // СПС «Консультант плюс».

[††] Проект Федерального закона «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации»/ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=124403> (дата обращения: 30.10.2023).

[‡‡] Данные статистики по миграции. Росстат. / https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab_migr4.htm (дата обращения: 30.10.2023).

[§§] Данные по количеству беженцев из Украины УВКБ ООН <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 30.10.2023).

[***] Данные статистики по миграции. Росстат. / https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab_migr4.htm (дата обращения: 30.10.2023).

[†††] С февраля 2022 года в Россию прибыли более 5,2 млн беженцев с территории Украины URL: <https://tass.ru/obschestvo/16914809?ysclid=lo2rr1c52b835541156> (дата обращения: 30.10.2023)

[‡‡‡] Статистика МВД России по количеству оформленных статусов гражданина РФ в 2021 и 2022 годах URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/?ysclid=lo2s4daoh5566131154> (дата обращения: 30.10.2023)

[§§§] Статистика МВД России по количеству оформленных статусов гражданина РФ в 2021 и 2022 годах URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/?ysclid=lo2s4daoh5566131154> (дата обращения: 30.10.2023)

[****] Аналитическая статья ТАСС «Число прибывших в РФ с территории Украины и Донбасса беженцев превысило 4,7 млн человек» URL: <https://tass.ru/obschestvo/16223423> (дата обращения: 30.10.2023).

[++++] Аналитическая статья ТАСС «С февраля 2022 года в Россию прибыли более 5,2 млн беженцев с территории Украины» URL: <https://tass.ru/obschestvo/16914809?ysclid=lo2rr1c52b835541156> (дата обращения: 30.10.2023).

Библиография

1. Герасименко Ю. В., Матвеев В. Е. Правовое положение беженцев в Российской Федерации: монография / Омск: ОмГПУ, 2001. 81 с.
2. Петровская М.И. Институт временного убежища в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Проблемы научной мысли. 2022. Т. 2. № 8. С. 64-68.
3. Петровская М. И. Содержание и характеристика государственного управления в сфере вынужденной миграции // Пробелы в российском законодательстве. 2020. №7. С. 167-171.
4. Петровская М. И. Содержание государственного управления в сфере вынужденной миграции в России: административно-правовой аспект // Юрист. 2021. № 1 (21). С.44-53.
5. Андрейцо С.Ю. Проблемы реализации миграционной политики в России: права человека, трудовая, вынужденная незаконная миграция // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 2 (55). С. 69-72.
6. Егорова Е.Н., Гукешев А.А. Правовое регулирование вынужденной миграции на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы развития // Миграционное право. 2023. № 2. С. 17-20.
7. Андрейцо С. Ю. Некоторые аспекты предоставления статуса беженца в России // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (27). С. 304-312.
8. Кудряшова А. А. Этапы правового регулирования социальной политики в отношении беженцев и переселенцев в России // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 60-5. С. 61-67.
9. Олийнык И. Л. Вынужденная миграция: особенности статуса переселенцев Донбасса // Миграционное право. 2019. № 3. С. 10-13.
10. Галас М. Л, Силласте Г.Г., Шевченко К. Д. Миграция в условиях кризисного развития мирового сообщества и ее риски в России: монография / Москва: Прометей, 2020. 406 С.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, институт временного убежища. Автор сосредоточил свое внимание на рассмотрении соответствующих проблем государственного управления, статистики и административно-правового регулирования. Заявленные границы исследования полностью соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что автором использовались всеобщий диалектический, логический, статистический, формально-юридический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обоснована достаточно подробно: "Статус временного убежища в России является в настоящее время наиболее востребованным статусом в среде вынужденных мигрантов в России.

Вынужденная миграция в России ассоциируется в первую очередь со статусами беженца и временного убежища [1, с. 61]"; "МВД России в 2021 году предпринимало попытку реформирования института временного убежища и беженца путем оптимизации административных процедур и введения нового статуса – временной защиты – для предоставления в качестве базового статуса в случае экстренного массового прибытия вынужденных мигрантов. Реформа не была доведена до завершения, а законопроект остается и по сей день на стадии общественного обсуждения на соответствующем портале[+]. Таким образом, в российском праве настоящее время отсутствует статус, позволяющий оптимизировать и облегчить работу МВД России в условиях экстренного массового прибытия вынужденных мигрантов, что значительно осложняет государственное управление вынужденной миграцией в текущих геополитических реалиях [4, с. 44-53]. Также недостаточно эффективно реализуется прогностическая и статистическая функция в рамках государственного управления вынужденной миграцией в России [5, с. 69-72]. Это выражается как в общей неподготовленности системы государственного управления вынужденной миграцией к работе в экстренных режимах, так и в значительных административных барьерах, создающих сложности и для государства, и для вынужденных мигрантов, объективно нуждающихся в защите [6, с. 17-20]. Указанные проблемы требуют обстоятельного рассмотрения и выработки новых административно-правовых и управленческих подходов к их решению". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы проявляется в ряде предложений автора по реформированию административно-правового регулирования института временного убежища в Российской Федерации в системе государственного управления вынужденной миграцией в России: поскольку имеют место "... системные проблемы статистического учета вынужденных мигрантов в условиях экстренного приема, либо дефекты и ошибки в статистических данных и подсчетах. ... решением сложившейся ситуации в сфере статистики может стать наделение статистическим полномочиями единый государственный орган, который будет синхронизировать все статистические данные. Таким органом может стать Министерство внутренних дел, которое обладает всей полнотой информации в сфере вынужденной миграции"; "Институт временного убежища и институт беженца нуждаются в системном реформировании, поскольку согласно статистическим данным пользуются все меньшей популярностью среди вынужденных мигрантов, что может говорить об их недостаточной социальной актуальности. Также в российском законодательстве отсутствует специальный статус для вынужденных мигрантов, прибывших на территорию России в экстренном массовом порядке. ... внедрение нового правового статуса – временной защиты – с учетом оптимизированной административной процедуры и формирование новых управленческих схем может позитивно отразиться на качестве государственного управления в сфере вынужденной миграции". Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор на основании анализа статистического и аналитического материала выявляет ряд проблем, связанных с регламентацией предоставления временного убежища в России и предлагает пути их решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 10 источниками (монографиями и научными

статьями), не считая нормативного, статистического и аналитического материала. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в связи с направленностью исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются - предлагается наделение статистическими полномочиями единого государственного органа, "... который будет синхронизировать все статистическим данные. Таким органом может стать Министерство внутренних дел, которое обладает всей полнотой информации в сфере вынужденной миграции". Как указывает автор, "Институт временного убежища и институт беженца нуждаются в системном реформировании, поскольку согласно статистическим данным пользуются все меньшей популярностью среди вынужденных мигрантов, что может говорить об их недостаточной социальной актуальности". Справедливо отмечено, что "... в российском законодательстве отсутствует специальный статус для вынужденных мигрантов, прибывших на территорию России в экстренном массовом порядке. ... внедрение нового правового статуса – временной защиты – с учетом оптимизированной административной процедуры и формирование новых управленческих схем может позитивно отразиться на качестве государственного управления в сфере вынужденной миграции". Таким образом, выводы обладают свойствами достоверности и обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

Статья нуждается в тщательном вычитывании: в ней встречаются опечатки, повторы, орфографические и пунктуационные ошибки.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, конституционного права, административного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, устранении нарушений в оформлении работы.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Полстовалов О.В., Галяутдинов Р.Р. — Организованные формы онлайн-мошенничества: виды мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий и особенности их совершения // Юридические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.44223 EDN: MXFWZI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44223

Организованные формы онлайн-мошенничества: виды мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий и особенности их совершения

Полстовалов Олег Владимирович

ORCID: 0000-0003-4991-990X

доктор юридических наук

профессор кафедры криминалистики, Институт права, Уфимский университет науки и технологий"

450077, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131

✉ krimalist2010@mail.ru

Галяутдинов Рушан Радикович

ORCID: 0000-0002-1205-7608

кандидат юридических наук

доцент, кафедра криминалистики, Институт права ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий"

450077, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131

✉ rushan-94@mail.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2023.11.44223

EDN:

MXFWZI

Дата направления статьи в редакцию:

05-10-2023

Аннотация: Актуальность темы исследования. Правоохранительная и судебная практика в России столкнулась с массой ранее не существовавших видов мошенничества. Так

появилось мошенничество в сфере компьютерной технологии и использования высоких технологий. Наряду с этим развитие секторов экономики, кредитно-финансовой системы, коммерческих банков, появление новых информационных, банковских технологий, технических средств коммуникации породили организованные формы онлайн-мошенничества. Примитивные формы мошенничества сменяются все более изощренными, новые технологии проникают в нашу жизнь, так появились формы мошенничества с использованием chat gpt, то есть нейросетей. Вышеназванные обстоятельства обосновывают актуальность темы исследования. Предметом исследования являются различные виды мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий и особенности их совершения. Новизна темы публикации обусловлена необходимостью тщательного исследования новых организованных форм онлайн-мошенничества для предупреждения совершения таких преступлений. Впервые исследована «модификация» как способ компьютерного мошенничества, нейросеть, как способ совершения мошенничества. Предпринята попытка охарактеризовать организованную преступную группу, совершающую онлайн-мошенничество. Исследованы цифровые следы организованных форм онлайн-мошенничества. Целью настоящей публикации является выделение особенностей совершения организованных форм онлайн-мошенничества. Их выделение поможет эффективному раскрытию таких преступлений. В статье используются различные методы: всеобщий диалектический, логический, анализа нормативно-правового регулирования, формально-юридический, сравнительно-правовой. Выводы: на основе теории и правоприменительной практики определены ключевые элементы организованных форм онлайн-мошенничества, охарактеризованы ключевые особенности организованных преступных групп, их совершающих, установлена роль нейросетей в совершении рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова:

онлайн-мошенничество, компьютерное мошенничество, нейросеть, модификация, организованная группа, цифровые следы, правоприменительная практика, цифровизация, компьютеризация, новелла

Введение. Мошенничество в сфере компьютерной информации согласно букве закона является хищением чужого имущества или приобретением права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (ч. 1 ст. 159.6 УК РФ). Иными словами, под чистого рода хищение оно подпадает только в первой части формулировки, поскольку предполагается вариант «или приобретение права на чужое имущество». При этом способы совершения преступления уже названы в законе и охарактеризованы в научной литературе [\[1, с. 43\]](#). Изучением проблем онлайн-мошенничества: мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий занимались следующие ученые: Русскевич Е.А., Фролов М.Д., Шевченко Е.С., Тропина Т.Л. и другие.

Организованные формы онлайн-мошенничества: виды мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий и особенности их совершения. Мошенничество в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий в последнее время набирает все большие обороты [\[3, с. 22\]](#) и

достаточно примитивные формы обмана сменяются наиболее изощренными сценариями введения в заблуждение потерпевших. Если прежде телефонные обзвоны на предмет того, что якобы близкий родственник абонента попал в беду (стал жертвой дорожно-транспортного происшествия или угадил в полицию) были ориентированы на доверчивого потерпевшего и нередко срабатывали с людьми старшего и преклонного возраста, то в настоящее время использование возможностей нейросети открывает поистине безграничные возможности. От фейковых новостей, мошенничества и вымогательства под «продажу компрометирующих» видеоматериалов, до видеозвонок с моделированием точного изображения внешнего облика якобы звонящего близкого родственника – вот только не полный перечень тех направлений, где преступники могут приложить в полной мере свой криминальный талант. Нейросеть как инструмент искусственного интеллекта, которому под силу решение сложнейших задач, уже используется для розыгрышей, создания фейковых новостей и распространения порочащих честь и достоинство знаменитостей видеоматериалов. Поэтому высокоорганизованное мошенничество не останется в стороне от этих дополнительных ресурсов приложения преступных усилий. Важно понимать, что здесь нет традиционного для мошенничества обмана и введения в заблуждение, но злоумышленники все-таки используют недостаточную компьютерную грамотность пользователей и излишнюю их уверенность в собственной информационной безопасности. И так, злоумышленники прибегают к удалению (в ст. 272 УК РФ используется синонимичный термин «уничтожение») компьютерной информации с тем, чтобы добиться ее потери законным пользователем. Однако потеря далеко не всегда означает невозможность восстановления утраченных данных. Напротив, блокирование компьютерной информации осуществляется не с целью повлиять на качественные и количественные характеристики самой компьютерной информации, а для того, чтобы ограничить доступ или вовсе не допустить к этим ресурсам законного пользователя. Следствием блокировки компьютерной информации становится невозможность временного или постоянного получения доступа к этим данным, т.е. не происходит изменение содержания информации, которая остается нетронутой, но становится недоступной [\[2, с. 66\]](#). Модификация как способ совершения компьютерного мошенничества является средством полного или частичного видоизменения информации. Под иным вмешательством с точки зрения реализации намерений по осуществлению компьютерного мошенничества в практике зачастую понимают неправомерный доступ к компьютерной информации, ее копирование, если таковые приводят к хищению чужого имущества или приобретения прав на него.

Тем не менее, традиционные компьютерные и в целом высокотехнологичные виды мошенничества остаются в своем сегменте наиболее востребованными среди нечистых на руку дельцов [\[4, с. 32\]](#). Взлом аккаунтов позволяет мошенникам получить базу данных о знакомых его владельца, которым, как правило, рассылаются письма с просьбой оказать помощь в сложной жизненной ситуации. При этом, мошенники не гнушаются ничем: тяжелое состояние ребенка после дорожно-транспортного происшествия, пожар, где сгорели все близкие и имущество и пр. И чем чудовищнее объяснения под необходимость пожертвования, тем легче откликаются особенно неблизкие знакомые и перечисляют средства на счет мошенников. Близкие, как правило, пытаются созвониться с жертвой взлома аккаунта в соцсетях и тогда обман вскрывается.

Нередко в поле зрения правоохранительных органов попадают только рядовые исполнители из организованной преступной группы, тогда как «интеллектуальный центр» в лице ее руководства зачастую выявить не удастся. Максимальная анонимность,

использование псевдонимов и прозвищ, «цифровизация» своего участия [\[5, с. 65\]](#) в реализации общей схемы компьютерного мошенничества создают эффективную защиту от уголовного преследования. В частности, по деятельности одной из таких преступных группировок сложилась вполне стандартная для дел подобного рода ситуация. Неустановленные члены организованной группы под руководством участника, действующего под псевдонимом «Директор», обладающие специальными знаниями и навыками в сфере компьютерной информации, с преступными намерениями прибегли к распределению и использованию компьютерных программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования и нейтрализации средств защиты компьютерной информации. С помощью этих программ был обеспечен неправомерный доступ к локальной сети определенного «Директором» в качестве объекта преступного посягательства коммерческого банка, и соответственно – к командному серверу банковской локальной сети с персональными компьютерами сотрудников банка и внешних (периферийных) устройств – банкоматов. С помощью тех же деструктивных программ преступники получили доступ к управлению банкоматами, в том числе, путем направления им неправомерных команд на выдачу наличных денег без использования платежных банковских карт. Высокая организация преступной группы не предусматривала обязательное личное знакомство ряда ее участников друг с другом и руководителем, что обеспечивало конспирацию и никаким образом не мешало эффективности преступной деятельности. При этом взаимоотношения участников группы отличались высоким уровнем взаимного доверия и сплоченности. Высокая степень координации совместных усилий, точность исполнения криминальных ролей обеспечивали успешное совершение планируемых преступлений и распределение похищаемых денежных средств от непосредственных их получателей в банкоматах до руководителя. Организованная преступная группа отличалась устойчивостью, выразившейся в стабильности ее состава на протяжении длительного времени [\[1\]](#).

Характерным для компьютерного мошенничества по мнению некоторых ученых является то, что в ходе его осуществления и по результатам приложения преступных усилий не возникает особо острой необходимости скрывать следы преступления, поскольку рано или поздно выявление ущерба становится очевидным. Такого мнения придерживаются, например, Русскевич Е.А. и Фролов М.Д. Мы не можем согласиться с данными учеными, так как именно в организованных формах онлайн-мошенничества сокрытие следов может осуществляться через зарубежные серверы информации или сервисов GPT. А согласно собственной правоприменительной практике автора иногда следы скрываются в сговоре с самими сотрудниками онлайн-субъекта. Добросовестный и профессиональный сотрудник службы безопасности немедленно отреагирует и поведет себя в соответствии с должностной инструкцией, тогда как тот работник, который участвует в реализации преступной схемы даже при очевидности причиненного ущерба будет скрывать произошедшее. При этом, само сокрытие следов изначально заложено в способах реализации преступных намерений, поскольку максимальная законспирированность главных действующих лиц преступной группы, ее организаторов, дистанцирование их от рядовых исполнителей и отсутствие личных и уж тем более близких контактов создают необходимые условия для их защиты от уголовного преследования.

Нередко сложность в доказывании причастности к преступлению конкретных организаторов возникает в связи с существующей негласной, но от этого не менее императивной, «корпоративной солидарностью», которая выстраивается на том, что находящийся под следствием исполнитель, пособник, и намного реже – подстрекатель, не без оснований рассчитывает на юридическую помощь и коррупционные связи своего покровителя, организатора преступной группы. Такая корпоративная солидарность

присуща большинству преступных групп мошенников, поскольку нередко эта надежда на поддержку «с воли» оказывается более сильным мотивом, нежели предусмотренные законом преференции, когда, к примеру, досудебное соглашение о сотрудничестве выглядит куда как менее убедительным стимулом в содействии органам расследования и дознания в решении задач изобличения всех виновных в содеянном. Кроме того, преданность корпоративным интересам преступной группы нередко стимулируется возможностью поучаствовать в распределении криминальной прибыли уже после освобождения из заключения. Нередко попавшие в сферу уголовного преследования рядовые члены мошеннической преступной группы просто не могут покинуть порочный круг, поскольку по выходу на свободу им просто некуда будет вернуться. Это характерно в особенности для национально-этнических преступных групп мошенников.

Заключение. И так, в сфере реализации высокоорганизованных преступных технологий компьютерного мошенничества выделяются следующие особенности: 1) тщательная подготовка в виде анализа системы защиты банка, иного хозяйствующего субъекта, разработки плана реализации преступных намерений и сокрытия факта участия в нем конкретных лиц, приискания и отладки соответствующего оборудования и программного обеспечения, вовлечения соучастников и распределение между ними ролей, степени и форм участия каждого, четкой алгоритмизации совместных действий к достижению преступного результата, проработки дележа полученной преступной прибыли и разного уровня отмыывание преступного дохода; 2) применение высокого уровня специальных знаний при использовании компьютерного оборудования и программного обеспечения в преступных целях; 3) максимальная дистанцированность от личных контактов участников преступной группы; 4) легендирование законности полученного преступного дохода и отмыывание денежных средств, полученных такого рода криминальным путем; 5) быстрота и высокая эффективность предпринимаемых мошенниками действий, направленных на достижение преступного результата.

[1] Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутии) от 26 августа 2019 г. по уголовному делу № 1-1462/2018 по обвинению Булахова Д.Д. и Булахова И.Д. в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 272, ч.2 ст. 273 и ч.4 ст. 159.6 УК РФ.

Библиография

1. Драпкин Л.Я. Криминалистика / под ред. Л.Я. Драпкина. М: Юрайт, 2012.
2. Русскевич Е.А., Фролов М.Д. Мошенничество в сфере компьютерной информации: монография. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2020.
3. Шевченко Е.С. Тактика отдельных следственных действий при расследовании киберпреступлений // Закон и право. 2015. № 8. С. 128-138.
4. Тропина Т. Л. Компьютерное мошенничество: вопросы квалификации и законодательной техники. М., 2006.
5. Цифровизация экономических систем: теория и практика: монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье, как это следует из ее наименования, должны были являться организованные формы (т.е. внешние проявления, виды) онлайн-мошенничества. Перечислению этих форм посвящена вводная часть работы. В основной части статьи автор фактически выявил особенности данного вида преступлений, которые в итоге перечисляются в заключительной части статьи. Таким образом, наименование работы не соответствует ее фактическому содержанию и должно быть уточнено.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования во вводной части работы не обоснована, хотя в начале основной части статьи содержится следующее положение: "Мошенничество в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий в последнее время набирает все большие обороты [3, с. 22] и достаточно примитивные формы обмана сменяются наиболее изощренными сценариями введения в заблуждение потерпевших". Также ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, и раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна работы, прямо не говорится. Фактически она отражается в некоторых заключениях автора: "... в сфере реализации высокоорганизованных преступных технологий компьютерного мошенничества выделяются следующие особенности: 1) тщательная подготовка в виде анализа системы защиты банка, иного хозяйствующего субъекта, разработки плана реализации преступных намерений и сокрытия факта участия в нем конкретных лиц, приискания и отладки соответствующего оборудования и программного обеспечения, вовлечения соучастников и распределение между ними ролей, степени и форм участия каждого, четкой алгоритмизации совместных действий к достижению преступного результата, проработки дележа полученной преступной прибыли и разного уровня отмытие преступного дохода; 2) применение высокого уровня специальных знаний при использовании компьютерного оборудования и программного обеспечения в преступных целях; 3) максимальная дистанцированность от личных контактов участников преступной группы; 4) легендирование законности полученного преступного дохода и отмытие денежных средств, полученных такого рода криминальным путем; 5) быстрота и высокая эффективность предпринимаемых мошенниками действий, направленных на достижение преступного результата". Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична. Вводная часть исследования практически отсутствует. В основной части статьи автор на основании анализа некоторых теоретических источников и материалов судебной практики выявляет ряд особенностей мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи, как уже было отмечено, не соответствует ее наименованию.

Библиография исследования представлена 5 источниками (монографиями, научной статьей и учебником). С формальной точки зрения этого достаточно. Фактически автору необходимо привести в соответствие наименование работы и ее содержание.

Апелляция к оппонентам отсутствует, что недопустимо для научной статьи. Автор ссылается на ряд источников исключительно в подтверждение своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы. В научную дискуссию он не вступает.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("И так, в сфере реализации высокоорганизованных преступных технологий компьютерного мошенничества выделяются следующие особенности: 1) тщательная подготовка в виде анализа системы защиты банка, иного хозяйствующего субъекта, разработки плана реализации преступных намерений и сокрытия факта участия в нем конкретных лиц, приискания и отладки соответствующего оборудования и программного обеспечения, вовлечения соучастников и распределение между ними ролей, степени и форм участия каждого, четкой алгоритмизации совместных действий к достижению преступного результата, проработки дележа полученной преступной прибыли и разного уровня отмыывание преступного дохода; 2) применение высокого уровня специальных знаний при использовании компьютерного оборудования и программного обеспечения в преступных целях; 3) максимальная дистанцированность от личных контактов участников преступной группы; 4) легендирование законности полученного преступного дохода и отмыывание денежных средств, полученных такого рода криминальным путем; 5) быстрота и высокая эффективность предпринимаемых мошенниками действий, направленных на достижение преступного результата"), являются достоверными и обоснованными, и, безусловно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

Статья нуждается в дополнительном вычитывании. В ней встречаются опечатки.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и криминологии при условии ее доработки: уточнении наименования работы и ее структуры, раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, введении элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена научная статья с наименованием «Организованные формы онлайн-мошенничества: виды мошенничества в сфере компьютерной информации и использования высоких технологий и особенности их совершения» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Текст статьи, тематика, структура документа соответствуют шифру научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» в части научного исследования по паспорту п. 3: Теория уголовного права: уголовно-правовое регулирование; преступление, уголовная ответственность; применение уголовного права; социальная обусловленность и эффективность уголовного права, закономерности и тенденции его развития и совершенствования», а также требованиям научного журнала в части актуальности, новизны, способности вызвать интерес у читательской аудитории.

Так, в качестве предмета исследования автор в своей статье предлагает к изучению высокотехнологичные способы совершения онлайн-мошенничеств, что относится к закономерностям совершения преступлений в онлайн-пространстве. Также автор подкрепляет свои выводы по предмету исследования теоретическими изысканиями ученых-исследователей по заданной теме и практическими аргументами, что укладывается в классическую «схему» изучения указанного предмета. Методология исследования основана на системе общенаучных и частных научных методов. В статье использовались при изложении материала и формулировании выводов метод логического осмысления; при анализе следственно-судебной практики использован статистический метод.

Актуальность рецензируемого исследования не вызывает сомнений, поскольку развитие высоких технологий, изворотливость преступников в пространстве сети Интернет, доверчивость граждан и техническое, кадровое отставание правоохранительных органов уже много лет являются «благодатной почвой» для кибер-преступников. Автор правильно отмечает наличие правовых и теоретических пробелов, которые усугубляют ситуацию и повышают уровень необходимости их нивелирования.

Научная новизна статьи заключается в проведенном комплексном исследовании организованных форм онлайн-мошенничеств, их видов, способов и особенностей совершения и формулирования авторской системы особенностей предмета исследования, а также обстоятельств, подлежащих обязательному установлению по указанному виду преступного посягательства. Все это в целом имеет важное теоретическое и практическое значение.

Стиль написания текста носит научный характер. Структура представлена введением, основным содержанием и заключением, что соответствует требованию, предъявляемому к научным статьям. Содержание статьи соответствует заявленной тематике и характеру подлежащих исследованию вопросов.

В работе использованы труды ученых-специалистов в изучаемой сфере. Использованные монографические исследования относятся к современному периоду развития научной мысли. Всего использовано пять источников из теоретических исследований, а также нормативно-правовые акты и судебная практика. Поэтому библиографический перечень соответствует предъявляемым требованиям.

Выводы, сделанные автором статьи, заслуживают внимания и одобрения у читательской аудитории из числа обучающихся вузов, ученых и практических работников органов правопорядка.

Научная статья может быть рекомендована к опубликованию.

Англоязычные метаданные

Features of legal regulation in the context of a pandemic.

Schmidt Tatiana

PhD in Law

Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Altai State Technical University
named after I.I. Polzunov

656038, Russia, Altai Krai, Barnaul, Lenin Ave., 46, office 249

✉ shmitatyana@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the key vectors of the impact of extraordinary circumstances on the legal regulation. Particular attention is paid to the influence of the COVID-19 pandemic as a sample of natural unforeseen conditions that greatly affected the legal framework. The impact of the exceptional circumstances on the legal regulation determines the trends in the development of domestic legislation in this area. The author studied the set of legislative acts adopted during the coronavirus pandemic. Within the framework of the research methodology, general scientific methods (synthesis, induction-deduction approaches, generalization, etc.) and specialized methods (formal legal, comparative legal, etc.) were used. The study identified key areas of the impact of emergency circumstances on the legal framework during the coronavirus pandemic, the analysis of the impact of which serves as a basis for the subsequent development of legal regulation in such situations. The impact of the coronavirus pandemic, as a sample of natural exceptional conditions, acts in increasing the scope of legal regulation, which causes the expansion of the regulatory framework; the development of legal regulation outside the specified area; increased activity in the use of quasi-legal mechanisms; modification of the boundaries between mandatory and optional legal regulation; blurring the boundaries between individual legal areas through formation of new "cyclical legal segments"; modification of the legal framework as a whole.

Keywords: development of law, synthesis, research methodology, legal regulation, coronavirus, COVID-19 pandemic, extraordinary circumstances, legal regulation limits, extreme situations regulation, induction-reduction approaches

References (transliterated)

1. Adu, Ya. N. Zashchita prav cheloveka v usloviyakh chrezvychainoi situatsii na primere pandemii Kovid-19 / Ya. N. Adu, A. Ieo // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2020. – № 12(151). – S. 26-32.
2. Anan'eva, E. O. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti v sfere transportnykh obyazatel'stv pri vvedenii ogranichenii v usloviyakh pandemii koronavirusa / E. O. Anan'eva, M. N. Makhaboroda // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2021. – № 2. – S. 53-57.
3. Arkhipov, A. M. Chrezvychainoe zakonotvorchestvo v usloviyakh pandemii: usloviya balansa interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva / A. M. Arkhipov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2021. – № 2(54). – S. 232-234.
4. Velichko, N. N. Zashchita naseleniya Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh chrezvychainykh situatsii i pandemii SARS-CoV-2 / N. N. Velichko // Tverskoi meditsinskii zhurnal. – 2021. – № 5. – S. 10-15.

5. Kurmanaliev, N. Zh. Spetsial'noe pravovoe regulirovanie v usloviyakh pandemii novoi koronavirusnoi infektsii / N. Zh. Kurmanaliev // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 11(215). – S. 88-91.
6. Mel'nikova, A. S. Analiz pravovogo regulirovaniya natsional'noi bezopasnosti i zhiznideyatel'nosti v usloviyakh pandemii / A. S. Mel'nikova // Nauchnyi elektronnyi zhurnal Meridian. – 2021. – № 3(56). – S. 18-20.
7. Mikhailenko, N. V. Nekotorye osobennosti realizatsii administrativno-pravovoi politiki i ogranicheniya prav grazhdan v usloviyakh pandemii / N. V. Mikhailenko, E. O. Bondar' // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2020. – № 4. – S. 237-241.
8. Pravovoe regulirovanie natsional'noi bezopasnosti v usloviyakh pandemii v Rossii / L. Yu. Grudtsyna, T. I. Krishtaleva, O. E. Kachkova, P. S. Seleznev // Obrazovanie i pravo. – 2020. – № 8. – S. 20-24.
9. Sibiryayev, A. S. Elektronno-tsifrovoe obshchestvo v usloviyakh chrezvychainykh situatsii (pandemiya) / A. S. Sibiryayev, A. A. Turovskii // Samoupravlenie. – 2021. – № 4(126). – S. 650-653.
10. Smirnova, M. G. Transformatsiya pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii v usloviyakh pandemii / M. G. Smirnova // Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta. – 2021. – T. 7, № 2. – S. 21-25.
11. Syropyatova, S. B. Pravovoe regulirovanie natsional'noi bezopasnosti i zhiznideyatel'nosti v usloviyakh pandemii / S. B. Syropyatova, L. M. Allanina // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2020. – T. 1, № 2(95). – S. 139-147.
12. Chekharina, V. I. Chrezvychainoe polozhenie v Pol'she: konstitutsionnoe regulirovanie i "gibridnyi" kharakter vo vremya pandemii COVID-19 / V. I. Chekharina // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. – 2021. – № 4(143). – S. 41-67.

Problematic aspects of the practice of reducing penalties in Russian civil law

Vronskaya Mariya Vladimirovna

PhD in Law

Associate Professor at the Department of Private Law of Mdivostok State University of Economics and Service

690014, Russia, Mdivostok, Primorsky Krai, 42 Balyaeva str., sq. 119

✉ m.vronskaya@mail.ru

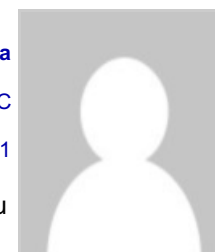

Ekhlakova Yuliya Vasil'evna

lawyer, Legal Clinic LLC

690014, Russia, Primorsky Krai, Mdivostok, Gogol str., 41

✉ Golya7795@mail.ru

Abstract. The established practice of applying Articles 330-333 of the Civil Code of the Russian Federation does not always contribute to the effective use of penalties to ensure the fulfillment of obligations. This may be due to the lack of a legal definition of "lost profit" in the law, clear criteria for the apparent disproportionality of the penalty to the consequences of non-fulfillment of the obligation, with the presence in Article 330 of the Civil Code of the Russian Federation of the evaluation category "apparent disproportionality", which the courts

interpret differently, and sometimes bypassing explanations on this score of higher judicial instances. Legal uncertainty is created by the norms of Parts 1 and 2 of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, which do not allow making an unambiguous conclusion about the legality of applying their provisions to reduce the legal penalty to persons engaged in entrepreneurial activity. The subject of scientific research is to identify problematic issues of law enforcement practice to reduce the penalty in accordance with Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation. The paper uses formal legal and comparative legal analysis of judicial practice in order to formulate the author's conclusions regarding the subject of the study. Through the application of this methodology, it was established that the courts are based on the norms of Articles 330-333, 394 of the Civil Code of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of 03/24/2016, No. 81 of 12/22/2011, acts of the Constitutional and Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, as well as on the provisions of federal laws and other regulatory legal acts, however, the practice of applying Part 1 of art. 333 The Civil Code of the Russian Federation in relation to persons engaged in entrepreneurial activity is dichotomous, there is no uniformity. According to the results of the study, problems were identified, solutions were proposed, expressed in the consolidation in Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation of clear grounds (criterion) for reducing the penalty in order to avoid excessively broad judicial discretion, and in fact arbitrary judicial interpretation of the apparent disproportionality of the penalty to the consequences of non-fulfillment of the obligation.

Keywords: securing obligations, creditor, entrepreneurial activity, judicial discretion, Civil responsibility, arbitrage practice, proportionality, downsizing, penalty, legal problems

References (transliterated)

1. Zakharov D. E. K voprosu o sootnoshenii sposobov obespecheniya obyazatel'stv i mer grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti // VEPS. 2018. № 3. S. 83-84.
2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. / O. G. Alekseeva, E. R. Aminov, M. V. Bando i dr.; pod red. B. M. Gongalo.-3-e izd., pererab. i dop.-M.: Statut, 2022. – 357 c.
3. Grave K.A. Dogovornaya neustoika v sovetskom prave. – M.: Gosyurizdat, 1950. 136 s.
4. Raikher V.K. Pravovye voprosy dogovornoj distsipliny v SSSR / V.K. Raikher.-L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1958.
5. Pergament M.Ya. Dogovornaya neustoika i interes. 2-e izd., dop. M.: Izd. kn. magazina I.K. Golubeva pod firmoyu Pravovedenie, 1905. 368 s.
6. Meier D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. 5-e izd. – M.: Kniga po trebovaniyu, 2012. – 454 s.
7. Braginskii M.I. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya. Obshchie polozheniya / M.I. Braginskii, V.V. Vitryanskii. – M.: Statut, 2011. – 476 s.
8. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / otv. red. E.A. Sukhanov. – 2-izd., pererab. i dop. T. I: Obshchaya chast'. – M.: Statut-M, 2023. – 576 s.
9. Gongalo B.M. Uchenie ob obespechenii obyazatel'stv. – M.: Statut, 2022. 222 s.
10. Artemenko M.S. Rol' neustoiki v obespechenii ispolneniya planovo-dogovornykh obyazatel'stv v novykh usloviyakh khozyaistvovaniya. – Moskva, 1986. – 177 s.
11. Vyatchin V.A Rol' neustoiki v usloviyakh svobody dogovora: dis. kand. yurid. nauk / V.A. Vyatchin.-Saratov, 1999. – 214 s.
12. Malikova E.M. Pravovoe regulirovanie neustoiki na sovremennom etape: dis. kand. yurid. nauk. –Kazan', 2001. – 165 s.
13. Konovalov A.I. Neustoika v kommercheskom oborote: dis. kand. yurid. nauk. – SPb.,

2003. – 178 s.

14. Dolmatova Yu.V. Neustoika v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: dis. kand. yurid. nauk. – M.: Nauka, 2006. – 212 s.
15. Grishin D.A. Neustoika: voprosy teorii i praktiki: dis. kand. yurid. nauk. – M.: Nauka, 2004. – 193 s.
16. Melikov G.I. Neustoika: problemy pravovoi prirody i ispol'zovaniya v dogovornykh otnosheniyakh v svete reformy grazhdanskogo zakonodatel'stva: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03 / Georgii Ignat'evich Melikov.-Moskva, 2019. – 189 s.

The concept of deepfake in Russian law, classification of deepfake and issues of their legal regulation

Bodrov Nikolay Filippovich

PhD in Law

Associate Professor of the Department of forensic expertise Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law)

123242, Russia, Moscow region, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, room 729

✉ bodrovnf@gmail.com

Lebedeva Antonina Konstantinovna

PhD in Law

Associate professor of Forensic Expertise's department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

125993, Russia, Moscow, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9

✉ tonya109@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issues of legal regulation of deepfake in the Russian Federation. Legal regulation of deepfake does not keep up with the pace of development of artificial intelligence technologies. The authors emphasize that there is no definition of deepfake in the current legislation, and the existing formulations in scientific works are extremely contradictory in nature. Taking into account the pace of development of artificial intelligence technologies, it is necessary to legislate the definition of deepfake. The authors note that the classification of deepfakes is fundamentally important for the legal regulation of these technologies. According to the results of the analysis of modern neural networks the species classification of deepfakes is offered. Taking into account the authors' proposed definition of the concept of "deepfake" and taking into account the lack of legal mechanisms to regulate social relations in the sphere of use and distribution of deepfake, which cause the development of digital transformation, it is important to form mechanisms to adapt the legal system to the challenges associated with the development of deepfake technologies.

Keywords: digital technologies, transformation of law, criminal law, neural networks, synthesized speech, deepfake's classification, legal regulation, generative content, deepfakes, watermarks

References (transliterated)

1. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Perspektivy sudebno-ekspertnogo issledovaniya sintezirovannoi zvuchashchei rechi / N. F. Bodrov, A. K. Lebedeva // Zakony Rossii:

- opyt, analiz, praktika. 2021. № 3. S. 9-13.
2. Bodrov N. F. Sudebno-ekspertnoe issledovanie sintezirovannoi zvuchashchei rechi / N. F. Bodrov, A. K. Lebedeva // Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie i kachestvo pravovoi sredy : Sbornik dokladov VIII Moskovskogo yuridicheskogo foruma (XIX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya): v 5 ch., Moskva, 08–10 aprelya 2021 goda. Tom Ch. 4. Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2021. S. 263-266.
 3. Danilenko Yu. A. Problemy rassledovaniya otdel'nykh vidov kiberprestuplenii, sovershennykh s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta / Yu.A. Danilenko // problemy polucheniya i ispol'zovaniya dokazatel'stvennoi i kriminalisticheskoi informatsii. 2019. S. 37-39.
 4. Ignatenkov G. K. Tekhnologiya dipfeik kak ugroza informatsionnoi bezopasnosti / G. K. Ignatenkov // Nauka. Issledovaniya. Praktika : Sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 25 iyunya 2022 goda. Sankt-Peterburg: Chastnoe nauchno-obrazovatel'noe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya Gumanitarnyi natsional'nyi issledovatel'skii institut «NATsRAZVITIE», 2022. S. 74-77.
 5. Lebedeva A. K. Tekhnologii golosovogo sinteza i sudebnaya fonoskopicheskaya ekspertiza / A. K. Lebedeva // Vestnik kriminalistiki. 2020. № 3(75). S. 55-60.
 6. Luzhinskaya E. L. Osobennosti issledovaniya izobrazhenii vneshnego oblika cheloveka, izmenennogo pri pomoshchi programmnykh sredstv / E. L. Luzhinskaya, V. A. Chvankin // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy. 2022. № 2(52). S. 116-121.
 7. Ovchinnikov A.V. Rasprostranenie Dipfeikov V Internet-Prostranstve: Problemnye aspekty pravovogo regulirovaniya / A.V. Ovchinnikov. 2022. Rasprostranenie dipfeikov v internet-prostranstve. S. 245-255.
 8. Rybakov O.Yu. Chelovek, pravo, tsifrovye tekhnologii: sovremennye napravleniya issledovaniy (obzor Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii) / Rybakov O.Yu. // Monitoring pravoprimeneniya. – 2020. – Chelovek, pravo, tsifrovye tekhnologii. № 2 (35). S. 83-87.
 9. Setevoe izdanie «Kommersant'» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4081979> (data obrashcheniya 30.10.2023).
 10. Smirnov A. A. «Glubokie feiki». Sushchnost' i otsenka potentsial'nogo vliyaniya na natsional'nuyu bezopasnost' / A.A. Smirnov // Svobodnaya mysl'. 2019. № 5 (1677). S. 63-84.
 11. Udalennaya identifikatsiya | Bank Rossii [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.cbr.ru/fintech/digital_biometric_id/ (data obrashcheniya: 01.10.2023).
 12. Yavorskii M. A. Deepfake: legal problems and their solution / M.A. Yavorskii, T.V. Mavrinskaya // Aktual'nye problemy razvitiya pravovoi sistemy v tsifrovuyu epokhu. 2019. S. 134-138.
 13. Apnews [Elektronnyi resurs]. URL: <https://apnews.com/article/germany-church-protestants-chatgpt-ai-sermon-651f21c24cfb47e3122e987a7263d348> (data obrashcheniya 10.10.2023).
 14. Attention is All you Need / A. Vaswani [i dr.] // Advances in Neural Information Processing Systems / red.I. Guyon [i dr.]. Curran Associates, Inc., 2017. T. 30.
 15. OpenAI. (2023). ChatGPT (versiya ot 25 sentyabrya) [bol'shaya yazykovaya model']. <https://chat.openai.com>.
 16. Chengyi Wang, Sanyuan Chen, Yu Wu, Ziqiang Zhang Long, Zhou Shujie Liu, Zhuo Chen Yanqing Liu, Huaming Wang, Jinyu Li Lei He Sheng, Zhao Furu Wei (Microsoft). Neural

- Codec Language Models are Zero-Shot Text to Speech Synthesizers. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://lifeiteng.github.io/valle/index.html> (data obrashcheniya 30.10.2023).
17. ElevenLabs [Elektronnyi resurs]. URL: <https://beta.elevenlabs.io/speech-synthesis> (data obrashcheniya 28.10.2023).
 18. Extracting Training Data from Large Language Models / N. Carlini [i dr.] // USENIX Security Symposium. 2020.
 19. Fakeyou. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://fakeyou.com/clone> (data obrashcheniya 30.10.2023).
 20. Mehdi Y. Reinventing search with a new AI-powered Microsoft Bing and Edge, your copilot for the web [Elektronnyi resurs]. URL: <https://blogs.microsoft.com/blog/2023/02/07/reinventing-search-with-a-new-ai-powered-microsoft-bing-and-edge-your-copilot-for-the-web/> (data obrashcheniya: 01.10.2023).
 21. Midjourney.su [Elektronnyi resurs]. URL: <https://midjourney.su/article/usloviya-servisa/?ysclid=libsesc661284902146> (data obrashcheniya: 30.10.2023).
 22. SpiritMe [Elektronnyi resurs]. URL: <https://spiritme.tech> (data obrashcheniya 30.10.2023).
 23. Synthesia [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.synthesia.io/> (data obrashcheniya 30.09.2023).
 24. TCS Bank Is First Among Russian Banks to Introduce Voice Authentication System for Its Call Centre — Tinkoff news [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/21102014-tcs-introduce-voice-authentication-system/> (data obrashcheniya: 14.10.2023).
 25. Tencent Cloud [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.tencentcloud.com/> (data obrashcheniya: 01.10.2023).
 26. The Wall Street Journal [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.wsj.com/articles/i-cloned-myself-with-ai-she-fooled-my-bank-and-my-family-356bd1a3> (data obrashcheniya 30.10.2023).
 27. Zalán Borsos, Matt Sharifi, Damien Vincent, Eugene Kharitonov, Neil Zeghidour, Marco Tagliasacchi. SoundStorm: Efficient Parallel Audio Generation. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://google-research.github.io/seanet/soundstorm/examples/> (data obrashcheniya 30.10.2023).

Legal and factual grounds for the formation of evidence at the pre-trial stage of criminal proceedings

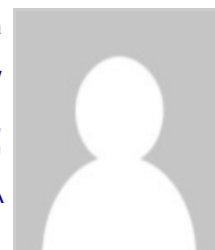
Shepeleva Olga Rinatovna

PhD in Law

Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

196605, Russia, Saint Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe highway, 10, lit.A

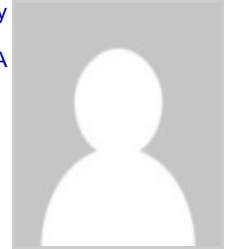
✉ zaripova_or@mail.ru

Preblagina Kristina Igorevna

Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University
196605, Russia, Saint Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe highway, 10, lit. A

✉ kristina.preblagina@mail.ru

Abstract. The subject of the study is legal relations arising in connection with the criminal law and criminological aspects of determining the subject of evidence in criminal proceedings and its establishment. The methodological basis of the study is special methods of cognition (formal legal and comparative-legal), and general, which should include methods such as abstraction, analysis and synthesis, induction and deduction, and methods of theoretical research - dialectical, ascent from the abstract to the concrete and logical. The main conclusions of the study are that currently the investigator /inquirer at the pre-trial stages of criminal proceedings carry out activities to collect, verify and evaluate evidence included in the subject of evidence in a criminal case. This activity is carried out through the implementation of investigative and other procedural actions. Having considered the individual problems of collecting evidence by the investigator/inquirer, we come to the conclusion that, for the purposes of improving pre-trial evidence, it is necessary to clearly regulate the legal status of such an action as "obtaining explanations" in the process of considering a crime report (the form of obtaining explanations; procedural rules for obtaining explanations; legal regulation of the status of those persons from whom explanations are received, etc.) Thus, based on the results of the study, it is concluded that it is necessary to improve a number of norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and specific changes are proposed.

Keywords: obtaining evidence, verification of evidence, evaluation of evidence, collecting evidence, procedural actions, establishment of the subject of proof, proofs, investigative actions, subject of proof, proving

References (transliterated)

1. Petrovskii Z.M. Predmet dokazyvaniya v ugovnom protsesse: ponyatie i sodержanie // Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii. 2022. № 1. S. 105-110.
2. Brizhatov E.A. Predmet i predely dokazyvaniya v ugovnykh delakh: ponyatie, sodержanie, problemy opredeleniya // Nauchnye vyskazyvaniya. 2022. № 15 (23). S. 43-46.
3. Elesina I.G., Kislova N.A., Belova S.N. Predmet dokazyvaniya po razlichnym kategoriyam ugovnykh del // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2023. № 2. S. 202-204.
4. Belkin A.R. Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve. M.: Norma, 2017. 231 S.
5. Pletnev V.V. Sushchnost', tsel' i znachenie dokazyvaniya // Rossiiskaya yustitsiya. 2012. № 1. S. 35-36.
6. Tokarenko E.S. Osnovnye priznaki sledstvennykh deistvii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 4 (18). S. 51-54.
7. Rossinskii S.B. Eshche raz o ponyatii i sushchnosti sledstvennykh deistvii v ugovnom sudoproizvodstve: diskussiya ne zakonchena... // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2021. № 1. S. 74-83.
8. Sementsov V.A. O sootnoshenii sledstvennykh i innykh protsessual'nykh deistvii, prednaznachennykh dlya sobiraniya dokazatel'stv // Zakony Rossii: opyt, analiz,

- praktika. 2015. № 2. S. 39-45.
9. Stel'makh V.Yu. Ponyatie i otlichitel'nye priznaki sledstvennykh deistvii // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2014. № 2. S. 88-97.
 10. Kurs ugolovnogo protsessa / A.A. Arutyunyan, L.V. Brusnitsyn, O.L. Vasil'ev i dr.; pod red. L.V. Golovko. M.: Statut, 2016. 1278 s.
 11. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma. M.: Yurlitinform, 2001. 208 s.
 12. Ugolovnyi protsess: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. A.V. Grinenko. M.: Norma. 2012. 495 s.
 13. Grigor'ev A.I. Dopustimost' ob'yasnenii v kachestve dokazatel'stv po ugolovnomu delu // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2013. № 5 (92). S. 145-148.
 14. Michurina O.V. Evolyutsiya poryadka rassmotreniya soobshcheniya o prestuplenii: ot dosledstvennoi proverki do kvazirassledovaniya // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. 2019. № 1. S. 56-60.
 15. Arkhiv Leningradskogo oblastnogo suda.

Information Technologies and the Collective Subject of Law

Sukharev Mikhail Valentinovich

PhD in Economics

Senior Scientific Associate, Institute of Economics, Department of Multidisciplinary Scientific Research, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences

185030, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, A.Nevsky Ave., 50, office 313

✉ suharev@narod.ru

Abstract. The article deals with the problem of a collective subject in the conditions of the spread of digital communications. The classification of collective subjects is a definite problem for legal science. There are social, political, and economic collective entities. A collective entity exists under the following conditions. Firstly, there should be a possibility of constant communication between the members of the team. Secondly, the team conducts one or more types of common activities. Thirdly, the team members participate in the development of directions and ways of future activities. Fourth, they can directly or indirectly influence decisions on the choice of one of the proposed options for future activities. The spread of digital communications significantly increases the connectivity of large teams. There is a possibility of existence of geographically distributed collective entities, whose members are located in different countries. The research method is based on the analysis of changes in the ways of communication between individuals who make up a collective subject. Digital networks allow for discussions (including those protected by cryptography), voting, foresight, the use of digital signatures, and automatic logging of all communication. Compared to telephone communication, digital communications allow the simultaneous participation of hundreds of people (collective chat). The speed of e-mail transmission is thousands of times higher than the speed of written messages. The new tools allow for video conferences with demonstrations of graphic and tabular materials. Voting using secure protocols and digital signatures is possible. There are decision support systems, computer models (digital doubles) of objects that need to be managed to make decisions. All this leads to a significant change in the quality and effectiveness of collective subjects. New types of collective actors (virtual communities) are emerging, which ultimately influence events in the real world. Legal science needs to start studying the processes of digitalization and comprehend their theoretical

significance for jurisprudence.

Keywords: collective subject, network community, digital twin, decision support systems, communication, cognitive, implicit knowledge, subject, informatization, digitalization

References (transliterated)

1. Samylov I.V. Ponyatie i sistema kollektivnykh sub"ektov prava // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2009. Vypusk 4 (6). S. 25-32.
2. Velieva D.S. Kollektivnye sub"ekty konstitutsionnykh prav // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2013. №4 (93). S. 205-208.
3. Kasavin I.T. Kollektivnyi sub"ekt kak predmet epistemologicheskogo analiza / I. T. Kasavin // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2015. T.46, № 4. S. 5-18.
4. McCarthy D.E. Knowledge as Culture: The New Sociology of Knowledge. New York&London: Routledge, 1996.
5. Viale R. Methodological Cognitivism. Vol. 1: Mind, Rationality, and Society. Heidelberg, Dordrecht, London, New York: Springer, 2012. doi:10.1007/978-3-642-24743-9
6. Riesch, H. Philosophy, history and sociology of science: Interdisciplinary relations and complex social identities // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2014. V.48. Pp. 30-37. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2014.09.013>
7. Sukharev M.V. Evolyutsionnoe upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2008.
8. Ivanova M.A. Pravovaya kul'tura v usloviyakh razvitiya setevogo obshchestva // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2019. T.8.2(27). S. 149-152. doi:10.26140/bgz3-2019-0802-0035
9. Rabazanov S.A. Obshchestvennye ob"edineniya – kollektivnye sub"ekty konstitutsionnykh otnoshenii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2021. T. 21, vyp. 3. S. 348–354. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-348-354>
10. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. SPb.: Piter, 2003.
11. Psikhologiya individual'nogo i gruppovogo sub"ekta // Pod red. A.V. Brushlinskogo, M.I. Volovikovoi. M.: PER SE, 2002. 368 s. S. 9.
12. Tuomela, R. Kto boitsya gruppovykh sub"ektov deistviya i gruppovykh soznanii? // Mysl'. Zhurnal Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva. 2016. № 21. S. 7-33.
13. Sukharev M.V. Ideomaterial'nye polisistemy i politika // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2022. № 6. S. 1-22. doi: 10.7256/2454-0668.2022.6.38969
14. Chetverikov A.O. Bol'shoi adronnyi kollaidier kak yuridicheskii fenomen // Lex Russica. 2019. № 4 (149). S. 151-169.
15. Evans J.A., Rzhetsky A. Advancing Science through Mining Libraries, Ontologies, and Communities // Journal of Biological Chemistry. 2011. V. 286 (27). Pp. 23659-23666. doi:10.1074/jbc.R110.176370
16. Iba T. An Autopoietic Systems Theory for Creativity // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2010 V. 2 (4). Pp. 6610-6625, ISSN 1877-0428, doi:10.1016/j.sbspro.2010.04.071
17. Koch, C., Jones, A. Big Science, Team Science, and Open Science for Neuroscience, Neuron. 2016 V. 92(3). Pp. 612-616. doi:10.1016/j.neuron.2016.10.019
18. Lambiotte R., Panzarasa P. Communities, knowledge creation, and information diffusion // Journal of Informetrics. 2009. V.3 (3). Pp. 180-190.

doi:10.1016/j.joi.2009.03.007

19. Dich, L. Community Enclaves and Public Imaginaries: Formations of Asian American Online Identities // Computers and Composition. 2016. V. 40. Pp. 87-102.
doi:10.1016/j.compcom.2016.03.012
20. Jindal, R., Seeja, Shivani Jain, S. Construction of domain ontology utilizing formal concept analysis and social media analytics // International Journal of Cognitive Computing in Engineering. 2020. V.1, P. 62-69. doi:10.1016/j.ijcce.2020.11.003
21. Preventis, A., Petrakis, E. CLONE: Collaborative Ontology Editor as a Service in the Cloud // Procedia Computer Science. 2021. V.I. (184), P. 275-282.
doi:10.1016/j.procs.2021.04.006

On the possibilities of introducing transcription into the practice of interrogation at the stage of preliminary investigation of crimes

Sotnikov Konstantin Ivanovich

Doctor of Law

Associate Professor, Department of Criminology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

198206, Russia, Saint Petersburg, PilyutovPilot str., 1

 sotnikovik@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the modern forensic investigative practice of recording the testimony of interrogated persons at the preliminary investigation, which indicates a tendency to increase the volume of interrogation protocols being compiled. The object of the study is the regularities of the procedure for recording the testimony of the interrogated persons. It is noted that the preparation of the interrogation protocol is the most time-consuming final stage of this investigative action. Analysis of scientific publications in recent years shows that forensic scientists focus on the tactics and psychology of interrogation. As part of the forensic tactics of interrogation, the issues of the specifics of the use of additional means of fixation in the form of audio-video recordings and requirements for the content of the interrogation protocol are also considered. The existing procedure for recording the testimony of interrogated persons in the typewriter mode remains acute. The novelty of the research lies in the author's proposal to introduce modern computer technologies and artificial intelligence into the practice of drawing up interrogation protocols that allow converting oral speech into text. We are talking about automatic speech recognition and the conversion of a speech signal into digital information in the form of text (transcription of oral speech). Currently, transcription is widely used in various spheres of human activity. It is noted that it is permissible to use transcription technology from the standpoint of criminal procedural regulation of interrogation and confrontation. The use of transcription means will allow the investigator to focus on communicating with the interrogated person, achieve psychological contact, track testimony, use tactical techniques, etc. Modern software allows the introduction of the specified technology of recording the testimony of interrogated persons into the practice of interrogation.

Keywords: converter, clerical work, speech, rationalization, protocol, proof, indications, recording, programming, neuro-linguistic

References (transliterated)

1. Zaitseva, V. V. Kognitivnye, kommunikativno-pragmaticheskie i yazykovye osobennosti doprosa v yuridicheskom diskurse : spetsial'nost' 10.02.19 "Teoriya yazyka" : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Zaitseva Valentina Viktorovna. – Tambov, 2011. – 24 s.
2. Brilenkova, V. V. Dopros svidetelya i poterpevshego po metodu kognitivnogo interv'yu / V. V. Brilenkova, G. A. Khan' // Donetskie chteniya 2017: Russkii mir kak tsivilizatsionnaya osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitiya Donbassa : Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh. Posvyashchena 80-letiyu DonNU, Donetsk, 17–20 oktyabrya 2017 goda / pod obshchei redaktsiei S.V. Bessalovoi. Tom 7. – Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo natsional'nogo universiteta, 2017. – S. 25-27.
3. Pan'kina, I. Yu. Kognitivnoe interv'yu pri doprose na predvaritel'nom rassledovanii / I. Yu. Pan'kina, T. V. Trofimova // Dopustimost' pokazanii v ugolovnom protsesse : Sbornik statei po materialam Vserossiiskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 19 dekabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii "Asterion", 2021. – S. 64-68.
4. Kuznetsov, V. Ispol'zovanie neirolingvisticheskogo programmirovaniya (NLP) pri doprose // Pravo i zhizn'. – 2011. – № 152. – S. 134-140.
5. Veselkov, K. V. Primenenie metoda neirolingvisticheskogo programmirovaniya v doprose kak forma vyrazheniya kriminalisticheskoi logistiki / K. V. Veselkov, S. V. Lysogorskaya // Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 5(6). – S. 38-43.
6. Ryvkin, S. Yu. Osobennosti doprosa s primeneniem metoda neirolingvisticheskogo programmirovaniya / S. Yu. Ryvkin, N. Zh. Elyan // Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye nauki : sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 27 iyunya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Chastnoe nauchno-obrazovatel'noe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya Gumanitarnyi natsional'nyi issledovatel'skii institut «NATsRAZVITIE», 2020. – S. 98-101.
7. Mazunin, Ya. M. Organizatsionnye osobennosti proizvodstva doprosa s ispol'zovaniem videokonferents-svyazi / Ya. M. Mazunin, K. S. Sidorova // Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 24–25 maya 2019 goda / Pod redaktsiei D.V. Bakhteeva. – Ekaterinburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet", 2019. – S. 98-102.
8. Ivanova, M. I. Vozmozhnosti sovremennykh telekommunikatsionnykh tekhnologii pri proizvodstve doprosa / M. I. Ivanova // Akademicheskaya publitsistika. – 2022. – № 7-1. – S. 134-139.
9. Udovichenko, V. S. Nauchnaya organizatsiya truda doznavatelya (sledovatelya) organov vnutrennikh del : uchebno-metodicheskoe posobie / V. S. Udovichenko. – Barnaul : Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Barnaul'skii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii", 2014. – 32 s.
10. Lebedev, Z. S. Elektronnoe ugolovnoe delo kak forma ugolovnogo sudoproizvodstva: sposob realizatsii i perspektivy vnedreniya // Nauchnyi daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2(5). – S. 37-41.
11. Sheremet'ev, I. I. Elektronnoe ugolovnoe delo: chto eto takoe i puti ego sozdaniya / I. I. Sheremet'ev // Lex Russica (Russkii zakon). – 2020. – T. 73, № 10(167). – S. 81-90.

12. Krasnopevtseva, N. A. Raspoznavanie i Preobrazovanie rechi / N. A. Krasnopevtseva, S. A. Mal'tsev, S. N. Stychev // Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. – 2021. – № 32. – S. 1172-1176.
13. Eremenko, T. A. Sovremennye podkhody k avtomaticheskomu raspoznavaniyu rechi // Elektronnye sistemy i tekhnologii : Sbornik materialov 58-i nauchnoi konferentsii aspirantov, magistrantov i studentov BGUIR, Minsk, 18–22 aprelya 2022 goda. – Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet informatiki i radioelektroniki, 2022. – S. 230-232.
14. Mishustin, V. A. Metod sinkhronizatsii audio-i tekstovoi informatsii s primeneniem tekhnologii raspoznavaniya rechi / V. A. Mishustin, S. V. Ivanitsa // Informatika i kibernetika. – 2022. – № 1(27). – S. 25-30.

Legal institute of preferences: concept, composition and system

Chornovol Evgeniy Petrovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Ural Institute of Management (branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

620990, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ul. 8 Marta, 66, office 49

✉ echornovol@mail.ru

Abstract. The author formulates the concept, constitutional and legal basis, composition and system of the legal institution of preferences of the Russian competition law. The relevance of the study is determined by the fact that by now this legal education has not only not been studied in domestic jurisprudence, but is not positioned at all in the doctrine of competition law. Moreover, some legal scholars consider it alien to competition law. The purpose of the study is to substantiate the functioning of a separate legal institution of preferences in the system of competition law, the political and legal basis of which is the constitutional and legal provisions defining the beginnings of the country's market economy and the solution of socially significant tasks of Russian society through the use of the preferential mechanism, which includes two levels of legal forms at the sectoral level norms of international acts and treaties of Russia, regulatory legal acts of the Federation, subjects of the Russian Federation and municipalities of procedural and material order, differentiating into general and special prescriptions, forming its general and special parts. In the process of studying the legal phenomenon of preferences, a dialectical method of cognition was used within the framework of a materialistic approach in combination with private scientific methods of cognition of social and legal phenomena: analysis and synthesis, observations and comparisons, system and framework method, forecasting, planning and modeling. As a result of the conducted research, the fundamentals of the theory of the competitive legal institute of preferences are presented, as well as the positions of denial of the connection of preferences with the regulation and protection of competition among legal scholars and interpretation of the relevant provisions exclusively from the perspective of anticoncurrent regulation of the activities of public legal entities are refuted. The provisions and conclusions of the study can be used in the law-making and law enforcement practice of the relevant legal provisions, as well as in the educational process of training lawyers. The novelty lies in the substantive analysis of the regulatory framework for the selective provision by the authorities of public legal entities with the prior consent of the antimonopoly authority of the country to economic entities of

preferences as a separate institution of a special part of competition law. The functioning of the competitive legal institute of preferences is based on legal principles that determine its method, tasks and functions.

Keywords: national laws, system of legal institute, international legal acts, constitutional and legal basis of preference, legal institution of preference, subject of competition law, competitive relation, economic entities, preferences, sub-institutions of the legal institute

References (transliterated)

1. Bazhenova O.I. Osushchestvlenie antimonopol'nogo kontrolya v otnoshenii munitsipal'nykh obrazovaniy: problemy effektivnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. 2013. № 6. S. 31-2.
2. Aleksenko I.V. Kontrol' za soblyudeniem organami gosudarstvennoi vlasti sub'ektov RF antimonopol'nogo zakonodatel'stva // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2013. № 4. S. 194-202.
3. Knyazeva I.V. Antikonkurentnaya deyatel'nost' organov vlasti: prichiny poyavleniya i praktika pravoprimeneniya antimonopol'nymi organami Rossii // Razvitie territorii. 2015. № 1. S. 62-71.
4. Plekhanov D. A. Zashchita konkurentsii ot organov gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya (na primere Rossii, Respubliki Armeniya, Litovskoi Respubliki, Respubliki Belarus') // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2017. № 3 (76). S. 212-219.
5. Egorova M.A. Pravovye rezhimy antikonkurentnykh deistvii: monografiya. M.: Yustitsinform, 2021. 244 s.
6. Seredina E.V. Regulirovanie imushchestvennykh otnoshenii publichno-pravovykh obrazovaniy antimonopol'nym zakonodatel'stvom // Imushchestvennye otnosheniya v RF. 2014. № 1 (148). S. 46-52.
7. Samolysov P.V. Pravovye osnovy antimonopol'nogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii // Aktual'nye voprosy sovremennogo konkurentnogo prava: Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3; otv. red. d.yu.n. M.A. Egorova. M.: "Yustitsinform", 2019. S. 23-30.
8. Lyubchenko I.S., Gulinskii A.A. Predostavlenie gosudarstvennykh i munitsipal'nykh preferentsii – praktika primeneniya sudami polozhenii glavy 5 Federal'nogo zakona «O zashchite konkurentsii» // Arbitrazhnye spory. 2014. № 1 (65). S. 25-30.
9. Teoriya i praktika stanovleniya konkurentnogo zakonodatel'stv (na materialakh Respubliki Moldova) / A.Karaganchu, V. Kerare i dr. M.:Yustitsinform, 2012. 264 s.
10. Petrov D.A. Antimonopol'noe zakonodatel'stvo: teoriya i praktika primeneniya. SPb.: Izdatel'stvo, 2012. 160 s.
11. Ul'yanov A. Antimonopol'noe regulirovanie v Rossii. M., 2018. 460 s.
12. Antimonopol'noe regulirovanie v tsifrovuyu epokhu. Kak zashchitit' konkurenciyu v usloviyakh globalizatsii i chetvertoi promyshlennoi revolyutsii / Pod red. A.Yu. Tsarikovskogo, A.Yu. Ivanova i E.A. Voinikanis. M.: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018. 311 s.
13. Interv'y u Alloi Nikolaevnoi Varlamovoi, doktorom yuridicheskikh nauk, professorom kafedry kommercheskogo prava i osnov pravovedeniya yuridicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova // Konkurentnoe pravo. 2012. № 2. S. 36-41.
14. Chornovol E.P., Borodina I.N. Transparentnost' predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh preferentsii khozyaistvuyushchim sub'ektam // Effektivnost' publichnoi

- vlasti i pravovogo regulirovaniya: problemy i resheniya: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (1 dekabrya 2015 goda g. Kurgan / otv. red. E. P. Chornovol. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta., 2016. S. 188-205.
15. Plekhanov D. A. O nekotorykh voprosakh predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh preferentsii // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2015. № 9. S. 103-107.
 16. Bochinin I. P. Gosudarstvennye i munitsipal'nye preferentsii: vliyanie na konkurentsiyu // Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika. 2021. № 3 (27). S. 84-89.
 17. Korovina K. S. Gosudarstvennye ili munitsipal'nye preferentsii: ponyatie i problemy predostavleniya // Konkurentnoe pravo. 2014. № 3. S. 27-31.
 18. Shipunov V. A. Antimonopol'noe regulirovanie predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh preferentsii // Finansovyi kontrol'. 2012. № 8 (SPS Garant, 2023).
 19. Khabrieva T.Ya. Konstitutsionno-pravovye osnovy konkurentsii v Rossiiskoi Federatsii // Konkurentsia v rynochnoi ekonomike: predely svobody i ogranichenii: Ezhegodnye nauchnye chteniya pamyati S. N. Bratusya (Moskva, 2 noyabrya 2016 g.). M., 2016. S. 5-15.
 20. Nozdrachev A.F. Sistemnaya reglamentatsiya administrativnoi deyatel'nosti: otechestvennaya doktrina i praktika // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2011. № 8. S. 5-41.
 21. Krasavchikov O.A. Grazhdanskoe pravootnoshenie – yuridicheskaya forma obshchestvennogo otnosheniya // Grazhdanskie pravootnosheniya i ikh strukturnye osobennosti: sb. uchen. tr. Vyp. 39. Sverdlovsk. 1975. S. 5-22.
 22. Turkina Yu.A. Aktual'nye problemy predostavleniya gosudarstvennykh ili munitsipal'nykh preferentsii // Molodoi uchenyi. 2019. № 36 (274). S. 126-129.
 23. Mal'tseva D.V. Donati P. Relyatsionnaya teoriya obshchestva: sotsial'naya zhizn' s tochki zreniya kriticheskogo realizma / Sost. E.A. Kostrova. M.: PSTGU, 2019. Rets. D.V. Mal'tseva // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2020. Tom 46. № 2. S. 169-171.
 24. Kavelin K.D. Chto est' grazhdanskoe pravo i gde ego predely // Kavelin K.D. Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu. M.: AO «Tsentr YurInfoR», 2003. S. 65-157.
 25. Kerimov D.A. Filosofskie problemy prava. M.: Mysl', 1972. 472 c.
 26. Alekseev S.S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 c.
 27. Raikher V. K. O sisteme prava // Pravovedenie. 1975. № 3. S. 56-63.
 28. Braginskii M. I. O meste grazhdanskogo prava v sisteme «pravo publichnoe – pravo chastnoe» // Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava: Sb. statei. M.: Gorodets, 2000. S. 46-73.
 29. Simolin A.A. Znachenie izucheniya otdel'nykh elementov yuridicheskikh institutov // Simolin A.A. Vozmezdnost', bezvozmezdnost', smeshannye dogovory i inye teoreticheskie problemy grazhdanskogo prava. M., 2005. S. 378-385.
 30. Osipov Yu.K. Ponyatie institutov grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Pravovedenie. 1973. № 1. S. 54-60.
 31. Yakushev V.S. O ponyatii pravovogo instituta // Pravovedenie. 1970. № 6. S. 61-67.
 32. Krasavchikov O.A. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva (grazhdansko-pravovoi aspekt) // Pravovedenie. 1975. № 2. S. 62-71.
 33. Malyi A.F., Logunova S.O. Instituty prava i pravovye instituty v sovremenном rossiiskom prave i osobennosti ikh formirovaniya // Obrazovanie i pravo. 2021. № 2. S. 91-96.

34. Dzhallilova E.A. Problemy opredeleniya ponyatiya i sushchnosti instituta prava // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. 2018. № 2. Tom 1. S. 22-31.
35. Goloviznin A.V. K voprosu o sootnoshenii ponyatii «sistema prava» i «sistema zakonodatel'stva» // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 12. S. 81-84.
36. Belyaeva G.S. Kuz'menko V.I. Umarova A.A. K voprosu o ponyatii i priznakakh yuridicheskikh institutov // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2018. № 4. S. 101-104.
37. Krasavchikov O.A. Izdatel'skoe pravo (postanovka voprosa) // Problemy sovremennogo avtorskogo prava. Sverdlovsk, 1980. S. 107-116.
38. Chornovol E.P. Tseli predostavleniya khozyaistvuyushchim sub'ektam gosudarstvennykh i munitsipal'nykh preferentsii v kontekste zashchity konkurentsii // Konkurentnoe pravo. 2016. № 4. S. 35-38.
39. Chornovol E.P. Printsip svobody osushchestvleniya predprinimatel'stva i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii v rakurse zashchity konkurentsii // Moskovskii yuridicheskii forum onlain – 2020: sbornik tezisov dokladov: v 4 ch. Ch. 1. M.: RG-Press, 2020. S. 246-251.
40. Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava. M.: Yurid. lit., 1975. 264 c.

Taxonomies of "sustainable development" and "green" projects as legal instruments for achieving sustainable development goals and "green legislation"

Maslova Svetlana Valentinovna

Doctor of Law

Associate Professor, Department of Public Administration, St. Petersburg State University

199004, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, lane. Volkhovsky, 3, of. 223

✉ maslova@gsom.pu.ru

Abstract. The article is devoted to a new tool of Russian legislation and law enforcement practice – the taxonomy of "sustainable development" and "green" projects. The subject of the study is the understanding of the prerequisites for the adoption and regulatory content of the taxonomy, determining its significance for the development of legal regulation in the light of the concept of sustainable development, as well as its practical value for increasing investments in "green" and "sustainable" infrastructure, improving social and environmental indicators of the population. The relevance of the study is related to the lack of precisely the normative tools for the qualification of "sustainable development" projects, "green" and "climate" projects has long been considered one of the main barriers hindering the development of the Russian market of "sustainable" and "green" financing, as well as increasing demands for streamlining approaches to such projects.

The main research methods were general scientific methods - formal-logical, systemic and functional. Special attention is paid to the comparative legal analysis of the taxonomies of Russia, Kazakhstan and China. The Russian taxonomy has laid the regulatory foundation for the market of sustainable, including green financing in the Russian Federation, and has the potential to contribute to the expansion of its scale. And although through its adoption, the fundamental problem of ensuring sustainable development has not been solved in the legal field. Nevertheless, it introduced terminological (conceptual) certainty, reduced the asymmetry of the goals and objectives of legal regulation of investment and environmental relations,

which is also an extremely important task of legal regulation. In the absence of clear goal-setting and normative definitions, new legal and economic categories are given different meanings, which negatively affects the emerging regulation of this sphere of relations. Future tasks related to the development of optimal legal structures for regulating relations arising from the preparation and implementation of projects of "sustainable" development and "green" projects will be solved more effectively, largely due to the foundations laid by the Russian taxonomy.

Keywords: sustainable investments, green investments, regions of Russia, national development goals, greening of legislation, infrastructure projects, green projects, sustainable development projects, taxonomy of projects, sustainable development

References (transliterated)

1. Baranina E.Yu. Investitsionnye strategii ESG: pravovoe regulirovanie, problemy i perspektivy // Bankovskoe pravo. 2022. № 5. S. 69-76.
2. Brinchuk M.M. Teoreticheskie problemy ekologizatsii zakonodatel'stva: Razvitie idei O.S. Kolbasova o kontseptsii ekologicheskogo prava // Ekologicheskoe pravo. 2007. № 6. S. 6-12.
3. Grazhdanskii kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki. Retrieved from: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-i-general-principles-20200528/chn> (data obrashcheniya: 11.09.2023)
4. Dubinchina S. Ustoichivost' v prioritete: kakie proekty obrashcheniya s TKO mogut priznat' «zelenymi» i «adaptatsionnymi» Retrieved from: <https://rosinfra.ru/news/ustojchivost-v-prioritete-kakie-proekty-obrasenia-s-tko-mogut-priznat-zelenymi-i-adaptacionnymi> (data obrashcheniya: 08.09.2023).
5. Zakupen' T.V. Ponyatie i pravovye osnovy "zelenoi" (nizkouglerodnoi) ekonomiki // Ekologicheskoe pravo. 2023. № 1. S. 8-11.
6. Mazhorina M. V. Pravo ustoichivogo razvitiya: sushchnost', predmet i metodologiya // Lex Russica. 2022. № 5 (186). S.117-125.
7. Novikova E.V. Zelenaya ekonomika i zelenoe pravo: mirovye tendentsii // Ekologicheskoe pravo. 2020. № 3. S. 13-19.
8. Sitnik A.A. "Zelenye" finansy: ponyatie i sistema // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2022. № 2. S. 63-80.
9. Skobelev D.O., Volosatova A.A., Guseva T.V., Panova S.V. Primenenie kontseptsii nailuchshikh dostupnykh tekhnologii v razlichnykh sistemakh zelenogo finansirovaniya: mezhdunarodnyi opyt i perspektivy primeneniya v gosudarstvakh-chlenakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza // Vestnik evraziiskoi nauki. 2022. № 2. Retrieved from: <https://esj.today/issue-2-2022-economics.html> (data obrashcheniya: 10.07.2023).
10. Shamsutdinov E.R. Ekologizatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva v kontekste kontseptsii ustoichivogo razvitiya // Yurist. 2008. № 1. S. 33-35.
11. Shmagin V. «Zelenaya» verifikatsiya. Retrieved from: <https://plus.rbc.ru/partners/6292792b7a8aa93b977949b3> (data obrashcheniya: 10.07.2023).
12. Ekologiya. Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. Prof. S.A. Bogolyubova. M.: Norma, 2000. 407 s.
13. «ESG-standarty. Interv'yu s ekspertami MGYuA». Retrieved from: https://msal.ru/news/esg-standarty-intervyu-s-ekspertami-mgyua/?Special_version=N

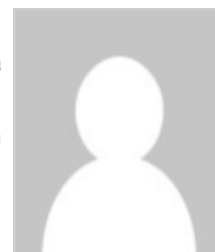
14. ESG-transformatsiya dolzhna lech' v osnovu zakonodatel'stva: mnenie eksperta.
Retrieved from: <https://infragreen.ru/expertise/135624>
15. Ehlers T., Gao D., Packer F. A taxonomy of sustainable finance taxonomies. BIS Papers No 118. 2021. Retrieved from <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap118.pdf> (data obrashcheniya: 10.07.2023).
16. EU taxonomy for sustainable activities / European Commission Retrieved from: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/sustainable-finance/eu-taxonomy-sustainable-activities_en
17. Grochowski M. European Consumer Law after the New Deal: A Tryptich // Yearbook of European Law, 2020, vol. 39, pp. 387-422.
18. Ulfbeck V., Hansen O. Sustainability Clauses in an unsustainable Contract Law? // European Review of Contract Law, 2020, vol. 16, iss. 1, pp. 186-20.

Temporary Asylum: Problems of Public Administration, Statistics and Administrative Legal Regulation

Petrovskaya Miroslava Ivanovna

Senior Lecturer, Department of Legal Science, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

✉ maria-petrovskaya@mail.ru

Abstract. The author examines the current issues of the institution of temporary asylum in the context of the current administrative and legal regulation and public administration practice. The article pays attention to the problems of implementing the institution of temporary asylum known in the literature, associated with the complex administrative procedure for granting temporary asylum status and the long period of consideration of an application for status, as well as the falling demand for refugee and temporary asylum institutions, reflected in statistical data. The object of the study is the public relations arising in the field of forced migration. The subject of the study is the public relations that arise regarding the implementation of public administration in the process of granting temporary asylum status. The purpose of this article is to develop proposals for reforming the administrative and legal regulation of the institution of temporary asylum in the Russian Federation in the system of public management of forced migration in Russia. The scientific novelty of this article consists in conducting a qualitative analysis of the provision of refugee status and temporary asylum based on statistical data from government agencies and other sources in the field of forced migration in Russia. Particular attention is paid to forced migrants from Ukraine in the context of existing problems. A systemic problem of inconsistency between statistical data on the granting of refugee status, temporary asylum and citizenship of the Russian Federation and the actual socio-political situation has been identified. In conclusion, proposals for modernizing the current legislation in the field of forced migration are formulated, including the vesting of statistical powers in the field of forced migration of the Russian Ministry of Internal Affairs, as well as the introduction into administrative and legal practice of a new legal status - "temporary protection"

Keywords: migration, temporary protection, administrative and legal regulation, public administration, forced migration, statistics, forced migrant, refugee, temporary asylum, citizenship

References (transliterated)

1. Gerasimenko Yu. V., Matveev V. E. Pravovoe polozhenie bezhentsv v Rossiiskoi Federatsii: monografiya / Omsk: OmGPU, 2001. 81 s.
2. Petrovskaya M.I. Institut vremennogo ubezhishcha v Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy // Problemy nauchnoi mysli. 2022. T. 2. № 8. S. 64-68.
3. Petrovskaya M. I. Soderzhanie i kharakteristika gosudarstvennogo upravleniya v sfere vynuzhdennoi migratsii // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2020. №7. S. 167-171.
4. Petrovskaya M. I. Soderzhanie gosudarstvennogo upravleniya v sfere vynuzhdennoi migratsii v Rossii: administrativno-pravovoi aspekt // Yurist. 2021. № 1 (21). S.44-53.
5. Andreitso S.Yu. Problemy realizatsii migratsionnoi politiki v Rossii: prava cheloveka, trudovaya, vynuzhdenaya nezakonnaya migratsiya // Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii. 2022. № 2 (55). S. 69-72.
6. Egorova E.N., Gukepshev A.A. Pravovoe regulirovanie vynuzhdennoi migratsii na postsovet'skom prostranstve: problemy i perspektivy razvitiya // Migratsionnoe pravo. 2023. № 2. S. 17-20.
7. Andreitso S. Yu. Nekotorye aspekty predostavleniya statusa bezhentsa v Rossii // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. 2020. № 3 (27). S. 304-312.
8. Kudryashova A. A. Etapy pravovogo regulirovaniya sotsial'noi politiki v otnoshenii bezhentsv i pereselentsv v Rossii // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2020. № 60-5. S. 61-67.
9. Oliinyk I. L. Vynuzhdenaya migratsiya: osobennosti statusa pereselentsv Donbassa // Migratsionnoe pravo. 2019. № 3. S. 10-13.
10. Galas M. L, Sillaste G.G., Shevchenko K. D. Migratsiya v usloviyakh krizisnogo razvitiya mirovogo soobshchestva i ee riski v Rossii: monografiya / Moskva: Prometei, 2020. 406 C.

Organized forms of online fraud: types of fraud in the field of computer information and the use of high technologies

Polstovalov Oleg Vladimirovich

Doctor of Law

Professor of the Department of Criminology, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450077, Russia

✉ krimalist2010@mail.ru

Galautdinov Rushan Radikovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of Criminology, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevsky str., 131

✉ rushan-94@mail.ru

Abstract. Law enforcement and judicial practice in Russia has faced a mass of previously non-existent types of fraud. New types of fraud appeared in the field of computer technology and the use of high technologies. Along with this, the development of economic sectors, the credit

and financial system, commercial banks, the emergence of new information, banking technologies, technical means of communication have generated organized forms of online fraud. Primitive forms of fraud are being replaced by more sophisticated ones, new technologies are penetrating into our lives, so forms of fraud using chat gpt, that is, neural networks, have appeared. The above circumstances justify the relevance of the research topic. The subject of the study is various types of fraud in the field of computer information and the use of high technologies and the specifics of their commission. The novelty of the topic of the publication is due to the need for a thorough study of new organized forms of online fraud to prevent the commission of such crimes. For the first time, "modification" as a method of computer fraud, a neural network, as a way of committing fraud, was investigated. An attempt has been made to characterize an organized criminal group committing online fraud. Digital traces of organized forms of online fraud have been investigated. The purpose of this publication is to highlight the features of the commission of organized forms of online fraud. Their allocation will help to effectively solve such crimes. The article uses various methods: general dialectical, logical, analysis of regulatory regulation, formal legal, comparative legal. Conclusions: on the basis of theory and law enforcement practice, the key elements of organized forms of online fraud are identified, the key features of organized criminal groups that commit them are characterized, the role of neural networks in the commission of the crimes under consideration is established.

Keywords: digitalization, law enforcement practice, digital traces, organized group, modification, neural network, computer fraud, online fraud, computerization, novella

References (transliterated)

1. Drapkin L.Ya. Kriminalistika / pod red. L.Ya. Drapkina. M: Yurait, 2012.
2. Russkevich E.A., Frolov M.D. Moshennichestvo v sfere komp'yuternoï informatsii: monografiya. M.: NITs INFRA-M, 2020.
3. Shevchenko E.S. Taktika otдел'nykh sledstvennykh deistvii pri rassledovanii kiberprestuplenii // Zakon i pravo. 2015. № 8. S. 128-138.
4. Tropina T. L. Komp'yuternoe moshennichestvo: voprosy kvalifikatsii i zakonodatel'noi tekhniki. M., 2006.
5. Tsifrovizatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika: monografiya / pod red. d-ra ekon. nauk, prof. A. V. Babkina. – SPb.: POLITEKh-PRESS, 2020.